

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**3 (3)
2014**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2014

Редактор
А. А. Амирсейидова

Корректор
Е. П. Викулова

Технический редактор
Н. В. Тупицына

Верстка оригинал-макета
Л. В. Макаровой

Автор перевода
Т. Н. Федуленкова

За точность и добросовестность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы

Адрес учредителя:
600000, Владимир,
ул. Горького, 87.
Владимирский
государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых

Адрес редакции:
600014, г. Владимир,
пр-т Строителей, д. 3/7,
ауд. 231^а

Подписано в печать 20.03.15
Заказ №

Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 12,56
Тираж 500 экз.

Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии
Издательства
Владимирского
государственного
университета имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых
600000, Владимир,
ул. Белоконской, 3Б

Редакционная коллегия серии «Социальные и гуманитарные науки»

<i>Е. М. Петровичева</i>	доктор ист. наук, профессор директор Гуманитарного института (главный редактор серии)
<i>Е. И. Аринин</i>	доктор филос. наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения (зам. главного редактора серии)
<i>М. В. Артамонова</i>	кандидат филол. наук, доцент декан Филологического факультета
<i>И. Й. Деретич</i>	доктор филос. наук, профессор руководитель проекта «История сербской философии», Философский факультет, Белградский университет
<i>В. В. Жданов</i>	доктор филос. наук университета Фридрих-Александра Эрланген-Нюрнберг (Германия)
<i>И. Я. Кантеров</i>	доктор филос. наук, заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой исторического регионоведения Исторического факультета СПбГУ
<i>Т. Л. Лабутина</i>	доктор ист. наук, профессор ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
<i>И. К. Лапина</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой новой и новейшей истории
<i>А. В. Лубков</i>	доктор ист. наук, профессор проректор Московского педагогического государственного университета
<i>С. А. Мартынова</i>	кандидат филол. наук, доцент зав. кафедрой русской и зарубежной литературы
<i>И. И. Нечаева</i>	кандидат соц. наук, доцент кафедры социологии
<i>М. В. Пименова</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой русского языка
<i>Т. Н. Федуленкова</i>	доктор филол. наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации
<i>Т. А. Филановская</i>	доктор культурологии, доцент кафедры эстетики и музыкального образования
<i>Г. С. Егорова</i>	кандидат ист. наук, доцент кафедры истории России (отв. секретарь редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Родригес А. М. Основные тенденции развития арабских стран в последней четверти XX века.....	5
Макеев Д. А. Проблемы формирования и политической активности интеллигенции Египта во время оккупационного режима (до 1901 г.)	16
Красницкая Т. А. Организация учебного процесса в церковных учительских школах России в конце XIX – начале XX века.....	30

ФИЛОЛОГИЯ

Бекасова Е. Н. Семантические метаморфозы в русских прозвищах.....	38
Демидов Д. Г. Последняя речь Бояна в «Слове о полку Игореве» и оценка ее границ	42

ФИЛОСОФИЯ

Зубков С. А. Корреляция экофильности и экофобности в экологической философии	50
Соколова С. Ю. Политические настроения итальянской интеллектуальной элиты в первой четверти XX века	56
Латышева Ж. В. Трансцендирование как диалогическое отношение.....	63

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Сайтанов С. В. Тенденции демократического социализма в анархо-реформистских взглядах П. А. Кропоткина	75
Петросян Д. И. Анализ некоторых аспектов соотношения толерантности и ксенофобии в сознании жителей Владимирской области	90
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	107

CONTENTS

HISTORY

- Rodriges A. M.**
The main tendencies of the Arabic states' development during the last quarter of the XX century..... 5
- Makeev D. A.**
The problems of the new Egyptian intellectuals forming and its political activity under the occupation regime (up to 1901)..... 16
- Krasnitskaya T. A.**
Organization of educational process at church teachers' schools in the late XIX – the early XX century..... 30

PHILOLOGY

- Bekasova E. N.**
Semantic metamorphoses in Russian nicknames..... 38
- Demidov D. G.**
The last Boyan's speech in «The tale of Igor's Campaign Lay» and assessment of its borders 42

PHILOSOPHY

- Zubkov S. A.**
Correlation of ecophilia and ecophobia in environmental philosophy..... 50
- Sokolova S. Y.**
The political mood of the Italian intellectual elite in the first quarter of the XX century..... 56
- Latysheva Zh. V.**
Transsending as dialogical relation 63

SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE

- Saytanov S. V.**
Trends of democratic socialism in anarcho-reformist views of Peter Kropotkin..... 75
- Petrosyan D. I.**
The influence of the personal experience in multinational communications of the citizens of Vladimir region on their level of tolerance versus xenophobia..... 90
- INDEX OF PARTICIPANTS** 107

ИСТОРИЯ

УДК 94(53)''1975/2000''

А. М. Родригес

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АРАБСКИХ СТРАН В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

В статье анализируются основные тенденции экономического и социально-политического развития арабских стран в последней четверти и особенно в конце XX века.

Ключевые слова: экономические проблемы, мусульманский мир, уровень развития, проблемы, кризис.

В последней четверти XX века мусульманский мир уже воспринимался как мощная политическая и экономическая сила, с которой не могут не считаться в глобальном масштабе как мощнейшие, так и любые другие государства. Исламскими себя ныне считают свыше 50 стран мира, мусульманские общины присутствуют в 120 государствах, а общее число приверженцев веры пророка Мухаммада – более 1 млрд человек [18, с. 31]. Только в Российской Федерации число мусульман превышает 20 млн. Крах советской империи способствовал происходящему и в настоящее время процессу восстановления связей стран Ближнего и Среднего Востока с мусульманскими государствами Закавказья и Центральной Азии. Эти страны начали не только взаимодействовать политически, идеологически, но и экономически, часто составляя конкуренцию даже России прежде всего в сфере энергоносителей и транспорта.

Традиционно политический вес Ближнего и Среднего Востока в мире в первую очередь определяется нефтегазовыми богатствами его стран. Запасы нефти составляют в Саудовской

Аравии 25,9 %, в Ираке – 9,9 %, в Кувейте – 9,6 %, в ОАЭ – 9,1%, в Иране – 8,8 % мировых. Для сравнения: в Венесуэле эти цифры составляют 6,4 %, а в России – 4,9 % [23, с. 97 – 98]. При этом, по данным МБРР, в 1997 г. ВВП Саудовской Аравии, где живет 20 млн чел., составлял 128,9 млрд. дол., а в пересчете на душу населения – 6 790 дол. ВВП ОАЭ (где живет 3 млн чел.) составлял 42,7 млрд дол., а на душу населения – 17 360 дол. США.

Однако уровень богатства различных арабских стран резко отличается и, например, в Йемене ВВП составлял 4,3 млрд дол. (97-е место в мире) с показателем на душу населения – 270 дол. (117-е место в мире). Добавим, что в 1995 г. (эта характеристика сохраняется и до сих пор) суммарный ВВП всех арабских стран составлял 453,7 млрд дол. США, что равнялось, например, всего лишь 81 % ВВП не самой процветающей европейской страны Испании, население которой составляет в сравнении с населением Арабского мира 16,3 %. Это и понятно, учитывая, например, тот факт, что доля машин и оборудования в структуре экспорта составляет

в Саудовской Аравии 0,5 %, Египте – 0,4 %, Алжире – 0,4 %, Кувейте – 1,3 % и лишь в Тунисе – 9,8 %. Для сравнения: в Испании этот показатель был равен 42,8 %, в России – 7 %.

Экономические проблемы региона углубляются вследствие высокого показателя демографического прироста населения (2,5 – 2,9 % ежегодно), низкого уровня его доходов, существенных проблем с трудоустройством, низкой грамотности, проблем с образованием, медицинским обслуживанием [16, с. 187].

При этом арабский мир перманентно был вовлечен в международные конфликты. Он демонстрировал «исламскую солидарность» с Афганистаном и, например, только Саудовская Аравия через государственные каналы Комиссии по вопросам помощи афганцам в 1983 – 1989 гг. израсходовала 700 млн риалов (1 дол. США составлял тогда приблизительно 3,6 саудовских риалов) [15, с. 26 – 32]. Широкая помощь богатыми арабскими государствами оказывалась и народу Палестины.

Следует учитывать эндогенные особенности, общие для арабских стран, в которых повсеместно существуют сильные и влиятельные корпорации исламского духовенства, а также могущественные кланы особенно в государствах с монархической формой правления, составляющие политическую элиту сообщества, делающие все возможное для сохранности своих господствующих позиций. Именно они определяют желательность или ненужность тех или иных экономических и политических реформ, проводящихся исключительно сверху.

На этом фоне в арабском регионе уже происходила радикализация политической обстановки, вызываемая кроме внешних и внутренними факторами: отсутствием экономического и политического прогресса, в том числе – либерализацией внутривнутриполитической жизни, ограничением свобод граждан, стагнацией, а иногда и падением уровня жизни и т.п. Этому способствовало и преобладающее практически во всех слоях арабского населения желание сохранить культурно-религиозные традиции и самобытность, что мало совместимо с распространением глобалистической квазивестернизации, тем более что в среде интеллигенции и студенчества постепенно возрастает число потенциальных технократов. Особенно радикализуется молодежь, притом, что в арабских странах численность лиц до 15 лет составляла до 50 % всего населения, а в возрасте от 15 до 25 лет – еще около 20 % [8, с. 2].

Активно действовали группы левых реформистов (придерживающихся, впрочем, также исламских принципов) и правых модернистов (представляющих богатых предпринимателей, выступающих за реформы в экономике без секуляризации политической системы или ослабления позиций военно-политической элиты). К тому же в странах Запада присутствует многочисленная неполитическая арабская диаспора, состоящая в значительной своей части из бизнесменов и работников престижных профессий, удовлетворенных своим статусом. Часть доходов ее представители пересылают в страны своего происхождения, тем самым в определенной мере поддерживая на плаву их экономику.

К концу XX века ситуация в регионе характеризовалась обострением социальных и экономических проблем. Среди них – проблемы занятости, псевдоприватизации, слабых темпов привлечения в бедные страны иностранного капитала и инвестиций, упомянутые демографические сдвиги, продовольственный вопрос, часто неоправданное, политически мотивированное субсидирование курса национальных валют. Впрочем, относительно необходимости сохранения мусульманского фасада власти (эксцессы в НДРЙ и Сирии уже были преодолены) во всех арабских странах, за исключением наполовину христианского Ливана, существует консенсус и конституции (где они приняты) признают ислам государственной религией каждой страны [13, с. 100 – 112].

К началу XXI века в арабском мире действовало свыше 150 неправительственных экстремистских организаций суннитской, шиитской, националистической и сепаратистской направленностей, однако ощущался дефицит демократических движений и партий. Общественное сознание граждан, как правило, реализуется в той или иной политико-конфессиональной форме, при этом объективно возрастает роль течений клерикального толка.

Следует подчеркнуть, не забывая и об их подчас наблюдающейся близости, о различиях между фундаментализмом и религиозным экстремизмом. *Фундаментализм* – это в целом умеренный традиционный ислам, не стремящийся к обособлению и экспансии, но поддерживающий издревле принятые в мусульманском обществе моральные постулаты и в значительной мере идеализирующий прошлое.

В то же время *исламский экстремизм* нетерпим к компромиссам относительно вопросов гражданского, светского общества, не признает разделения государства и религии, отрицает саму идею общечеловеческого единства, противопоставляя мир ислама всем прочим цивилизациям, нетерпим к принципам международного права, готов применять дестабилизирующие методы во имя достижения своих целей, широко эксплуатирует социальный популизм.

Несмотря на понимание интеллектуальной элитой арабских стран различия между фундаментализмом и исламским экстремизмом, на практике границу между двумя этими явлениями и понятиями провести тяжело. Это объясняется тем, что личность в мусульманском мире развивается, как правило, лишь в религиозных политико-идеологических координатах. Для большинства арабского населения единство бытия и веры самоочевидно, что Западом воспринимается как признак отсталости. В декабре 1994 г. лидеры стран-участниц Организации Исламская конференция на очередном саммите в Касабланке заявили о несовместимости мусульманства с терроризмом. А на встрече руководителей почти 30 ведущих стран мира (среди которых половину представляли арабские государства, а также Израиль), которая вошла в историю как «саммит миротворцев» (март 1995 г., Шармаш-Шейх, Египет), была впервые предпринята попытка достичь приемлемого для всех определения термина «терроризм», а также достигнуто соглашение об обмене информацией и создании банка данных по международному терроризму [11].

В контексте отмеченной выше специфики арабского региона можно утверждать, что к рубежу веков его развитие происходило в двойной системе координат: глобализации (с учетом реалий влияния ТНК и мирового валютно-финансового рынка) и регионализации (при сохранении сильных функций национальных государств).

В региональном отношении выделялись группа аравийских монархий – стран-членов Совета сотрудничества арабских стран Персидского залива (с ситуативным подключением к нему Египта и Сирии), регион Северной Африки (Союз Арабского Магриба) и отдельные страны «арабского Юга» – Судан, Мавритания (несмотря на ее участие в Союзе Арабского Магриба), Йемен и Джибути. В отдельные моменты своей истории интегрирующим политическим и идеологическим фактором выступала общеарабская Лига арабских государств (ЛАГ), которая за почти 60-летнюю деятельность знала периоды как эффективной работы, так и дезинтеграции. Впрочем, в идеологическом плане ЛАГ всегда оставалась неким идеальным репрезентантом общеарабской «уммы», единство которой на практике часто было недостижимой мечтой.

Осознавая принципиальную необходимость выработки общеарабских принципов, соответствующих современным условиям трансформаций, Абдулла бен Абдель Азиз, в то время наследный принц Саудовской Аравии, в конце 2002 г. предложил проект важнейших подходов к проблеме реформ, которые после его одобрения в декабре 2002 г. Лигой арабских государств (22 страны) получили название

«Арабской хартии» [8, с. 2]. Она предусматривает и признает:

- необходимость политических и социально-экономических реформ в арабском мире;
- расширение участия народа в политической жизни своих государств; увеличение политической активности населения;
- важность усиления борьбы с безработицей и так называемыми карманами бедности;
- проведение таких изменений, которые в условиях глобализации и усиления экономических блоков должны обеспечить арабским странам достойный отклик на вызовы современности;
- необходимость лучше учитывать изменения в областях техники, коммуникаций, информации;
- желательность создания к 2005 г. межарабской зоны свободной торговли и начала движения к организации общего арабского рынка;
- усиление поддержки частного сектора, который будет обеспечивать благоприятную экономическую среду для экономических реформ и прогресса арабских стран;
- поддержку легитимности монархических династий в целях предотвращения нежелательных социальных катаклизмов, тем более что все арабские правящие дома своими корнями связаны с семьей пророка Мухаммада;
- объединение усилий всех арабских государств против любой внешней агрессии (последний принцип, как свидетельствует история, почти никогда не срабатывал);
- усиление поддержки Организации Объединенных Наций.

Нельзя не признать, что кроме отмеченных ранее объективных причин, принятие этой хартии стимулировало события 11 сентября 2001 г. (тем более что 15 из 19 исполнителей теракта были гражданами Саудовского Королевства), а большинство жен террористов были марокканками, то есть происходили из другого стратегически важного для США королевства [9, р. IV].

Вообще одной из первых в арабском мире на путь эволюционных экономических реформ встала именно Саудовская Аравия, что особенно значимо с учетом ее традиционного авторитета, определяющегося не только нефтяными богатствами, но и тем обстоятельством, что на ее территории находятся священные для всех мусульман города Мекка и Медина.

По комплексным показателям экономического развития за 2001 – 2002 гг. Саудовская Аравия стоит на шестом месте в мире после США, Германии, Японии, Франции и Великобритании [17, с. 154]. Саудовское Королевство было одним из первых среди арабских стран, которые осознали, что мировая экономика вступает в эпоху информационно-технологического капитализма. Это диктовало необходимость коррекции внутреннего курса державы Саудитов. С начала 1970-х гг. она осуществляет пятилетнее планирование национальной экономики и разноскоростную модернизацию производства с использованием (по японскому образцу) принципов отбора методов развития, соответствующих специфическим национальным условиям.

За 25 лет «революции сверху» Саудовской Аравии удалось выработать собственную стратегию и модель развития нефтедобывающей монар-

хии. В период первых трех пятилеток (1970 – 1985) страна добилась стабильного возрастания ВВП, обеспечила поступательное развитие человеческих ресурсов и решила проблему диверсификации национальной экономики. ВВП Королевства вырос с 23 млрд риалов в 1971 г. до 135 млрд риалов уже в 1975 г. и 525 млрд риалов в 1982 г. При этом доходы от экспорта нефти продолжительный период снижались и стабилизировались вместе с нефтяной политикой государства лишь в 1990 г. В 1980 г. доходы от экспорта нефти составляли 105,8 млрд дол., в 1985 г. – 24,2 млрд дол. и в 1990 г. – 41 млрд.

Принципиально важным для Саудовской Аравии, как и для всего Ближневосточного региона, стал период после 1990 г. В пятой пятилетке задачи развития человеческих ресурсов выходят на второе место среди общенациональных приоритетов после проблем обороны и безопасности. Тогда же индустриализация в принципиальном плане была признана завершенной. В седьмой пятилетке (2000 – 2005 гг.) развитие человеческих ресурсов приобрело еще большее значение и была поставлена задача замены иностранной рабочей силы национальными кадрами.

В целях развития человеческих ресурсов Саудовская Аравия выделяла в конце 1990-х гг. 5,5 % бюджета на образование (уровень Австрии и Египта). В стране функционируют восемь университетов, 90 % населения уже имеют как минимум начальное образование, что демонстрирует существенный прогресс по сравнению с предшествующими десятилетиями. На здравоохранение выделяется 3,1 % бюджетных средств (в Австрии – 5,9 %,

в Египте – 1,6 %). В 1998 г. 85 % саудовского населения жило в городах, существенно уменьшилось число кочевников [18, с. 97 – 98].

Но все эти достижения за столь короткий по историческим меркам промежуток времени не могли обеспечить полного преодоления инерции традиционного сознания арабов полуострова. Несмотря на успехи урбанизации, выходцы из одной местности в городах живут в одних или соседних кварталах. Сохраняются племенные расхождения между представителями «благородных» и «менее благородных» племен. Власть шейхов определяется, как и раньше, традицией, а не материальным положением. В этом контексте династию Саудитов считают в силу многих исторических и религиозных причин не только священной, но и в социальном аспекте – семьей шейха шейхов.

Исламские ценности и мораль продолжают доминировать в деловой этике и традиционном поведении. Несмотря на развитие образования, сохраняется и тяга молодежи, в целом ориентирующейся на идеи исламского возрождения, к традициям. Однако это не противоречит готовности к постепенным внутривнутриполитическим изменениям, предполагающим сохранение в несколько обновленных формах правления господствующего класса саудовских эмиров (который насчитывает до 7 тыс. выходцев из королевской семьи).

Несмотря на очевидные экономические успехи Саудовской Аравии в рамках апробированной Королевством собственной формы развития, последняя остается «моделью авторитарного развития», а в экономическом плане – «моделью догоняющей мо-

дернизации». Однако в значительной мере обоснованным видится саудовский тезис о необходимости государственного контроля над процессом адаптации общества к реалиям современного мира и отсутствию необходимости полной открытости страны.

Важно, что изменения в жизни державы Саудитов не вступают в непримиримые противоречия с вековыми традициями, которые являются для саудовцев системообразующими принципами общественного бытия. Тем более что постоянная внешняя угроза (Иран, прежний Ирак, сегодня в определенной мере США) содействует сохранению внутри Королевства тенденции авторитаризма, который в отличие от многих стран мира никогда не был диктаторским. Объясняется это тем, что арабо-исламское общество в целом и саудовское в частности принимают тезис о священном, предоставленном Аллахом, праве монархий. При этом многие в регионе выступают как против равенства религий, так и против западного рационализма, строя стратегии развития именно на традиционных исламских принципах. Особенно это характерно для Саудовской Аравии, родины ислама и пророка Мухаммада.

Как важный позитив в стратегии развития Саудовской Аравии можно отметить постепенное возрастание роли в экономике и практическом управлении национальным хозяйством (в частности, экономических комиссий Высшего экономического совета) так называемых просвещенных «технократов». Это отвечает общемировым тенденциям и уже дало положительные результаты в виде либерализации экономического режима, повышения эффективности государственного вмешательства в

экономику и налоговую политику, улучшения ситуации с привлечением инвестиций и размещением саудовских капиталов в банках иностранных государств, стабильности финансового рынка в Королевстве [14, с. 3 – 14].

Важно и то, что Саудовская Аравия, как и подавляющее большинство стран с положительными показателями развития, уже давно осознала, что «хорошее правительство – не роскошь, а жизненная необходимость», а «эффективное государство» является непременной политической предпосылкой любых экономических и социально-политических успехов развития. Следует подчеркнуть, что саудовско-арабийская модель развития выработана самостоятельно, без помощи Мирового банка и МВФ, хотя и при заимствовании элементов иностранного опыта и зарубежной экспертной помощи.

Другую модель развития представляла Арабская Республика Египет (АРЕ). Еще в 1970-х гг. она отошла от революционных лозунгов и так называемой социалистической ориентации. В 1991 – 1999 гг. Республика выполняла две программы экономической реструктуризации, разработанные при непосредственном участии МВФ и Мирового банка. Египет остается ведущей страной арабского востока и непосредственно влияет на все существенные процессы, происходящие в регионе. Дело здесь не только в геополитических, экономических, военных, демографических или других показателях, но и в оказываемом страной культурно-идеологическом влиянии (литература, музыка, театр и пр.), дополняющем традиционный религиозно-культурный фактор (наиболее влиятельный мусульманский суннитский

университет «Аль-Азгар», авторитет египетского муфтията). Существенными являются факторы отстаивания страной своего лидерства в арабском мире и поддержка им других арабских государств.

Долгое время Египет выступал общеарабским интеграционным полюсом силы, одним из инициаторов создания ЛАГ, первой в истории международной организации афро-азиатского мира.

Опыт работы ЛАГ показал, что без участия Египта любой интеграционный процесс в арабском мире обречен быть лишь локальным, тогда как участие в нем АРЕ делало его общеарабским. Как отмечала в декабре 2002 г. парижская «Ле Монд», С. Хусейн, несмотря на любые усилия, никогда не станет вровень с Г. А. Насером, А. Садатом или Х. Мубараком, а Ирак по влиятельности никогда не будет вторым Египтом [7, с. 3]. Важную роль здесь играют факторы исторической памяти, делающие египетских руководителей наследниками могущественных государств древности и средневековья.

Актуальным было и остаётся также информационно-технологическое влияние АРЕ. Именно в Каире в 1994 – 1996 гг. было положено начало арабскому интернету, а весомость местных масс-медиа известна с XIX в., с того момента, когда в Каире в 1875 г. была основана влиятельнейшая и популярнейшая ежедневная арабская газета «Аль-Ахрам». В 2000 г. только в столице страны на разных языках выходит до 500 арабоязычных и международных англо- и франкоязычных (не говоря о национальных меньшинствах коптов, греков, армян) периодических изданий, притом что министерство

информации Египта до сих пор не разрешает функционирования в стране частных теле- и радиоканалов. Следует упомянуть и об исторически глубоких корнях египетского парламентаризма, который насчитывает почти 140 лет и осуществляет влияние на политическую жизнь современной АРЕ и других стран региона [4, с. 3].

Партийная система Египта эволюционировала от непрерываемого господства, созданного Г. А. Насером, Арабского социалистического союза к многопартийности «во главе» с правящей ныне Народно-демократической партией (НДП), формально лишь одной из 12 легальных партий АРЕ. Республиканизм в Египте изменяется, но при этом, как считают международные исследователи, именно исламисты являются постоянным голосом оппозиции [2].

Вместе с тем президентская власть остается авторитарной (весна 2011 г. ещё не определила дальнейший ход событий). С 1981 г. страна живет по законам чрезвычайного положения, настоящая необходимость в котором сомнительна и прежде всего связана не с угрозой внешних сил или даже внутреннего терроризма, а социальным расколом в стране, за что всегда несёт ответственность правительство. Х. Мубарак еще осенью 1998 г. превзошел 16-летний срок правления Г. А. Насера и стал правителем, дольше всех находящимся при власти в Египте за период с 1850 г. [12, с. 46]. При этом в сентябре 1999 г. он был избран президентом на четвертый 6-летний срок, будучи единственным кандидатом на упомянутый пост [5, с. 145]. В ноябре 2005 г. в стране состоялись очередные президентские выборы. Они прошли уже на формально альтернатив-

ной основе. Однако победа Х. Мубарака была гарантированной, и он получил поддержку 85 % голосов избирателей, принявших участие в выборах).

Политическая ситуация в Египте к концу 2000-х гг. продолжала оставаться неоднозначной и вследствие обострения вопроса о вариантах наследования верховной власти. Из трех арабских стран, где с 1999 г. произошла смена руководства (Марокко, Иордания, Сирия), лишь в Марокко этот процесс состоялся безболезненно и в рамках положений Конституции 1996 г. Тогда же в Египте широко распространились слухи, что престарелый президент Х. Мубарак, состояние здоровья которого в последнее время не являлось крепким, хотел бы провести на должность президента своего старшего сына Гамалея и мобилизует для этой цели силы своих ближайших соратников.

Однако это намерение осложнилось рядом обстоятельств, в частности, неудачными результатами реформ 1991 – 1999 гг., которые разрабатывались в соответствии с рекомендациями МВФ и МБРР и не привели к положительным изменениям в жизни страны. В 2001 г. Египет фактически отказался от прямого сотрудничества с этими финансовыми организациями, сосредоточив внимание на собственном опыте экономического развития, прежде всего краткосрочных национальных задачах поддержания экономической и политической стабильности при многоотраслевом сотрудничестве с США и ЕС [5, с. 149].

Причинами неудач реформирования египетской экономики были не только нежелание египетского правительства девальвировать национальную валюту и проводить программу

широкой приватизации, но также массовая коррупция, низкий уровень производительности труда, демографический рост, отсталость сельского хозяйства, засилье командно-административной милитаризированной государственной и бизнес-элиты и т.п. Крайне негативно сказывалась чрезвычайная регламентация требований МВФ. Его руководство вмешивалось в вопросы поддержания внутривалютной стабильности и требовало жестких мер экономии на социальных программах, резкого снижения уровня инфляции, либерализации внешней торговли Египта, приватизации исключительно банков (без промышленной инфраструктуры) и возрастания резервов в иностранной валюте, снижения показателей экономического роста во имя борьбы с инфляцией и накопления валютных резервов, ежеквартальной отчетности перед МВФ о приватизации очередных запланированных предприятий, реструктуризации частных предприятий путем улучшения менеджмента, реформирования системы внутренних займов, уменьшения объемов краткосрочного кредитования (то есть ограничение возможностей реализации программы развития малого и среднего бизнеса), отчетности о валютных резервах Центробанка Египта перед МВФ с правом проведения последним периодических (каждых два года) ревизий по данному вопросу, пересмотра трудового законодательства и т. п. [1, с. 4].

АРЕ не захотела или оказалась не в состоянии выполнить эти требования. Однако за период реформ доля госсектора в экономике снизилась с 70 до 30 %, а удельный вес частного сек-

тора соответственно вырос до 70 % к 1999 г. [3]. Кроме этого, в 1998 г. Египет получил рекордные 989 млн дол. прямых инвестиций, при том что производительность труда выросла за период реформ на 25 %, а прибыльность ставок на депозиты в национальной валюте возросла с 11 до 18 % [10, с. 4].

Однако постоянные противоречия при проведении реформ не оправдали ожиданий АРЕ на улучшение социальной ситуации в стране, хотя борьба с исламистами в период с 1995 г. значительно уменьшила и продолжает уменьшать (вспомним взрывы в июле 2005 г. на курорте Шарм-эль-Шейх) доходы от туризма. Сократились валютные прибыли и от эксплуатации Суэцкого канала, а нефтяной сектор экономики не дал планировавшегося ежегодного роста. В то же время число египтян, которые живут ниже уровня бедности, в целом за годы реформ продолжало возрастать и составило 43 % в 1999 г. (39 % в 1979 г.), а безработица так и осталась на уровне 20 % (или 18 млн чел.) [9, с. IV].

В сложившихся условиях логичным было решение АРЕ с 1999 г. не проводить третий этап реформ под эгидой МВФ, а перейти с 2001 г. к непосредственно не связанному с международными финансовыми институтами решению экономических задач. Но и пореформенные показатели Египта не дают повода к оптимизму, и темпы экономического роста в первом пятилетии наступившего столетия продолжали снижаться. Поэтому нынешнее состояние экономики Египта характеризуется как кризисное. Интересный вариант развития арабских стран представляли в конце

XX в. государства Магриба, в частности, Тунис, Алжир и Марокко, где важную роль играет сотрудничество с ЕС, прежде всего с Францией, Италией и Испанией, а также участие в программе средиземноморского партнерства НАТО, в котором вместе с Израилем принимают участие все североафриканские государства, за исключением Ливии. По соглашению с ЕС в Средиземноморье до 2010 г. планировалось создание зоны свободной торговли. Параллельно велись переговоры о соглашении относительно свободной торговли между Марокко и США (которое для американцев станет лишь пятым после аналогичных соглашений с Канадой, Мексикой, Израилем и Иорданией). Предполагалось также участие ЕС в реструктуризации экономики стран Магриба, выравнивание торгового баланса, заключение справедливых соглашений по рыболовству, участие стран ЕС в программах приватизации.

Сказанное относится в особенности к Марокко, которому Франция в 1998 г. списала 2,7 млрд французских франков задолженности (22 % марокканского внешнего долга), частично превратив его во французские инвестиции [6, с. 474]. Несколько ранее Испания реструктурировала 520 млн дол. США марокканского долга в инвестицию в экономику королевства. При этом Франция и Испания заключили с Марокко соглашения о пребывании марокканской рабочей силы на своих территориях (официально – до 250 тыс. марокканцев в каждой из двух стран).

На примере Марокко видно, как ещё два десятилетия назад интенсифицировались многоплановые, прежде

всего экономические отношения арабских государств Северной Африки и южноевропейских членов ЕС. Это, в частности, отражено в разработке для всех находящихся за пределами последнего из средиземноморских государств (за исключением Турции, которая является многолетним кандидатом на вступление в ряды этой организации) статуса соседа Евросоюза.

Однако на исходе первого десятилетия XXI в. в арабском мире возникла совершенно новая ситуация, во многом опрокинувшая предыдущие прогнозы развития и условно названная «арабской весной». С другой стороны, накопленных данных (конец 2012 г.) ещё недостаточно для того, чтобы определить, как новые революционные факторы повлияют на всю последующую общественную жизнь арабских стран, а также и на всю геополитическую ситуацию. Более того, ещё не сформировалось адекватное научное представление, как и почему возникли революции в государствах, сравнительно спокойных в социально-экономическом плане и далеко не последних по уровню жизни населения. Почему в движениях протеста принимали активное участие представители образованных слоёв, среднего класса и повсеместно многочисленные контингенты молодёжи. А, главное, какими даже приблизительно могут быть последствия почти общеарабского революционного взрыва, ведь он непосредственно сказался и на странах, ещё не охваченных народными волнениями. В данной статье эти вопросы не могли быть обозначены. Лишь время, накопленные и проанализированные факты помогут найти ответы.

Библиографические ссылки

1. Dr Fakhri El-Fiqi. Growth with a Cost // Al Ahram Weekly. 1993. November 18 – 24.
2. Financial Times Survey. Egypt, L. 1999. May 11. P. 1 – 120 ; Summit of Peacemakers. 1995. March 13 // The Egyptian Gazette. Cairo, 1995. P. 3 ; Raafat Soliman. Egypt tops investment levels // Al Ahram Weekly. 1984. January 27. P. 4 ; The Economist. 1999, June 12. P. 46.
3. Gamal Essam El Din. A House With A Past // Al Ahram Weekly, Cairo. 1995. November 23 – 29. P. 2 ; Samir Raafat. What's in a Title. On the Occasion of the Centenary of Khedive Ismail Pasha. The Egyptian Gazette, Cairo. 1995. Desember 30. P. 3.
4. Jane's SENTINEL Security Assessment. North Africa. Egypt, L. 2002. January – April, issue N 11.
5. Jane's SENTINEL Security Assessment. North Africa. Morocco. 2002, issue. N 11.
6. Le Mond. P. 2002. Dec. 12.
7. Le Monde. P. 2003. Fevr. 28.
8. Le Progres Egyptien de la Semaine, Caire. 1993. Nov. 14.
9. Raafat Soliman. Egypt tops Arab investment levels // Al Ahram Weekly. 1994, January 27 – February 2.
10. Summit of Peacemakers. 1995. March 1. Sharm El Sheikh, Arab Republic of Egypt, Egyptian Co-Chairman Statement. Cairo, 1995.
11. The Economist. 1999. June 12.
12. Иран: что дальше? Ситуационный анализ (рук. Е. М. Примаков) // Россия в глобальной политике. М. (при участии Foreign Affairs, N.Y.). 2003. Апр. – июнь 2003. Т. 1. № 2.
13. Мальгин А. В. Новая ситуация на Ближнем и Среднем Востоке // Международная жизнь. 2000. № 10.
14. Подцероб А. Б. Исламский мир // Международная жизнь. 1997. № 9.
15. Родригес А. М. Аравийские монархии в XX веке: экономика, политика, социальная структура. Нью-Йорк, 2000.
16. Родригес А. М. Кувейт, Ирак и мировое сообщество в конце XX в.: ретроспектива и последствия «Кризиса в Заливе» 1990 – 1991 гг. М., 2005.
17. Севастьянов И. П. Исламский фундаментализм и исламский экстремизм – это совсем не одно и то же // Международная жизнь. 1996. № 5.
18. Яковлев А. И. Саудовская Аравия: достижения и противоречия реформ // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 1.

A. M. Rodrigues

**THE MAIN TENDENCIES OF THE ARABIC STATES' DEVELOPMENT
DURING THE LAST QUARTER OF THE XX CENTURY**

The article deals with the principle directions of the economic, social and political development of the Arab world during the last quarter, especially at the end of the XX century.

Keywords: business cooperation, economical problems, Muslim world, level of development, problems, crisis.

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЕГИПТА ВО ВРЕМЯ ОККУПАЦИОННОГО
РЕЖИМА (до 1901 г.)**

Статья посвящена мало исследованной проблеме появления новой (буржуазной) интеллигенции Египта. В ней отражена просветительская и общественно-политическая деятельность интеллигенции в условиях британского колониального режима. Отмечены основные факторы, способствовавшие росту рядов национальной интеллигенции и её участию в освободительном движении.

Ключевые слова: реформы Муххамеда Али, Ораби-паша, Муххамед Абдо, профессиональные школы, аль-Азхар, новая интеллигенция, просветительство, националистическое движение.

В исторической литературе распространено мнение, что зарождение национальной интеллигенции Египта связано с реформаторской деятельностью хедива (правителя) Мухаммеда Али, и формирование этого общественного слоя происходило в условиях становления капитализма в Египте. Начальный этап процесса обозначился во второй половине XIX столетия [6]. Имеется ряд работ, в которых отмечены специфические особенности возникновения египетской интеллигенции во времена оккупационно-колониального режима в Египте. Среди них выделяется монография историка-востоковеда В. В. Черновской [36]. На основе многих исследовательских работ и богатого исторического материала по проблемам интеллигенции восточных стран автор многоаспектно характеризует процесс формирования интеллигенции Египта в XIX – первой половины XX века, её общественно-политическую деятельность и вклад в национально-освободительное пробуждение египетского народа.

Многочисленные нововведения египетского реформатора, стремивше-

гося преодолеть консерватизм и отсталость страны, требовали подготовки специалистов, способных решать возникавшие проблемы общественно-политического и экономического развития Египта. Сохраняя вассальную зависимость от турецкого султана, Египет начал превращаться в наиболее вестернизированный регион Османской империи. Политической модернизацией всех сторон жизни страны Мухаммед Али стремился добиться независимости Египта от Турции и превратить соседние с Египтом провинции Османской империи в объект своей военной экспансии [8]. Стремясь заимствовать опыт развития европейских стран, Мухаммед Али (1805 – 1849) предпринял попытки по созданию сильной армии, старался развить военное и гражданское производство, торговлю и транспорт, правоведение и банковское дело. Все его новшества сопровождались определёнными изменениями в структуре египетского общества, способствовали восприятию египтянами новых идей. Пробуждение общественного сознания и восприятие реформаторских идей сопровождалось

распространением в стране общего и профессионального образования. В первую очередь, по инициативе Мухаммеда Али основывались специальные, преимущественно военные, учебные заведения: в 1822 – 1823 гг. в Египте появились пехотное и военноморское училища, офицерская школа; в 1825 г. – училище генштаба, а в 1831 г. – артиллерийское и кавалерийское училища. В 1844 г. были учреждены Высшие военные курсы с размещением их в Париже. Для обучения военному делу группы молодых египтян направлялись в заграничные специальные учебные заведения.

Известный британский историк А. Дж. Тойнби отмечал, что Мухаммед Али стремился реализовать вполне определённую задачу – «вестернизировать вооружённые силы, с тем чтобы не утратить позиций во всё более вестернизирующемся мире. Однако время показало, что нововведения в военной области не могут успешно осуществляться, если они не поддерживаются целым рядом мероприятий в других областях социальной жизни» [33]. Арабский историк Масуд Дахер отмечает, что реформы Мухаммеда Али стали «военной модернизацией, осуществлявшейся военными и для военных» в условиях деспотичной власти правителя, «не допускавшей каких-либо самостоятельных форм жизнедеятельности гражданского общества и его институтов». Преобразования Мухаммеда Али охватили аграрный, промышленно-ремесленный секторы национальной экономики и сферу образования [16].

В образовательной сфере правительством предпринимались попытки по созданию центров подготовки нацио-

нальных грамотных работников и служащих, технических специалистов. Военные училища и школы дополнялись техническими школами. Техническое обучение персонала для вооружённых сил и их вспомогательных служб подкреплялось введением общего образования по французскому образцу. Среди населения стали распространяться инженерно-технические знания, возрастал интерес к естественным наукам. В 1812 г. в Каире была организована первая профессиональная школа, а в 1816 г. учреждена политехническая школа по подготовке инженеров-математиков. В 1827 г. в Египте появились медицинская и ветеринарная школы, а в 1833 г. – сельскохозяйственное училище. В 1836 г. была открыта школа иностранных языков и переводчиков. В Каире, Александрии и в каждом провинциальном департаменте открывались светские начальные школы.

Исследователи признают, что реформаторские мероприятия Мухаммеда Али способствовали появлению в Египте своих педагогов, руководителей учебных заведений, собственных и переводных учебников. К 1830-м гг. было создано ведомство народного просвещения, которое при сохранении религиозных школ вводило светское государственное бесплатное обучение трёх ступеней: первоначальное, подготовительное и специальное. В Египте были учреждены школы живописи, музыки и других искусств и ремёсел. Для получавших светское общее образование египтян открывались возможности сделать карьеру на государственной службе. Постепенно в политической жизни утверждался арабский язык [11]. Помимо образовательных школ в

стране правители Египта открыли в Париже египетскую научную миссию, куда с 1826 по 1870 гг. ежегодно направлялись группы студентов для завершения своего образования, полученного в Египте. Профессор А. Сильвер, исследовавший процесс обучения египтян в Париже, отмечал, что двое из них занимали в последующем пост египетского министра иностранных дел, двое – пост министра образования, а один стал премьер-министром (Кусру) и оставался на этом посту как при Мухаммеде Али, так и при его преемнике Аббасе-паше.

Постоянно расширявшаяся система образования по западному образцу способствовала ослаблению традиционной социальной структуры и появлению нетрадиционной интеллигенции. Приобщение к западной культуре первоначально отчуждало национальную интеллигенцию от неграмотных народных масс населения. Со временем эта отчуждённость начала ослабевать. По мере вестернизации Египта появлялась новая молодая политическая сила – «вестернизированная» национальная интеллигенция, ставшая выразителем политических идей и настроений формировавшихся буржуазно-радикальных кругов. На военной службе была занята большая часть образованной молодёжи. Армейское офицерство становилось наиболее организованной частью национальной интеллигенции. В социальном отношении военнослужащие представляли часть средних слоев. Критериями отнесения их к интеллигенции обычно признаются, во-первых, специальное образование и, во-вторых, участие в работе государственной организации – армии, требующее определённых тео-

ретических и практических знаний и навыков. Для полноты отнесения офицерства восточных стран к интеллигенции этих двух критериев явно недостаточно. Историк-арабист Р. Э. Севортян указывает на необходимость учитывать при анализе социально-политической роли восточного офицерства «две стороны бытия военнослужащего – как представителя интеллигенции и как выразителя определённых сил» [26].

Вопрос о месте офицерства в социальной структуре Египта периода борьбы египетского народа за национальную независимость нашёл отражение в отечественной литературе. Многие исследователи относят основную часть армейского офицерства к категории средних «служилых слоев» и рассматривают его в качестве значительного отряда национальной интеллигенции [13]. В 1880 г. офицеры и военные специалисты составляли 30 % людей с высшим образованием [37]. Офицерский корпус был замкнутой кастой, комплектуемой из среды привилегированных классов, и в особенности из инонациональных элементов, многие из них являлись выходцами из Турции или черкесами (уроженцами Северо-Западного Кавказа) [35]. К середине 70-х гг. XIX в. произошло расширение социальной базы состава военнослужащих. Офицерские ряды пополнялись выходцами из семей крупных и средних помещиков, национальной буржуазии, крупных чиновников. Дослужиться до чинов высшего офицерства могли представители лишь феодально-аристократических кругов. Офицеры младших и средних рангов образовали значительную группу выходцев из средних и мелких слоев насе-

ления. Для многих из них военная служба открывала перспективу перехода в более состоятельную социальную категорию. Например, Ахмад Ораби, сын деревенского шейха, вступил в армию добровольцем в декабре 1854 г., а в 1859 г. он получил звание лейтенанта и в том же году – подполковника, а через год командовал полком [31]. Среди средних и младших офицеров, арабов по происхождению, в 1876 г. возникло тайное общество «Молодой Египет». Члены общества выступили против засилья в армии и стране иностранных советников и офицеров-черкесов.

Появление в египетской армии нового поколения офицеров породило противоречия между привилегированной инонациональной прослойкой высшего офицерства и основной массой младших и средних офицеров из египтян. Офицерство считало себя «интеллигенцией страны» и проявляло заметную политическую активность. Среди египетского офицерства впервые появился лозунг «Египет – для египтян» (февраль 1879 г.). В ноябре 1879 г. офицеры-египтяне выдвинули требования: об освобождении своей страны от иностранной зависимости, удалении всех иностранцев из национального государственного аппарата, проведении реформы образования и управления, усилении вооружённых сил и введении демократической конституции [32]. Патриотические настроения охватили группы гражданских либералов и журналистов, студенчества, отчасти помещиков и купечества. Их деятельность приобретала антиколониальную направленность, они выступали как против угроз со стороны европейских колонизаторов, так и

против засилья в армейском командовании турок и черкесов.

Появление интереса к опыту политического, экономического и культурного развития европейских стран способствовало распространению светских знаний и появлению периодической печати. Основной сферой для выражения интеллигенцией своих настроений становились газетные издания. На страницах первых газет появлялись материалы с осуждением турецкой деспотии и требованиями национальной автономии, экономической и финансовой самостоятельности Египта. Среди египетских интеллектуалов известность получил журналист и драматург Якуб Саннуа, издававший с 1877 г. политико-сатирический журнал «Абу Наддара». Видным активистом в пропаганде идей борьбы за национальную независимость и демократизацию страны являлся Абдаллах Надим, профессор Каирского политехнического института. В 1879 г. ему удалось основать каирскую газету «Миср аль-Фатат» и еженедельник «Ат-Танкит ва ат-табкит». Абдаллах Надим и Якуб Саннуа организовывали открытые собрания каирского студенчества с обсуждением политических вопросов, критиковали абсолютистские устои, призывали соотечественников к защите страны от колониальных устремлений Великобритании и Франции, осуждали коррупцию феодальных властей [18].

Пресса начинала приобретать особое место в египетском обществе, распространяя среди населения идеи патриотизма и национализма, исполняя роль общественного просветителя. Антиколониальная направленность деятельности журналистов вызвала

недовольство со стороны властей Египта. Некоторые газеты были закрыты, а журналисты подверглись репрессиям. В 1878 г. журналисты Александрии создали своё тайное общество, участниками которого стали итальянские эмигранты. В конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. в Египте появились тайные политические общества, развернувшие свою деятельность под лозунгом «Египет для египтян». Одним из инициаторов и вдохновителей стал известный мусульманский религиозно-политический деятель, основатель панисламизма Сеид Джемаль ад-Дин аль-Афгани. Он был первым из тех патриотов, кто после поражения восстания Ораби-паши осмелился выступить с призывом к продолжению борьбы против колониального режима британцев. Аль-Афгани стал выразителем национально-патриотических настроений египтян в наиболее тяжёлый период истории Египта [28]. Его сподвижниками были: представитель реформаторского движения в исламе, активный религиозный и общественный деятель Мухаммед Абдо, сатирический писатель Якуб Саннуа, журналисты Адиб Исхак, Селим ан-Наккаш, Ибрагим ал-Лаккани и будущий лидер партии Вафд Саад Заглул [17]. Во время развернувшегося патриотического движения в Каире организовалось нелегальное объединение армейских офицеров, установившее связи с национально-патриотическими группами национальной интеллигенции. Деятельность объединения приобрела общенациональное значение и антиинострannую направленность.

Признанным лидером национальных патриотов стал военный и морской министр национального пра-

вительства Махмуда Сами (1881 – 1882) полковник Ахмед Ораби-паша, возлагавший большие надежды на согласие хедива (правителя) Египта ввести конституцию. Сторонники Ораби стали именовать себя патриотами (ватанистами), они поднялись на защиту своих профессиональных интересов. Их требованиями было следующее: создание независимого египетского государства, созыв парламента, установление контроля над системой государственного управления, удаление турецких и европейских представителей с должностных постов в органах управления, обеспечение свободы собраний и печати, равенство всех граждан перед законом, ликвидация капитуляций и осуществление национальной политики в интересах защиты национальной экономики. С полным основанием можно утверждать, что группа офицеров во главе с Ораби-пашой начинала выражать интересы всей нации. Ораби-паша заявлял, что единственная цель его сторонников сводилась к полному освобождению страны от рабства, несправедливости и невежества, поднятию египетского народа «на такую высоту, которая сделает невозможным возврат деспотии, утвердившейся в прошлом в Египте» [19].

При активном участии мусульманского реформатора Джамаль ад-Дин аль-Афгани, противника проникновения иностранного влияния в Египет, была предпринята попытка создания политической партии. В 1879 г. организовалась Национальная партия (Хизб аль-Ватан), объединившая группы разночинной интеллигенции и оппозиционного офицерства хедивской армии. Партия вынуждена была действовать в нелегальных

условиях. В программном документе «Манифест Национальной партии» отмечалось, что армия является единственным гарантом права египетской нации на суверенное развитие. Партийный лозунг «Египет – для египтян» становился знаменем всего национально-освободительного движения египетского народа [14].

Столкнувшись с ростом национально-патриотического движения Египта, европейские державы решились на демонстрацию своей военной мощи и на совместную военную интервенцию. Вначале колонизаторы предприняли попытку спровоцировать конфликт между хедивом и правительством ватанистов. При этом ставку они делали на верхушку офицерства, представленную турками и черкесами. Предпринятая ими попытка отстранить от власти ватанистов не удалась, армейский заговор (май 1882 г.) был раскрыт. Эти события стимулировали политическую решимость патриотов. Вскоре страна была охвачена освободительным восстанием во главе с Ораби-пашой. В ответ на это Великобритания направила эскадру к Александрийскому порту и предъявила хедиву требование выслать Ораби-пашу из Египта и распустить правительство ватанистов.

Провокационной политикой английская дипломатия создала повод для военного вмешательства, и в июле 1882 г. произошла бомбардировка Александрии, затем были оккупированы порты Суэцкого канала и началось вторжение английских войск во внутренние районы Египта. Военное превосходство позволило интервентам подавить сопротивление египтян и в сентябре разгромить войска Ораби-паши при Тель-эль-Кебре. Захватив

Каир, англичане распустили правительство и армию Ораби-паши.

Жестокость, с которой англичане подавляли восстание Ораби-паши, поражали очевидцев. Европейцев шокировали результаты бомбардировок Александрии. Лучшие кварталы беззащитного города были разрушены и превращены в груды камней. Известный русский путешественник по Ближнему Востоку А. В. Елисеев, посетивший Египет в 1882 г., писал: «Дальнейшее знакомство с новыми порядками, заведёнными англичанами в Египте как победителями Ораби-паши, ещё более увеличило это нерасположение, и я скоро стал искренне разделять убеждение всех честных египтян, ненавидевших самозванных пришельцев-англичан» [34]. Египет утратил последние остатки ограниченной самостоятельности и, продолжая считаться частью Османской империи, превратился в оккупационную колонию Британской империи.

Отмечая роль армии в новой истории Египта, Г. И. Мирский писал: «Восстание 1882 г. против иностранного господства было делом группы офицеров во главе с Ораби-пашой. Оно выражало интересы всего египетского народа, и правы те, кто характеризуют его «не как вспышку милитаризма, а как народное восстание», которым руководили «офицеры плебейского происхождения. Популизм Ораби выглядит как отдалённый и грубый предварительный набросок насеризма» [20]. Иностранные колонизаторы воспользовались революционным выступлением армейских сил против хедивских властей. В программном документе суверенного развития республиканского Египта времён президентства Г. А. Насера отмечалось, что

британская оккупация Египта в 1882 г. была проявлением решимости колонизаторов сдерживать и подавлять революционную решимость египетского народа и гарантировать сохранение интересов иностранных финансовых монополий. Британцы решились на поддержку хедивских властей, но им не удалось сдержать рост народного недовольства. В сложных условиях исторического развития созрели общественно-политические силы, способствовавшие революционному пробуждению нации. Последователями идей Ахмеда Ораби становились Мустафа Камиль, Мохаммед Абдо, Касим Амин, Люфти ас-Сейид [2].

После подавления вооружённой интервенцией национально-освободительного движения египтян в 1882 г. в Египте британцами был установлен оккупационный режим. Формально страна оставалась частью Османской империи и даже продолжала выплачивать дань стамбульской казне. Известный лидер антиколониальной борьбы египетского народа и основатель республики Египет Г. А. Насер о политической ситуации, сложившейся в его стране после подавления освободительного восстания 1879 – 1882 гг., говорил: «Турецкий султан понимал, что одному ему не удержать в плену египтян, что если прогнать англичан, то туркам придётся обратиться к восояси. То же самое думали и англичане: если прекратится власть Турции, то придётся уйти из Египта и англичанам, потому они и поддерживали султана» [22]. Законодательное собрание страны, генеральное и провинциальные собрания, появившиеся согласно введённой в 1882 г. конституции, не обладали полнотой власти. Вся их деятельность находилась под контролем

британского резидента, наделённого полномочиями генерального консула лондонского правительства, опиравшегося на силу оккупационных войск. Власть хедива Египта также оказалась под полным контролем британского резидента [24].

В начале 1883 г. в Каире появился сэр Эвелин Бэринг, представитель одной из богатейших династий английской финансовой олигархии. Впоследствии он получил титул лорда Кромера и стал первым генеральным консулом Великобритании в Египте. На протяжении 23 лет лорд Э. Кромер являлся фактическим правителем Египта [12]. В условиях оккупации Египта английскими войсками многие участники восстания Ораби-паши не отказались от борьбы и ушли в глубокое подполье. После разгрома тайного «Общества отмщения» в освободительном движении наступил временный спад. Феодално-аристократическая элита и высшее офицерство предали национальные интересы и безропотно восприняли управление иностранных оккупантов. Они приостановили попытки реформ и модернизации, уволили из армии тысячи патриотов-солдат и офицеров, согласились с оккупацией Египта английскими войсками и стали пособниками оккупационного режима [15].

На деятельность центральных и местных властных органов египетского хедива британская администрация не обращала внимания, считая египтян неспособными самостоятельно управлять страной. Британские чиновники заняли все руководящие посты в египетских министерствах и ведомствах. Министры-египтяне безукоризненно выполняли указания английских чиновников. Однако без услуг местной

бюрократии оккупационный режим обойтись не мог. Из феодально-компрадорской среды выдвигались на гражданскую и административную службу лица, имевшие дипломы об образовании. Обычно это были выпускники средних хедивских (правительственных) школ и молодые люди, получившие высшее образование за границей (преимущественно в Англии, Франции, Швейцарии). Все они привлекались на низшие должности в учреждениях и ведомствах страны. Любопытным может стать замечание о том, что во время английской оккупации в Египте существовало лишь 30 средних школ, но зато имелось 100 тюрем [23]. Колониальная администрация сдерживала развитие образования в подконтрольной стране. До появления английских колонизаторов в Египте предпринимались попытки организовать высшее образование. В стране имелось шесть высших правительственных школ, главным образом для изучения права, медицины, инженерного дела, сельского хозяйства, в которые можно было поступить на учёбу при наличии диплома о среднем образовании, выдержав вступительные экзамены и пройдя конкурсное испытание и отбор. Стремление молодых людей из состоятельных семей поступить в эти учебные заведения было велико.

Большой известностью пользовался Каирский политехнический институт (бывшая политехническая школа инженеров-математиков). Широкой популярностью пользовалась Каирская юридическая школа, выпускникам которой предоставлялась возможность получать административно-управленческие и юридические должности, заниматься адвокатской практикой. Привлекала

внимание медицинская школа, что объяснялось, во-первых, увеличением спроса на медицинские услуги; во-вторых, востребованностью правительственной санитарной службы. Техническая школа пользовалась меньшим интересом среди молодёжи, что связано было со сравнительно низкой заработной платой технических работников, которую выплачивало министерство общественных работ, а также с тем, что высокие посты и должности технической службы были заняты англичанами и французами. Несмотря на то что Египет являлся земледельческой страной, агрономические знания почти не распространялись среди населения. В стране имелась единственная высшая сельскохозяйственная школа, учащимся которой выплачивалась стипендия с целью поощрения их обучения на английском языке [1]. С расширением хлопкового хозяйства британская администрация пошла на организацию сельскохозяйственных учебных центров, но в них учащиеся приобретали лишь начальные профессиональные знания и навыки.

Кроме того, большая часть училищ, основанных Мухаммедом Али, была закрыта его преемниками. В стране сохранялись четыре европеизированных военных училища, медицинская и переводческая школы. В литературе имеется немало критических оценок состояния образования в Египте времён британской оккупации. Прежде всего, отмечают нехватку учительских кадров, низкий уровень преподавания в средних школах. Профессиональная подготовка специалистов не соответствовала изменившимся требованиям экономического и общественно-культурного развития страны. Выпускники высшей и средней про-

фессиональных школ не могли найти достойного места работы по той причине, что многие из них были способны красиво произносить речи, но не владели профессиональными знаниями и навыками [28]. Образовательные программы учебных заведений, которые можно было отнести к разряду высших, не отвечали европейским стандартам; а качество преподавания в них мало отличалось от преподавания в средних школах.

В целях формирования по-европейски образованных специалистов со времён правления Мухаммеда Али группы молодых египтян посылались на учёбу за границу. В состав первой группы египтян был включён Рифаат ат-Тахтави, впоследствии ставший одним из ярких представителей зарождавшегося в Египте просветительского движения. Он живо интересовался европейской цивилизацией, овладел французским языком, проявил стремление к изучению основ политического и общественно-экономического развития европейских стран. В своей книге «Извлечение чистого золота из посещения Парижа» Рифаат ат-Тахтави призвал соотечественников к заимствованию достижений западной цивилизации. Он выступил за распространение в Египте светского обучения, которое рассматривал в качестве средства повышения культуры национального общества и роста его интеллекта [7]. Среди первых просветителей Египта выделился и Касим Амин, ставший сторонником европеизации египетского общества. В ноябре 1887 г. в стране появилась еженедельная газета «Аль-Ватан», основателем которой стал копт Абу ас-Сайид. Газета призывала коптов и мусульман Египта к общей борьбе против возраставшей

колониальной угрозы со стороны европейских держав. В том же году в Каире стала издаваться ежедневная газета «Ат-Тиджара» и политическая еженедельная газета «Миср». Их редактором был поэт и журналист Адиб Исхак.

По-европейски образованные египтяне и политические деятели второй половины XIX века часто употребляли слово «ватан», сходное по значению со словами «родина», «отечество». Лозунг ватанистов: «Египет – для египтян» стал вдохновляющим фактором освободительного восстания Ораби-паши в 1882 г. Восстание было направлено, с одной стороны, против англо-французского засилья, а с другой – против господства в Египте турецкой и черкесской аристократии. Этот лозунг приобрел ярко выраженный политический характер в условиях британской оккупации страны и становился проявлениями протеста против фактического включения её в состав Британской империи. Лозунг становился политическим стимулом национально-освободительного движения в Египте. Одной из причин того было недовольство египетских масс превращением Египта в колонию христианской Англии, и для них Европа становилась объектом ненависти. Для просвещённой части египетского общества Европа оказалась «объектом восхищения и зависти» [30].

Некоторые её представители возлагали надежды на содействие англичан в модернизации национальной системы образования, создании высших учебных заведений. Учитывая такие настроения, британская администрация шла на некоторые новшества в сфере образования Египта. Сдержанность британской администрации в становлении высшего профессиональ-

ного образования в подвластном Египте во многом объяснялась беспокойством по поводу роста волнений среди учащейся молодежи. По признанию генерального консула лорда Кромера, высшая школа могла стать центром распространения националистических настроений. Учащиеся открыто критиковали политику властей оккупационного режима и поддерживали требования просветителей о внедрении в стране светского образования, создании новых профессиональных учебных заведений [29].

Обособленное место среди учебных заведений Египта принадлежало крупнейшему и старейшему в исламском мире университету аль-Азхар в Каире. Основу учебного плана исламского вуза составляли Коран, теология и другие богословские дисциплины, а также арабский язык и мусульманское право – шариат. Иные учебные предметы (география, история, математика, физика, астрономия и другие предметы, не относящиеся к религии) рассматривались в качестве второстепенных, уровень преподавания их был невысок. Университет готовил кадры для мусульманского духовенства, играл важную культурно-просветительскую роль в Египте, Османской империи и других мусульманских странах. Некоторые из его выпускников становились видными египетскими учёными, просветителями, юристами и общественными деятелями. Выпускниками Аль-Азхара являлись Хасан аль-Аттар, Ибрагим ад-Дасуки, Рифа ат-Тахтави, Ахмед Ораби, Мухаммед Абдо, Якуб Саннуа, Адиб Исхак, Саад Заглул, Али Юсуф, Таха Хусейн, Ахмед Амин и немало других выдающихся деятелей арабской культуры и просветительства, которые внесли

большой вклад в развитие национального самосознания и движения за реформирование и модернизацию Египта.

С просветительством было связано появление египетского театра, ставшего, как и пресса, выразителем настроений национального общества. В среде интеллигенции и особенно учащейся молодёжи возникали многочисленные любительские театральные коллективы, а в 70-х гг. XIX в. появился профессиональный театр. Первые драматические опыты связывались с пропагандистской деятельностью и распространением национально-освободительных идей. Один из представителей египетского просветительства Абдуллах Надим написал патриотические пьесы «Отечество» и «Арабы», их представление привлекло внимание широкой общественности. Много откликов со стороны зрителей получали переводные пьесы мировой драматургии, которые свободно обрабатывались переводчиками и ставились под другими названиями. Действие пьес Мольера, Шекспира, Корнеля переносилось в Египет, события приспособлялись к быту и нравам мусульман [5]. Такие театральные представления также пробуждали национальное самосознание египтян.

Патриотическая интеллигенция просветительскими действиями способствовала пробуждению политического самосознания египетского общества и утверждению в нём идей о национальном самоопределении, египтизации государственного аппарата и армии своей страны. Просветители объясняли, что египтяне являются нацией, имеющей право на самостоятельное государственное существование, и стремились добиться независимости своей страны, создать национальное прави-

тельство, установить конституционный строй. Видную роль в достижении этих требований играли представители формировавшейся новой египетской интеллигенции. Это было время, когда националистические настроения, охватившие арабские массы, пробуждали в них чувство гордости за своё прошлое и способствовали росту общественного интереса к национальным традициям. Широкое распространение получали печатные издания работ арабских просветителей и философов.

В 1890-е гг. наметилось оживление в политической жизни Египта. Среди египетской интеллигенции, общественных и религиозных деятелей обозначились два противоположных течения, которые можно определить как западническое и исламофильское. Западники, сотрудничавшие с режимом Э. Кромера, выступали за преобразование Египта по европейскому образцу. Исламофилы критиковали оккупационный режим и стояли за самобытный путь развития своей страны.

Исследователи, обращаясь к духовному наследию прошлого, считали целесообразным вернуться на путь «праведных предков», очистить ислам от позднейших наслоений. По их мнению, как отметил А. В. Сагадеев, в исламе «нет ничего, что противоречило бы требованиям современной цивилизации, и задача состоит в том, чтобы истолковать его непреходящие принципы применительно к сегодняшнему дню, отказавшись от механического перенесения на современные реалии интерпретаций, приспособленных к иным историческим условиям». Практические рекомендации мусульманских реформаторов сводились «к при-

зыву сделать всё, чтобы научно-технические достижения Запада стали достоянием мусульманского Востока, но при этом сохранить верность духовным и нравственным принципам ислама, обогатив их идеями конституционализма, парламентаризма, социальной справедливости» [25].

Для западников господство англичан стало альтернативой султанской деспотической власти, против которой они боролись. Исламские реформаторы во главе с Мухаммедом Абдо выражали интересы мусульманской интеллигенции и либеральной аристократии, которые надеялись на помощь Англии в превращении Египта в современное государство. Несмотря на некоторые различия во взглядах, представители обоих течений проявляли себя сторонниками модернизации Египта и освобождения его от власти османского султана. С британским режимом национальная интеллигенция связывала надежды на просвещение египетского общества. Признанным лидером сторонников модернизации светского и духовного образования стал Мухаммед Абдо, реформаторские идеи которого получили широкое распространение среди интеллигенции Египта. Он был убеждённым сторонником просветительства и реформации религии, доказывал необходимость синтеза западной и исламской мысли, науку представлял в качестве преемницы религии. По его мнению, возникновение христианства и ислама является результатом деятельности великих мыслителей Запада и Востока, стремившихся к мироустройству человечества. Он выступал за постепенность в политике. Мухаммед Абдо утверждал, что «отсталое и слабое египетское общество не спо-

собно осуществить успешную революцию и изгнать британцев из Египта». Поэтому он считал целесообразным «отказаться от политической деятельности, установить лояльные отношения с англичанами во имя развёртывания широкой просветительской и общественной работы и подготовки страны к самоуправлению» [27]. Умеренные национально-патриотические настроения охватывали значительные слои египетского общества. В Египте появлялись различные литературные и научные кружки, зарождалось освободительное движение. Большой интерес общества проявлялся к прессе, критиковавшей правительство хедива за попустительство иностранному проникновению в Египет [10].

Египетская столица становилась сосредоточением политических эмигрантов, сторонников младотурок, реформаторов Ирана и Средней Азии. Каир, в первую очередь, начинал привлекать внимание прогрессивных общественных деятелей Сирии, Ливана и Палестины. Среди арабских переселенцев оказались литераторы, хорошо знавшие русский язык и русскую культуру (Селим Кобейн, Халиль Бейдас, Мухаммед Абдо, Мустафа Камиль и др.). Благодаря их переводам египтяне знакомились с произведениями Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Чехова, Горького. О значительном влиянии русской литературы на развитие арабской литературы писали арабские писатели Михаил Шуайме, Мухаммед Шахрад, Махмуд Теймур и др. Непосредственные связи с Л. Н. Толстым установили выдающиеся общественные деятели Египта Мухаммед Абдо и Габриэл Саси [9]. На страницах газет и журналов просветители требовали ухода англичан

из Египта и резко критиковали оккупационный режим, выступали за просвещение египетского народа, так как видели в этом путь к социальному прогрессу. С 1892 г. широкое распространение среди арабской интеллигенции получил египетский ежемесячный журнал «Ал-Хилял» («Полумесяц»). Редактор этого журнала Дж. Зейдан стал одним из первых египетских писателей, создавший образцы современной публицистики [3].

В условиях оккупационного режима египетская интеллигенция начинала отходить от устоявшихся традиций общественной жизни. Нововведения британской администрации в экономической и общественно-политической сферах Египта сопровождались серьёзными изменениями в сознании египетского общества, появлялись условия для формирования рядов новой интеллигенции. Многие представители интеллигенции освобождались от настроений исламофилов и стремились к просвещению народа, призывали к овладению естественнонаучными и техническими знаниями, выступали за освобождение от иностранного гнёта. Новые интеллигенты формировались в сферах образования, культуры, предпринимательства и административной службы. Ряды новой интеллигенции пополнялись прогрессивным офицерством, выпускниками школ и высших учебных заведений. Интеллигенция становилась передовым отрядом нарождавшегося египетского национализма. Она находила поддержку со стороны широких слоев населения, а её просветительская деятельность способствовала становлению национально-освободительного движения Египта.

Библиографические ссылки

1. Uthman Amin, Raid al-Fikr, A Pioneer of Thought. Cairo, 1955. P. 240.
2. The Charter (Issued May 21, 1962). Cairo-U.A.R. P. 28 – 29.
3. Али-Заде Э. А. Египетский журнал «Ал-Хилял» (до 1914 г.) // Народы Азии и Африки. 1974. № 1. С. 178 – 179.
4. Андреев В. И. В стране пирамид. М., 1972. С. 225.
5. Африка : энцикл. справ. Т. 2. / гл. ред. И. И. Потехин. М., 1963. С. 123.
6. Аш-Шафии Ш. А. Развитие национально-освободительного движения в Египте (1822 – 1956 гг.). М., 1961 ; Фридман Л. А. Капиталистическое развитие Египта (1882 – 1939 гг.). М., 1963 ; Safran N. Egypt in Search of Political Community. 1804 – 1952. Combrige, 1961.
7. Васильев А. М. Египет и египтяне. М., 1986. С. 150.
8. Гусаров В. И. Рец.: Modern Egypt. Studies in Politics and Society // Народы Азии и Африки. 1982. № 6. С. 196.
9. Данциг Б. М. Русские писатели о Ближнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.) // Ближний Восток : сб. ст. М., 1976. С. 302; Али-Заде Э. А. Русская литература на Арабском Востоке: первые арабские переводы рассказов А. П. Чехова // Восток (Oriens). 2012. № 1. С. 63 – 64.
10. История Востока : в 6 т. Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.). Кн. 1 / отв. ред. Л. Б. Алаев и др. М., 2004. С. 88.
11. История Востока : в 6 т. Т. 4. Кн. 1. С. 378.
12. История дипломатии. Т. II / В. М. Хвостов. М., 1963. С. 176.
13. Классы и классовая борьба в развивающихся странах. Т. 1. Классовая структура. / отв. ред. В. В. Рымалов и Т. С. Покатаева. М., 1967. С. 266 ; Севортян Р. Э. Армия в политическом режиме стран современного Востока. М., 1973. С. 17.
14. История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время / отв. ред. М. Ю. Френкель. М., 1976. С. 200 – 201.
15. Масуд Дахер. Ан-Нахда аль-Арабийя ва ан-Нахда аль-Ябанийя Ташабух аль-Мукалдимат ва Ихтиляф ан-Натандж / рец. Г. Г. Косач // Восток (Oriens). 2003. № 6. С. 175.
16. Там же. С. 174.
17. Кошелев В. С. Из истории тайных британских организаций в Египте (1870 – 1924 гг.) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 111 – 112.
18. Лотар Ратман. Проблемы восстания Ораби в 1879 – 1882 гг. в Египте // История и экономика стран Арабского Востока / отв. ред. Н. А. Аршаруни и Е. А. Лебедев. М., 1973. С. 252 – 253.
19. Лотар Ратман. Проблемы восстания Ораби. С. 267 ; Мирский Г. И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970. С. 26.
20. Мирский Г. И. Армия и политика. С. 274.
21. Народы Азии и Африки. 1982. № 6. С. 196.
22. Насер Г. А. Проблемы египетской революции : Избранные речи и выступления. 1952 – 1979 гг. М., 1979. С. 20.

23. Новая история колониальных и зависимых стран. Т. I / под ред. С. Н. Ростовского и др. М., 1940. С. 469.
24. С 1988 по 1907 г. генеральным консулом являлся лорд Кромер, в 1907 – 1911 гг. – сэр Элтон Горст, а с 1911 – 1914 гг. – генерал Горас Герберт Китченер.
25. Сагадеев А. В. Философское наследие мусульманского мира и современная идеологическая борьба. Научно-аналитический обзор / отв. ред. С. И. Кузнецова. М., 1987. С. 7 – 8.
26. Севортыян Р. Э. О политической роли офицерства в странах современного Востока // Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1975. С. 56.
27. Сейранян Б. Г. Мухаммед Абдо: творец мыслящего Египта // Восток (Oriens). 2011. № 2. С. 34.
28. См. Adams C. C. Islam and modernism in Egypt. L., 1933.
29. См. Макеев Д. А., Черемных С. А. Образовательная политика Великобритании в оккупационном Египте (1882 – 1914 гг.) // Вестник Владим. гос. гум. ун-та. Вып. 11 (30). Серия: Педагогические и психологические науки. Владимир, 2011.
30. Там же. Васильев А. М. Египет и египтяне. С. 191 – 192.
31. Там же. Черновская В. В. Офицерский корпус Египта как социальная группа (1850 – 1952) // Народы Азии и Африки. 1975. № 3. С. 69.
32. Там же. С. 73 ; Климентов В. П. Социально-политическая роль армии в Египте в середине XX в. // Восток (Oriens). 2004. № 6. С. 52.
33. Тойнби А. Дж. Постигание истории : пер. с англ. М., 1991. С. 583.
34. Цит. по: Данциг Б. М. Путешествия и литература о Ближнем Востоке во второй половине XIX и в начале XX в. // Ближний Восток : сб. ст. / сост. Б. М. Данциг. М., 1976. С. 274.
35. Черновская В. В. Офицерский корпус Египта как социальная группа (1850 – 1952) // Народы Азии и Африки. 1975. № 3. С. 68 – 69.
36. Черновская В. В. Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М., 1979.
37. Там же. С. 104.

D. A. Makeev

**THE PROBLEMS OF THE NEW EGYPTIAN INTELLECTUALS
FORMATION AND ITS POLITICAL ACTIVITY UNDER
THE OCCUPATION REGIME (UP TO 1901)**

The article deals with the problem of the new Egyptian intellectuals formation at the end of the XIX century. The author analyses the educational and socio-political activity of the intelligence under the British colonial regime as well as the main factors of its growing in number and participation in the liberation movement.

Keywords: Mehammed Aly reforms, Orabi-pasha, Mehammed Abdo, professional schools, new Egyptian intellectuals, enlightening, nationalistic movement.

**ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА
В ЦЕРКОВНЫХ УЧИТЕЛЬСКИХ ШКОЛАХ РОССИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В статье рассматривается вопрос организации учебного процесса в учительских школах духовного ведомства в конце XIX – начале XX века. Автор на основе широкого круга документальных источников проводит анализ учебных программ второклассных и церковно-учительских школ, исследует круг общеобразовательных и дополнительных предметов, определяя их объем и специфику преподавания, а также выявляет продолжительность учебного года и дня.

Ключевые слова: церковные школы, второклассные школы, церковно-учительские школы, учебная программа, учебный процесс.

В России в конце XIX – начале XX века наряду со светскими педагогическими заведениями действовали учительские школы духовного ведомства. Они делились на две категории – второклассные и церковно-учительские. Первые считались низшими учительскими заведениями и готовили учителей для школ грамот. Вторые давали более основательное педагогическое образование, позволявшее выпускникам работать в начальных училищах всех разрядов.

Учебный процесс в учительских учебных заведениях ведомства православного исповедания осуществлялся в соответствии с вышеуказанными целями. Его организация проходила одновременно с учреждением школ, а потому учебные заведения в первое время вынуждены были функционировать без вполне разработанной учебно-нормативной базы. До начала XX в. учителя второклассных школ руководствовались программами двухклассных церковно-приходских школ «с некоторыми дополнениями ... школ» [6, с. 96], а также «не вполне разработанными и законченными» «проект-

ными» программами, составленными Училищным Советом при Св. Синоде в 1898 г. [7, с. 256]. Педагоги церковно-учительских школ пользовались либо особыми, специально выработанными программами (Свято-Владимирская Санкт-Петербургской епархии и Дровнинская Смоленской епархии), либо работали по проектам второклассных школ. В одной из школ Могилевской епархии обучение осуществлялось по программе испытаний на звание учителя или учительницы церковно-приходской школы [1, с. 350 – 351]. Только в 1903 г. ввели новые программы обучения. В них были частично изменены курсы преподаваемых предметов и часовые учебные нагрузки. Программы, по замечанию практикующих учителей, имели недостатки. В частности, отмечалось, что «систематический курс этимологии, синтаксиса и теории словесности в три года сложен» во второклассной школе и требуется увеличение числа уроков по русскому языку [20, л. 3].

Наряду с общими программами, определявшими обязательный минимум предметов, существовали допол-

нительные по рукоделию, пчеловодству, сельскому хозяйству.

Церковные школы имели целью утверждать православное учение веры и нравственности христианской, а потому на первое место ставилось обучение Закону Божию. В учительских учебных заведениях преподавали углубленный курс Закона Божия. Наряду с ним воспитанники педагогических школ изучали общую и русскую церковную историю, церковное пение. В рамках последнего предмета во второклассных школах давался курс теории пения, а в церковно-учительских при расширенной теории пения обучали регентованию и музыке. На музыкальных занятиях обучали скрипичной игре, а также «игре на фисгармонии и рояли». Главной целью этих занятий было «дать будущим учителям умение проиграть наизусть на каком-либо музыкальном инструменте любую из тех мелодий, которые приходится разучивать с учениками начальной школы на уроках пения» [2, с. 627 – 628].

По своей задаче к Закону Божию примыкал такой предмет, как церковно-славянский язык. Изучение его было необходимо потому, что он являлся живым языком церкви. В курсе учительских школ изучали грамматику, синтаксические особенности церковно-славянского языка.

Программным предметом был курс русского языка. Во второклассных школах изучали этимологию и синтаксис, практически знакомились с формами словесных произведений. В церковно-учительской школе кроме вышперечисленного в курсе русского языка знакомились с историей литературы. При этом на уроках грамматики использовались «подлинные тексты

русских авторов». Письменные работы учащихся педагогических школ (сочинения) строились на личных наблюдениях учащихся. Интересно, что «Правилами для церковно-учительских школ» 1907 г. в 1-м классе подобного типа учебного заведения учащиеся должны были писать не менее 15 сочинений, во втором и в третьем – не менее 10 [12, с. 390].

В школах ведомства православного исповедания учащиеся проходили курс чистописания, предназначенный для формирования красивого письма. Согласно расписаниям уроков и учебных предметов, утвержденным в 1902 г., на его освоение отводилось 2 ч в неделю только во второклассной школе [21, с. 123 – 125]. В других типах церковных школ времени на это не давали.

Общеобразовательным предметом являлась история. Во второклассной школе изучалась только отечественная история, а в церковно-учительской – еще и всеобщая. История была не только учебным, но и воспитательным «материалом». По данным отчетов епархиальных училищных советов, история была любимым предметом учеников учительских школ и изучалась успешно. Воспитанники охотно читали исторические книги, которые имелись в школьных библиотеках [9, с. 52; 11, с. 44].

Воспитанники учительских школ проходили курс географии. Во второклассных школах происходило слияние «географии со сведениями о явлениях природы», а в церковно-учительской изучали всеобщую и русскую географию («сведения о природе, ее силах и явлениях» был отдельным предметом). Расширению знаний учащихся по этому предмету способ-

ствовали специальные экскурсии, которые обычно проходили в осенне-весеннее время. Так, весной 1902 – 3 уч. г. учащиеся Шамовской церковно-учительской школы Херсонской епархии с целью ознакомления с окружающей природой совершили экскурсию по даче землевладельца Раговского [15, л. 82].

Математический курс во второклассных школах был представлен арифметикой. В церковно-учительской школе он был дополнен «главным основанием геометрии и землемерием». Следует отметить, что программа по математике успешно выполнялась в полном объеме [8, с. 52].

В учительских школах духовного ведомства преподавалось черчение и рисование. Причем в церковно-учительской школе в рамках этого предмета изучали живопись (рисование с натуры и иконописание). Успехи в освоении этого предмета, как и других, зависели от квалификации учителя. В частности, по его постановке выделялись Свято-Владимирская и Киевская церковно-учительские школы. В первой существовал особый иконописный класс, которым руководил академик А. Н. Новоскольцев. Работы воспитанников этой школы экспонировались даже на всероссийской церковно-школьной выставке в 1909 г. [2, с. 628].

Преподавалась в вышеуказанных учебных заведениях гигиена (во второклассных школах – только с 1903 г.). Для того чтобы правила гигиены стали привычкой у детей, учителя прилагали большие усилия. Основным препятствием была антигигиеническая обстановка крестьянской избы, в которой жил ребенок.

Профессиональным предметом в учительских школах являлась дидактика. Во второклассных школах давали краткий курс общей дидактики и методике преподавания предметов начальной школы. В церковно-учительской школе преподавали дидактику и «главные основания педагогики». Обучение носило как теоретический, так и практический характер. Для реализации последнего при учительских образцовых учреждениях создавались образцовые начальные школы. При небольших отклонениях этот процесс имел единообразный порядок. Воспитанники обычно старшего отделения (в Киевской церковно-учительской школе «к посещению образцовой школы привлекались ученики всех трех классов») [2, с. 626] по очереди присутствовали на уроках в образцовых школах. Они наблюдали за приемами преподавания учителей, присматривали за выполнением учениками классных работ, иногда самостоятельно занимались с одним отделением. На уроках дидактики преподаватели вели беседы с учениками о посещенных уроках в образцовых школах. В течение всего учебного года воспитанники давали пробные уроки. Например, в Шамовской церковно-учительской школе Херсонской епархии учащиеся второго класса начинали давать пробные уроки под руководством учителя только во втором полугодии, учащиеся третьего отделения в первом полугодии показывали уроки в 1-м классе образцовой школы, а во второе полугодие – во 2-м классе образцовой школы [17, л. 7]. На уроках присутствовали учителя дидактики образцовой школы, товарищи учащегося. После проведенного урока шел его тщательный анализ. В неко-

торых учительских школах в конце года в присутствии всех членов совета школы учащиеся 3-го отделения давали образцовые уроки [4, л. 41 – 42; 5, с. 24]. В результате по окончании школы учащиеся получали достаточные теоретические знания и имели практические навыки по методике преподавания предметов начальной школы.

В отдельных церковных школах преподавали военную гимнастику. Только с 1909 г. этот предмет как обязательный был введен в мужских церковно-учительских школах. Отчеты обер-прокурора свидетельствуют о том, что данный предмет не имел широкого распространения. Это предположение подтверждает региональная статистика. В частности, в Костромской епархии в 1910 – 11 уч. г. этот предмет был в семи церковно-приходских и некоторых второклассных школах [11, с. 45 – 46]. Известно, что преподавание гимнастики с обучением военному строю в 1909 – 10 уч. г. было в Шамовской церковно-учительской школе Херсонской епархии [17, л. 6 об.].

В некоторых церковных школах преподавали сельское хозяйство. Но в масштабах страны этот предмет не получил широкого распространения. Власти пытались через особые распоряжения и государственную финансовую поддержку распространить опыт преподавания сельского хозяйства в учительских школах. В 1913 г., по имеющимся данным, 10 из 18 церковно-учительских школ европейского региона имели обработанные участки. В отношении второклассных школ известно, что только у 88 из 275 были земельные участки [3, с. 132 – 133]. Таким образом, идея дополнительного сельскохозяйственного образования не

получила широкого развития в церковных школах дореволюционной России.

Причинами слабого распространения сельского хозяйства, по сведённым Училищным Советом при Св. Синоде воедино данным отзывов с мест, являлись: «неподготовленность штатных учителей этих школ к сельским занятиям», необустроенность «быта учителей» (отсутствие «удобной учительской квартиры», маленькое жалованье), отсутствие необходимого инвентаря и средств, недостаток времени в учебном плане (учительских) школ, климатические условия [16, л. 24, 186, 235, 245, 255, 370].

Процесс преподавания сельского хозяйства организовывали по-разному. Но принцип обучения был един. Обучение осуществлялось через преподавание теории (обычно в зимнее время) и практических занятий (с середины сентября до половины октября и с апреля до конца учебного года). В некоторых школах, например, Семиловской второклассной Костромской епархии сообщаемые сведения сопровождались опытами и «наглядными показаниями». Для этой цели при школе имелся сельскохозяйственный музей. На практических занятиях дети копали гряды, удобряли землю, сажали овощи, деревья, ухаживали за посаженными культурами. Например, в 1908 – 9 уч. г. дети в течение лета «дважды перекопали приствольные круги 79 плодовых деревьев и 423 кустов, а также участок, засаженный 1970 «подвоями» яблонь; пересадили 235 яблонь, привили 200 яблонь, посадили 40 кустов малины, 265 – клубники, 18 лип и 29 тополей, 4 сливы и 2 вишни» [10, с. 37].

Кроме общего образования некоторые церковные школы давали прак-

тические знания и умения. Мальчиков обучали ремеслам, а девочек – рукоделию (вязанию, шитью, вышиванию, кройке). Для этого в Седельницкой второклассной школе Нерехтского уезда Костромской епархии имелась столярно-токарная мастерская, которая помещалась в отдельном каменном здании. В ней были 5 верстаков для столярных работ, токарные станки (1 – по железу и 2 – по дереву) [9, с. 69].

Такие школы имели и квалифицированных учителей-мастеров различного профиля. Так, в Бонячкинской школе Костромской епархии практическими и теоретическими занятиями руководил Н. Г. Чибуновский, который окончил Московское Комиссаровское техническое училище [9, с. 67 – 68].

На высоком уровне в учительских школах преподавалось рукоделие. Знания и умения, приобретенные в ходе практических занятий, позволяли воспитанникам обеспечивать себя в будущем. Многие школы принимали заказы на изготовление различных предметов от населения. Так, кузнечно-слесарная мастерская при Доминской школе Буйского уезда Костромской епархии брала заказы «на исполнение» кроватей, могильных крестов, решеток, ведер, ковшей, замков и других предметов обихода, а рукодельная – платьев и белья для местного населения [11, с. 20].

Выполнение заказов и продажа собственных изделий давали некоторым школам определенный доход, который шел на приобретение материалов, «починку» инструментов, оплату труда мастера, отопление и т.п. Ученицы Ставропольской женской второклассной школы «в один год заработали ... до 200 руб., и, оправдав все

расходы по покупке необходимых для работы материалов, приобрели в пользу неимущих подруг довольно значительную сумму для содержания их в общежитии» [6, с. 117]. В целом непостоянный маленький доход иногда едва покрывал неизбежные расходы.

В учебном процессе использовались учебники, пособия, рекомендованные Училищным Советом при Св. Синоде. Тем самым духовное ведомство ограничивало доступ ненадлежащей литературы в школы. Кроме учебников и пособий в церковные школы поступала внеклассная литература, преимущественно религиозно-нравственного характера. Образовательными учреждениями духовного ведомства выписывались периодические издания. Например, воспитанникам Шамовской церковно-учительской школы Херсонской епархии «для назидательного чтения» предназначались журналы «Церковные ведомости», «Русский паломник», «для образовательного чтения» – «Народное образование», «Миссионерское обозрение», «Нива», «Природа и люди», «Вокруг света», «Сельский хозяин», «Музыка и пение», а также газеты «Колокол», «Новое время» [17, л. 8]. В других учительских школах, кроме вышеуказанных изданий, выписывались «Игрушечка», «Христианская беседа», «Душеполезное чтение», местные епархиальные ведомости [14, л. 65, 79, 145]. По особому распоряжению Училищного Совета при Св. Синоде от 1898 г. местному церковно-школьному управлению, заведующим учительских школ вменялось в обязанность выписывать журнал «Народное образование», так как он был посвящен «выяснению общих вопросов по учебной и воспитательной части церковных школ» [7, с. 24].

Учебный процесс в церковных учительских школах был регламентирован. Учебный год начинался раньше и заканчивался позже, чем в начальных учебных заведениях. В частности, в Лубенской второклассной школе Полтавской епархии он длился с 24 августа по 24 июня [13, л. 4].

Учебный день был достаточно продолжительным. В Радечницкой второклассной школе Варшавской епархии ежедневно, кроме субботы, было по 7 – 8 уроков, по субботам – 4 урока. Количество уроков в первом отделении составляло 36, а во втором – 38 [18, л. 53].

Ежедневно обучение проходило в два этапа. Уроки начинались, как и в начальных школах, в половине девятого утра и продолжались до трех часов дня, потом после часового перерыва вновь продолжались до 20 ч. 30 мин. [19, л. 177 – 177 об.]. Продолжительность урока в большинстве школ составляла один час. Менее часа (50 мин.), например, были уроки в упомянутой выше Радечницкой школе [18, л. 5].

Учебный год заканчивался для учащихся экзаменами. Правда, во второклассных школах по решению совета школы ученики могли переходить из одного отделения в другое без экзаменов. В церковно-учительской школе во время «переводных» экзаменов сдавали все предметы, а на выпускных – только те, которые были на последнем курсе. Лучшие ученики старшего отделения школ получали от церковно-школьного управления похвальные листы, Библию, Евангелие. Успешно окончившим второклассную школу выдавалось свидетельство на звание

учителя школы грамоты. В церковно-учительской школе учащиеся, имевшие средний балл не менее 4 ½ и по каждому предмету не ниже 4, получали аттестаты, остальные – свидетельство со званием учителя или учительницы начального училища. Воспитанницам Свято-Владимирской церковно-учительской школы при отличном поведении и с успехом окончившим по первому разряду выдавался аттестат, а по второму разряду – свидетельство «с правом на звание домашних учительниц», «прошедшие с успехом» курс четвертого класса получали звание домашних наставниц [7, с. 296]. Но среди учащихся церковных школ не все успешно сдавали экзамены. В случае неудачи на испытании воспитанников либо оставляли на повторительный курс, либо назначали переэкзаменовку [18, л. 146].

В конце XIX – начале XX века учебный процесс в учительских церковных школах получил единообразный порядок. Для этого церковно-школьное управление выработало необходимые программы и инструкции (совершенствуя их в дальнейшем) и обеспечило ими школы духовного ведомства. Они регламентировали объем и порядок изучения предметов, сроки обучения в различных типах церковных школ. Но на практике реализация учебных программ имела разный успех, что зависело от обеспеченности школы и опыта преподавателей. Церковные учительские школы вели в определенном для себя объеме и общеобразовательную, и педагогическую подготовку учащихся, которые позволяли в будущем работать в начальных школах.

Библиографические ссылки

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1900 год. СПб., 1903.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода по ведомству православного исповедания за 1908 – 1909 годы. СПб., 1909.
3. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшаго Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год. Петроград, 1915.
4. Государственный архив Владимирской области. (ГАВО). Ф. 450. Оп. 1. Д. 95.
5. Извлечение из отчета о состоянии церковно-приходских школ Костромской епархии в 1904/5 учебном году // Костромские епархиальные ведомости. 1906. Прил. к № 6, 7. С. 1 – 30 .
6. Матюшенский А. Церковно-приходские школы Самарской епархии за 50-ть лет ея существования (1851 – 1901 гг.). Самара, 1901.
7. Настольная книга по церковно-школьному образованию / сост. : В. Лотоцкий, Г. Сендульский. Одесса, 1903.
8. Отчет Костромского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1896/7 учебном году. Кострома, 1898.
9. Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в 1900 году. Кострома, 1902.
10. Отчет о состоянии церковно-приходских школ Костромской епархии в 1908/9 учебном году // Костромские епархиальные ведомости. 1910. № 10. С. 1 – 41.
11. Отчет о церковных школах Костромской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910/11 учебный год // Костромские епархиальные ведомости. 1912. Прил. к № 12 – 16. С. 1 – 55.
12. Правила для церковно-учительских школ // Церковные ведомости. 1907. № 44. С. 385 – 391.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 803. Оп. 5. Д. 336.
14. РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 499.
15. РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 644.
16. РГИА. Ф. 803. Оп. 5. Д. 823.
17. РГИА. Ф. 803. Оп. 11. Д. 1972 а.
18. РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 33.
19. РГИА. Ф. 803. Оп. 16. Д.100.
20. РГИА. Ф. 803. Оп. 16. Д.119.
21. Сборник законоположений и распоряжений о церковных школах Ведомства православного исповедания / сост. Д. И. Тихомиров. СПб., 1903.

**ORGANIZATION OF EDUCATIONAL PROCESS
AT CHURCH TEACHERS' SCHOOLS
IN THE LATE XIX CENTURY – THE EARLY XX CENTURY**

This article deals with the organization of educational process at teachers' schools of spiritual department in the late 19th century – the early 20th century. The author undertakes the analysis of academic programmes of the second class and church teachers' schools based on a wide range of documentary sources, the author also explores the range of general and additional subjects, defines their scope and specifics of teaching, determines the duration of an academic year and a day.

Keywords: church schools, second-rate schools, church teachers' schools, academic programme, educational process.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ В РУССКИХ ПРОЗВИЩАХ

В работе рассматриваются некоторые аспекты порождения и функционирования русских прозвищ, сопровождающиеся значительными трансформациями семантики.

Ключевые слова: антропонимическая система, русские прозвища, функциональная семантика.

Но наш народ, не надрываясь умничаньем, без натуги, даст чему свою кличку, верно произведённую от одного, главного понятия, то, воля ваша, одна только причуда и утрата вкуса и чувства к своему языку могут чуждаться таких слов.

В. И. Даль [2, с. XXXIII]

Следуя одной из аксиом функциональной семантики – значение слова есть его использование в языке, – необходимо признать, что наиболее наглядным в этом отношении является семантическая структура прозвищ. Это обусловлено, прежде всего, спецификой порождения и функционирования прозвищ, которые можно рассматривать как феномен «стихий возникающего слова» (А. А. Потебня), позволяющий проследить творческие и языковые рефлексии различных социальных групп и индивидов [8; 9].

Русские прозвища, являясь одним из самых динамичных пластов русской лексики, чутко реагирующим на изменения в области материальной и духовной культуры, во многом сохраняют традиционные представления о национальном характере и народное восприятие духовного пространства [7]. Такое сопряжение нового и «старого» в семантике прозвищ позволяет им занимать особое положе-

ние в мирозерцании русского народа, что было отмечено в высказываниях Н. В. Гоголя и В. И. Даля, определивших русский народ как «прозвичивый народ, скорый, охочий на новые прозванья, прозвища, народ насмешливый» [3, с. 485]. Закономерности образования русских прозвищ во многом обнажают механизмы номинации во взаимодействии мышления, языка и действительности. При этом выбор признаков, лежащих в основе номинации, определяет, с одной стороны, точность соотнесённости денотата и сигнификата имени, а с другой стороны, является проявлением «чутья системы, лингвистической интуиции, «эвристичности» языкового мышления» [5, с. 13]. Такое соединение точности номинации с лингвокреативным колебанием семантических признаков обуславливает не только приятие и признание прозвища в определённом коллективе, но его передачу через время и пространство – «если наградит

кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света» [4, с. 108 – 109].

Нередко вторичная номинация является более предпочтительной, чем официальное имя. В частности, об этом свидетельствуют уличные прозвища в ряде населённых пунктов Оренбуржья. Как правило, такие имена «и в род, и в потомство» имеют понятную для всех жителей мотивацию. Например, уличное прозвище *Дыхалина* старейшей жительницы села Городки Хабаровой Аграфены Михайловны (1921 года рождения) происходит от слова-ругательства (так считают информанты) *дыхало*, которым её отец называл людей, шедших через его двор к ручью полоскать бельё. Прозвище настолько закрепилось за семьёй Хабаровой, что до сих пор письма приходят *Дыхалиным*. «Придаточные имена» [3, с. 485] в ряде случаев весомее официальных: респондент 1954 года рождения рассказал, что свою официальную фамилию он узнал только в школе, а до этого считал себя Лобесниковым (уличное прозвище по отличительной черте его рода – большой голове и широкому лбу). В селе Городище Оренбургской области такие прозвища дифференцируют 200 однофамильцев, среди которых много полных тёзок, поэтому в ведомости на зарплату при официальном именовании карандашом пишется передаваемое из поколения в поколение уличное прозвище, например Завалишины: *Мелея, Суслик, Корней, Бахча, Рядовой, Халява, Бурёнка* и т. п. Пройдя определённую стадию экспрессивного существования 3 – 4 поколения назад (один прадед любил повторять, что это не работа, а *халява*, другой

(*Бурёнка*) – любил парное молоко), уличное прозвище нейтрализуется, однако сохраняет внутреннюю мотивацию, представленную чаще всего в виде краткого предания, и воспринимается носителями с достоинством как родовое имя, соединяющее потомков с предками [7; 10].

Уровень семантических преобразований в русских прозвищах во многом зависит от исходного «материала». Сдерживающим фактором, как правило, становится использование официальных антропонимов – чаще всего фамилий и имён, которые, однако, в определённых условиях функционирования могут одновременно быть и посылом, и удержанием развёртывания семантической многозначности. Наиболее показательна в этом плане своеобразная «перелицовка» фамилий, в том числе на «иностранный» лад [11], ср.: Рябинкин → *Рабинович*, Салдастов → *Салдай*, Азаренко → *Азара-Базара*, Базаров → *Бизер*, Жабов → *Жабар*, Эльнур → *Лемур*, Боднор → *Бандерас*, Параваскевонуло → *Попандопуло*, Ходячев → *Старик Хоттабыч*, Рыбин → *Фишер*, Базаев → *Банзай*, Лючин → *Лю-чин*, Дрючин → *Дрю-чин* (→ *Китаец*) и т. п.

При этом звуковой облик фамилии может провоцировать появление прозвищ, совпадающих с омонимами известных лиц, литературных героев, персонажей кино, сериалов, мультфильмов и др.: Потрохов → *Джек Потрошитель*, Богданов → *Богдан Хмельницкий*, Чувашев → *Чубайс*, Колычев → *Колчак*, Путинас → *Путин*; Гапоненко → *Гапон*, Галиев → *Галилео*, Назаркин → *Назарбаев*, Кайрушев → *Каркуша*, Молдырев → *Мойдодыр* и др.

В абсолютном большинстве от фамильных прозвищ происходит вычленение какой-либо части фамилии, которая

обычно осмысливается этимологически неверно: *Маркиза*←*Маскиса*, *Жёлудь*←*Жолда*, *Газик*←*Газбулатов*, *Шарик*←*Шарафутдинова*, *Муся*←*Мусифуллина*, *Муха* / *Мухаобезьянов*←*Мухамедьянов*, *Рассол*←*Рассулов*, *ГАЗ 59* / *Газик*←*Газизов*, *Коромысло*←*Карамышева*, *Архипелаг*←*Архипов Г. и т. п.*

Нередко имя и фамилия, а в некоторых случаях и прозвище, могут определять выбор прозвища по синонимическим, антонимическим, ассоциативным и парадоксальным критериям, например: *Броня* – фамилия Танких (танк), *Вонючий* – фамилия Запахов, *Гашиш* – фамилия Коноплёв, *ДРС* (дикий рогатый скот) – фамилия Лосев, *Ленин* – имеет невесту Лену, *Мальвина* – имеет мужа по прозвищу *Буратино* (за длинный нос), *Русалка* – женщина, которая часто сидит на лавочке рядом со своим соседом *Дельфином* (частично парализованный, с трудом передвигающийся мужчина).

Однако и в этих случаях возможно точное «попадание» семантического осмысления качеств личности, например: *Ниппель*←*Нина Петровна* (строгий преподаватель: «работает как система ниппель: попадёшь к ней – не вырвешься» (здесь и далее приводятся объяснения респондентов – Е.Б.), ср.: *Ниппель*←*Нефельд*), *Ондатра* – жена *Арендатора* («за крысиную сущность»), *Одноразовая*←*Уразова* («за неверность и случайные связи»), *Креветка*←*Кривенцова* («за манерность и некую насекомость в поведении»), *Брокер*←*Бакир* («за постоянные разговоры о деньгах»), *Адмиральша*←*жена Ушакова* («за необыкновенную властность и громкий голос»), *ЛМ* (*Людмила Михайловна*, учительница, гонявшая куривших мальчиков (по марке сигарет)) и др. В этих случаях воз-

можно дальнейшее развёртывание семантической структуры вместе с особенностями функционирования прозвища: *Рапанова Ира*→*Рапира* («за художбу»)→*Рапидура* («и за глупость»).

Свободный подход к семантическому переосмыслению фамилий особенно показателен при сопоставлении сельских и городских прозвищ, ср.: *Заяц* – сплетник, всё подслушивающий, *Заяц* – от фамилии Зайцев; *Муха* – беззаботная женщина, *Муха* – Роза Мухтановна; *Емеля* – фамилия Емельянов, но сумел, начиная с малого, всеми правдами и неправдами добиться большого, *Емеля* – от фамилии Емельянов или от имени Эля; *Москва – наша столица* – женщина в курсе всех сельских событий, *Москва* – живёт в Москве, а учится в Оренбурге; *Крот* – мужчина, который всё несёт домой, *Крот* – от фамилии Панкратов и т. п. Глубокий, в определённой степени ментальный подход в именовании сельского жителя обусловлен, прежде всего, стабильностью коллектива, где так или иначе досконально известна характеристика каждого из его членов, которая и запечатлевается в прозвище. В городских условиях перманентно складывающихся коллективов прозвище чаще всего возникает как результат языковой игры, вне которой нередко остаётся суть человека.

В наибольшей степени семантический потенциал раскрывается в прозвищах, свободных от звукового, а следовательно, и семантического «давления» официального / неофициального именованья. В этих случаях можно наблюдать своеобразные семантические метаморфозы, присущие исключительно прозвищам, когда они, как один из самых ярких примеров языко-творчества, убедительно показывают,

что «слово не есть наша произвольная выдумка: всякое слово есть событие в области мысли» [6]. Например: *Химик* – учитель физкультуры, ведущий уроки истории, *Ваучер* – парень, который никому не нужен, *Бабка Касторка* – женщина-фельдшер, которая кастрировала животных, *Донтист* – очень быстро ездит на комбайне «Дон», *Лимузин* – красивая, всегда хорошо одетая девушка, *Почтальон* – разносчик сплетен, *Боголепов* – депутат, имеющий другую фамилию, *Шумахер*, *Лётчик* – за быструю езду на тракторе К-700, *Бен Ладен* – военный с «крутыми замашками», *Бадик* – «человек, который всегда первый», *Нычь* – «пьяница, прогуливающая работу, по-

тому что для неё всегда, как только она проснётся, «нычь» – ночь», *Железный Феликс* – «женщина-врач, которая на всех кричит, всех пытается поставить в зависимость от себя», *Иван Грозный* – школьная техничка, *Фея Подколотная* – «ласковая на вид женщина, но абсолютно жестокая» и т. п.

Такие метаморфозы семантической структуры слова не только свидетельствуют о том, что только при функционировании слово раскрывает свои потенции, но подтверждают мысль И. А. Бодуэна де Куртенэ о том, что «язык есть одна из функций человеческого организма в самом обширном смысле этого слова» [1, с. 77].

Библиографические ссылки

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М. : АН СССР, 1963. С. 47 – 77.
2. Даль В. И. Напутное слово // Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1: А – З. Второе изд., 1880 – 1882 гг. М. : Русский язык, 2000. С. XXI – XXXVII.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3: П. Второе изд., 1880 – 1882 гг. М. : Русский язык. 1998.
4. Гоголь Н. В. Мертвые души. Том первый // Полное собрание сочинений : в 14 т. / АН СССР ; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937 – 1952.
5. Гридина Т. А. Языковая игра : стереотип и творчество : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996.
6. Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова // Сочинения. М. : ГИХЛ, 1954.
7. Бекасова Е. Н. Русские прозвища как отражение ментальности // Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений : X Конгр. междунар. ассоц. преподавателей рус. яз. и лит. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. : сб. докл. В 3 т. Т. 3. СПб. : Политехника, 2003. С. 293 – 303.
8. Бекасова Е. Н. Стихия возникающего слова // Проблемы лингвистического образования школьников : материалы V Зон. конф. «Филологический класс» : Наука – ВУЗ – школа». Екатеринбург, 1999. С. 218 – 223.
9. Бекасова Е. Н. Прозывчивый народ // Уральские Бирюковские чтения : Культура и образование в регионах: история и современность: материалы всерос. науч.-практ. конф., 21 – 22 сент. 2010 г. Челябинск, 2010. С. 358 – 366.

10. Бекасова Е. Н. Лингвокреативный потенциал Оренбуржья: от Куяна до Ваучера // Уральский филологический вестник / Урал. гос. филолог. ун-т. Вып. 3 / гл. ред Т. А. Гридина. Екатеринбург, 2013. С. 5 – 12. (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 22).
11. Бекасова Е. Н. Процессы интерференции в оренбургских прозвищах как отражение поликультурной среды // Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтническом пространстве: исторический опыт и современность : сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. Оренбург : Университет, 2013. С. 212 – 216.

Е. N. Bekasova

SEMANTIC METAMORPHOSES IN RUSSIAN NICKNAMES

The paper deals with some aspects of generation and functioning of the Russian nicknames, being accompanied by considerable semantics transformations.

Keywords: anthroponymical system, Russian nicknames, functional semantics.

УДК 821.161.1

Д. Г. Демидов

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ БОЯНА В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ОЦЕНКА ЕЕ ГРАНИЦ

В последний раз имя легендарного древнерусского певца Бояна в «Слове о полку Игореве» упоминается в кульминации перед финалом. В статье обсуждается объем прямой речи, которую произносит этот герой. Защищается версия, из которой следует, что Боян «воскресает» и выносит своё суждение о походе Игоря.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», образ Бояна, прямая речь, реконструкция текста, пунктуация, переводы.

Нет такого другого произведения русской литературы, о реконструкции первоначального текста которого так много не писали бы, как о реконструкции «Слова о полку Игореве». Сейчас мы имеем счастливую возможность критически оценить восстановленный текст на древнерусском языке благодаря сайту [3], по которому цитируется «Слово» далее, если об

иных источниках не оговаривается специально.

В композиционном отношении ключевую роль играет фрагмент, непосредственно предшествующий финалу – описанию счастливого возвращения князя Игоря из плена. В первоиздании 1800 года перед финалом и после беседы Гзака с Кончаком читается:

Рекъ Боянь и ходы на Святъславля пѣтворца стараго времени Яро-славля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Руской земли безъ Игоря.

После слов автора, вводящих прямую речь, и после слова *головой* поставлены двоеточия. Точка стоит только после слова *Игоря*. Кавычки, которые были невозможны в древних текстах, закономерно отсутствуют. В Екатерининской копии, созданной до 1795 года, пунктуация еще проще:

Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ Головы Руской земли безъ Игоря.

После *Головы* нет двоеточия, а после *плечю* вместо точки с запятой поставлена простая запятая, две запятые, поставленные в первоиздании, отсутствуют. Всё предложение начинается с заглавной буквы и завершается точкой.

Из реконструкций Щукинской рукописи, Р. О. Якобсона, Н. А. Мещерского, В. В. Колесова, А. А. Зализняка варианты Щукинской рукописи и В. В. Колесова строго соответствуют первым расстановкам знаков препинания. В Щукинской рукописи:

тяжко ти, головѣ, кромѣ плечю, зло ти, тѣлу, кромѣ головы, руской земли безъ Игоря.

У В. В. Колесова:

тяжкѣ_ти гѣловѣ кромѣ плечю, [а] злѣ_ти тѣлу кромѣ головы, Руской зѣмли безъ Игѣря.

Единство периода и разбиение его на три синтагмы подчеркивается одной точкой в конце и двумя запятыми на границах синтагм.

Решение о том, включать ли третью синтагму в состав прямой речи Бояна или не включать, принимается

издателями 1800 года в пользу включения, что ясно видно из расстановки кавычек в переводе:

«Тяжело быть голове без плеч; худо и телу без головы, а Русской земле без Игоря». (Так по сайту. В издании точка стоит перед кавычками.)

Более того, вместо двоеточия древнерусского варианта здесь поставлена только запятая, бессоюзная связь заменена на союзную (*а...*). Ни у кого из переписчиков и переводчиков до 1800 года сомнений в границах речи Бояна также не было. В Екатерининских бумагах вариант на подновленном языке представлен в следующем виде (поскольку четыре нижеследующих фрагмента отсутствуют в материалах сайта [3], они приводятся по изд.: [1, с. 318 – 325]):

Худо быть головѣ безъ плечъ: худо быть тѣлу безъ головы, а земли Руской безъ Игоря.

В архиве князей Белосельских – Белозерских соответственно:

тяжело быть головѣ бѣзь плечъ худо быть тѣлу безъ головы, а русской землѣ безъ Игоря

В рукописи ГПБ F.XV.50:

тяжело быть головѣ безъ плечъ: худо быть тѣлу безъ головы, а Руской землѣ безъ Игоря.

В рукописи из архива графа Воронцова:

тяжело быть головѣ безъ плечъ, худо быть телу безъ головы, а русской землѣ безъ Игоря,

Никакого другого членения текста в этом фрагменте не предлагалось. Тем не менее благодаря реконструкциям Р. О. Якобсона, Н. А. Мещерского и А. А. Зализняка, а также многочисленным переводам усредненный вариант под названием «Древнерусский текст» подается на сайте [3] в следующем виде:

«Тяжко ти головы кромѣ плечю,
зло ти тѣлу кромѣ головы», Руской
земли безъ Игоря!

Замыкающие прямую речь Бояна
кавычки передвигаются на одну син-
тагму влево, и Боянова речь сокраща-
ется.

Каково же было решение пере-
водчиков? Объем прямой речи Бояна
представлен в сокращенном виде в
переводах Д. С. Лихачева, О. В. Тво-
рогова, Р. О. Якобсона, В. А. Жуков-
ского, В. В. Капниста, М. Д. Деларю,
Л. А. Мея, А. Н. Майкова, Г. П. Шторма,
К. Д. Бальмонта, С. В. Шервинского,
И. А. Новикова, В. И. Стеллецкого,
А. К. Югова, С. В. Ботвинника,
А. Г. Степанова, И. И. Шкляревского,
В. М. Гончарова, Н. А. Заболоцкого,
Н. И. Рыленкова, Е. А. Евтушенко,
В. П. Буйначёва, Л. А. Дмитриева,
Н. А. Мещерского, Э. Я. Гребневой,
А. Чеснокова, А. С. Шишкова, Н. Яз-
вицкого, обоих переводах Н. Грамма-
тина, А. Вельтмана, С. Кораблева,
Я. Малашева, Н. И. Алябьева (с осо-
бым противопоставлением: «...Мы же
скажем: "тебѣ, Русская земля, безъ
Игоря!"»), В. Ласкина, Г. Павского,
Д. Бохана, анонимном переводе В. Ого-
левеца, Н. Бибилова, А. Скульского,
А. Горского, Н. Анцукевича, В. В. Мед-
ведева, Н. Гутгарца, Ф. Ф. Моисеева,
С. Златорунского, Л. Гурченко, М. Виш-
някова, Б. Д. Быченко, В. И. Быстрова-
Лещева, М. Е. Богачихина, Ю. Лиф-
шица, А. Смирнова, В. В. Суханова,
В. Б. Темнухина, В. Сидорова, В. Евплу-
хина, Л. Наровчатской, В. А. Келту-
ялы, И. П. Распопова, Н. Гудзия,
Е. Лукина, Е. А. Павленко, А. Киче-
ева, Г. В. Сумарукова (оба варианта),
А. Комлева, Е. Н. Бируковой, И. Ф. Чер-
кова, Н. Колпакчи, А. Б. Козлова.

В переводе Дм. Семеновского
слова «(А без князя-то Игоря – Рус-
ской земле.)» выделены в отдельную
стихотворную строку, но заключены в
скобки, как внешний комментарий, не
относящийся ни к Бояну, ни к певцу
самой Игоревой песни. Ю. А. Косира-
ти и вовсе оставляет эти слова без пе-
ревода, ставя вместо них многоточие,
подчеркивая тем самым непонятность,
кому же принадлежат эти слова.

Немало и таких переводчиков,
кто сохраняет прямую речь Бояна в
том виде, в каком она подается в пере-
воде первоиздания и во всех предше-
ствующих вариантах текста «Слова».
Перевод А. Ю. Чернова:

«Тяжело голове без плеч, худо те-
лу без головы. Так и Русской земле –
без Игоря».

Перевод А. С. Тинькова:

тяжко тебе в.к. князь, без под-
держки народа. Худо тебе Киевская
Русь, без в.к. князя: Русской земле без
Игоря I.

Перевод И. Сирякова:

«Тяжело быть головѣ безъ плечь;|
Худо тѣлу быть безглавому:| Такъ
Россианамъ безъ Игоря.»

Перевод Н. Гербея:

«Тяжело на землѣ| Жить безъ
плечь головѣ,| И плечамъ безъ голо-
вушки буйной!| А отчизнѣ святой|
Безъ руки боевой| Князя Игоря – вла-
сти разумной.»

Перевод Д. Минаева:

«Тяжело безъ плечь головѣ про-
жить,| «Худо тѣлу быть обезглавлену,|
«А еще хуже на» Руси у насъ| «Жить
безъ Игоря Святославича!»

Перевод А. Погоского:

Тяжко тебѣ голова безъ плечь;
худо тебѣ тѣло безъ головы, что рус-
ской землѣ безъ Игоря.

Перевод Л. Амелина:

«Тяжко и голове, лишеной плеча,| зло и телу, лишеному головы,| Русской земле – без Игоря».||

Перевод Н. Мартишиной:

«Брегу без реки,| Реке без берега –| Не бывать, так не было ни разу.| И не тяжко ль голове без тела?| Зло и младу телу безголову!| Так ли Русь хотела жить без князя?| Так ли Русь без князя жить хотела?| Игорь наш – у половцев в оковах!»|

Перевод З. Морозкиной:

Тяжко тебе, голова, без плеч,| Худо и телу без головы.| Так и Русской земле без Игоря.||

Перевод В. И. Беспалова:

«Тяжко голове| без плеч, беда телу без головы, так и| Русской земле без Игоря!»|

Перевод Н. И. Коркина:

Тяжко тебе голова без плеч,| Плохо тебе тело без головы –| Русской земле без Игоря.|

Перевод Ю. В. Подлипчука:

Тяжко тебе –| голове без плеч».| «Беда тебе, телу,| без головы:| Русской земле без Игоря».|

Перевод Л. Тимофеева:

Хоть и тяжко тебе было, голова, без плеч,| Еще хуже, тело, было без главы тебе,| А Русской земле без князя Игоря,| Князя Игоря Святославича.|

Перевод В. Кожевникова:

Тяжко голове без плеч, беда и телу без головы –| Русской земле без Игоря.||

В переводах на украинский и белорусский языки подобное решение принимают И. Франко:

Тяжко голові без плечей бути,| Тяжко тілу без голови: горе| Землі Руській без Ігоря князя!||

Н. Забило:

– Голові без пліч – велике горе,| тілу теж – без голови загин! –| А Русі – без Ігоря!..

П. Мирный:

«Тяжко тобі, голову, без плечей, –| Лихой тому тілові без голови...| Отак землі Руській та без Ігоря!»|

Ю. Федькович:

«Як тяжко без пліч голові є,| Тілу без голови знов, так Русі без Ігоря тяжко».||

В переводе Г. Карпунина прямая речь Бояна даже расширена:

«О, тяжко, если голова без плеч,| И зло же, если тело безголово!|| Без Игоря тоска ведь на Руси,| А без Руси ведь Игорю нет жизни.| Как солнце светится на небеси,| Так Игорь светится в родной отчизне».||

В двух старых переводах кавычки не закрываются. У А. Палицына:

«Сколь тяжко было бы тебѣ глава безъ плечъ;| Столь тѣлу безъ главы остаться неудобно:| Народу Рускому безъ Игоря подобно.|

У Я. Пожарского:

«тяжело быть головѣ безъ плечъ; худо и тѣлу безъ головы : а Руской землѣ безъ Игоря.

А. А. Палицын эту прямую речь Бояна вводит словами:

Правдиво въ простотѣ Боянь нашъ могъ изречь:

Это в корне меняет представление его образа, о котором речь пойдет ниже. Введение модального глагола *мочь* снимает необходимость принятия вымышленного присутствия Бояна также и во время Игоря не удачного похода в случае расширения его прямой речи за счет слов «Народу Рускому безъ Игоря подобно». У Я. Пожарского прямая речь вводится так:

Изрекъ Боянъ и свои дѣйствія на Святославова пѣснотворца, воспѣвавшего въ древнія времена прихоти Князей Ярослава, Олега и Когана, сими словами.

Судя по точке только после слова *Игоря*, третья синтагма периода «а Руской землѣ безъ Игоря» включается в прямую речь Бояна, следовательно, Я. О. Пожарский входит в состав тех переводчиков, которые понимали объем этой прямой речи так же, как и издатели 1800 года, то есть расширительно. Среди переводчиков «Слова» Яков Осипович Пожарский – первый, кто благодаря внимательному отношению к древнерусскому варианту текста сохраняет объем прямой речи Бояна, как в первоиздании [4]. Он подвергал критике слишком вольные переложения своих предшественников – А. С. Шишкова, А. А. Палицына, Н. И. Язвицкого, И. Левитского – «в большинстве случаев справедливой» [5]. Традиция, заложенная еще рукописями до первоиздания, переводом в первоиздании и Я. О. Пожарским, хотя и представлена полтора десятками переводчиков (по сравнению с более чем семьюдесятью переводами, сужающими речь Бояна), продолжается и достойна пристального внимания. Она подвергает сомнению усредненную реконструкцию текста «Слова» как единственно возможную и требует учета второй (а по времени появления в рукописях и первоиздании – первой) его реконструкции.

Эта альтернативная реконструкция последней прямой речи Бояна имеет свои основания и в развитии образа Бояна в «Слове». Образ Бояна появляется в начале (цитируется по первоизданию 1800 г.):

начати же ся тѣмъ пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замысленію *Бояню*. *Боянъ* бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу ... *Боянъ* же, братіе, не ї соколовъ на стадо лебедѣй пушаше, нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскладаше; они же сами Княземъ славу рокоташу. ... О *Бояне*, соловію стараго времени! абы ты сіа плѣкы ущекоталь, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рица въ тропу Трояню чресъ поля на горы. Пѣти было пѣснь Игореву, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чресъ поля широкая; галици стады бѣжать къ дону великому; чили вѣспѣти было вѣщей *Бояне*, Велесовъ внуче!

В середине:

Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше; изъ Кыева до рискаше до Куръ Тмутороканя; великому хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей *Боянъ* и прѣвое припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути.

И, наконец, непосредственно перед финалом:

Рекъ *Боянъ* и ходы на Святъславля пѣтворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Руской земли безъ Игоря.

«В наст(оящее) время можно считать общепризнанным положение

о том, что Б(оян) – имя собственное, принадлежащее поэту-певцу, предшественнику автора С(лова о полку Игореве)» [2]. Если Боян жил и творил еще при Ярославе Мудром и застал Всеслава Брючиславича, скончавшегося в 1101 г., то следует предположить, что он прожил очень долгую жизнь, а его песни раздавались более полувека. Но более естественно для художественного произведения, имеющего право на вымысел, предположить, что Боян, древний певец, при князе Все-славе-оборотне чудесным образом воскрес и произнес свою «припевку». Версия большого объема последней прямой речи Бояна заставляет видеть и второе воскрешение Бояна при князе Игоре.

Сцену с последним появлением Бояна следует считать кульминационной, ключевой для всего «Слова». Здесь накал страстей достигает высшего предела: читатель знает, что Игорь бежит из плена, но еще не знает, насколько успешным окажется его опасный побег. В этот момент, момент наивысшего переживания, и предстает пред читателем вновь Боян; драматизм ситуации требует живого и активного участия легендарного мудрого сказителя.

В финале звучат христианские мотивы: Игорь едет возносить благодарственные молитвы к Богородице Пирогощей. Христианский мотив звучит и в припевке Бояна Всеславу о Божьем суде.

Само лексическое строение трехчленного периода не позволяет разрывать его на две части. Сначала говорится о голове без *плеч*, затем – о *теле* без головы, наконец о Русской *земле* без Игоря. Символ раскрывается постепенно: плечи – тело – Русская земля.

Вся последовательность в развитии образа Бояна подводит к заключению о замысле последней речи Бояна в большом объеме. Сначала певец противопоставляет себя Бояну («а не по замышленію Бояню»). Затем он всё же называет его *вещим* и воспекает его поэтическое дарование. Внешняя антитеза («по былинамъ сего времени» – «по замышленію») развивается внутренней антитезой («пушашеть ї соколовъ на стадо лебедѣй» – «своя *вѣщія* прѣсты на живая струны въскладаше»), что подчеркивается метонимическим перенесением эпитета *вещий* с целого на часть (синецдоха). Прием, который заимствовал Пушкин в «Вещем Олеге», – тот же эпитет применяется там только к «языку» кудесников и к Олегу – предмету предсказания, носителю судьбы, то есть уже как катахреза, необходимая и нарочитая семантическая ошибка.

Затем певец, сокрушаясь о своем неумении воспеть поход Игоря, уже не противопоставляет себя Бояну и не восторгается отстраненно его искусством, – он просто нуждается в Бояне и умоляет его: «Абы ты сіа плѣкы ущекоталь!» Потом, повторяя ту же мысль, он повторяет и эпитет *вещий*, и добавляет новую, уже совсем мифическую характеристику *Велесов внуче*: «Чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовъ внуче!» Это уже более весомое определение, чем предыдущее сравнение с *соловьем старого времени*.

На довольно продолжительное время читатель как бы забывает о Бояне, увлекшись событиями похода, сном и «златым словом» Святослава, вместе с Ярославной переживает за Игоря. Но вот вещий Боян вспоминается снова, тогда, когда речь заходит о князе с уникальной способностью обо-

ротня (то есть способностью переселяться душой в другие тела, об этом сказано прямо) Всеслава. И теперь Боян впервые заводит речь, произносит свою «припевку»: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути». «Припевка» носит обобщающий афористический характер, ее содержание не позволяет приложить ее к какому-либо историческому событию, – о том, что она произнесена при Всеславе, говорит не Боян, а певец, автор.

Наконец Боян появляется в последний раз и уже как реальный свидетель Игоревы похода. Мечта певца осуществилась! Боян «ущекотал» «сия полкы» великолепной триадой, разбираемой в статье. Словосочетание третьего члена триады *Руская земля*, по нашим подсчетам, употребляется в «Слове» 21 раз и служит лейтмотивом всего произведения. После последней речи Бояна оно употребляется только один раз – в триаде, непосредственно следующей за речью Бояна в начале финала: «Солнце свѣтитя на небесѣ, Игорьъ Князь въ Руской земли. Дѣвици поють на Дунаи». Связь с этим средним членом триады несомненна: синтагма *Руской земли безъ Игоря* противопоставляется синтагме *Игорьъ Князь въ Руской земли*. Возможно и здесь, как в самом начале, усмотреть скрытую полемику певца Игоревы похода с Бояном: тот говорит, что «зло» Русской земле без Игоря, Игорев певец, напротив, тут же воспеваает радостное

событие возвращения князя, не доверяя это Бояну. Эта антитеза – дополнительный аргумент в пользу расширения границ последней речи Бояна.

Всё сказанное позволяет прийти к совершенно определенному выводу: последняя прямая речь Бояна в полном объеме трехчленна, и такая реконструкция текста «Слова» не менее правдоподобна, чем реконструкция с исключением последнего члена триады о Русской земле из речи Бояна. Она, собственно, и является не реконструкцией, а простым прочтением произведения без искусственного внедрения в него новых знаков пунктуации. Часто именно более простые решения бывают более правильными.

Если вернуться к точке зрения, что *боян* – имя нарицательное, то такое прочтение и вовсе не будет вызывать споров и удивления. Каждое новое упоминание бояна тогда может подразумевать нового певца. Несмотря на кажущуюся привлекательность такого решения, оно не отвечает важнейшим цитатам с упоминанием имени собственного *Бояна*, в которых явно имеется в виду некое определенное историческое лицо. По ходу развития действия в «Слове» образ Бояна становится всё ближе к происходящим событиям, Боян сначала молча бряцает на струнах, потом пропевает свою афористическую «припевку» и наконец выносит непосредственное суждение о князе Игоре, попавшем в плен.

Библиографические ссылки

1. Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исследование. М. – Л., 1960.
2. Дмитриев Л. А. Боян // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» : в 5 т. / отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slovens/es/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 15.09.2014).

3. Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nevmenandr.net/slovo/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 16.09.2014).
4. Пожарский Я. О. Слово о полку Игоря Святославича удельного князя Новгорода Северского, вновь переложненное Яковом Пожарским, с присовокуплением примечаний. СПб., 1819.
5. Творогов О. В. Пожарский Яков Осипович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / отв. ред. О. В. Творогов. СПб., 1995 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slovens/es/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 15.09.2014).

D. G. Demidov

**THE LAST BOYAN'S SPEECH IN
«THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN LAY»
AND ASSESSMENT OF ITS BORDERS**

The last time the name of the legendary ancient Russian singer Boyan in «The Tale of Igor's Campaign Lay» is mentioned in the climax before the finale. The article discusses the amount of direct speech, which pronounces this hero. The version is argued, from which it follows that Bojan "resurrects" and makes the judgment about Igor's campaign.

Keywords: «The Tale of Igor's Campaign Lay», image of Boyan, direct speech, reconstruction of the text, punctuation, translations.

КОРРЕЛЯЦИЯ ЭКОФИЛЬНОСТИ И ЭКОФОБНОСТИ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье анализируется соотношение экофильности и экофобности в экологической философии. Диаметрально противоположные подходы отношения к природе, жизни, человеку раскрываются в связи с глобальными изменениями в биосфере.

Ключевые слова: экофильность, экофобность, человек, жизнь, природа.

Экологизация науки и позитивистские тенденции в философии привели к возникновению отдельного частного философского раздела: экологической философии. Ведущая особенность философских проблем в любой науке заключается в том, что они являются комплексными, включающими в свой состав весьма разнородные когнитивные элементы как философские, так и конкретно-научные. Не является исключением и экологическая философия, под которой понимается комплекс мировоззренческих, методологических и аксиологических знаний о взаимоотношениях между человеком, обществом и природой.

Начиная с момента своего зарождения 70 гг. XX столетия, экологическая философия пополнялась базовыми категориями и понятиями. Среди наиболее известных фундаментальных категорий выделяются: устойчивое развитие, коэволюция, экологический императив и ряд других. Понятия экофильность и экофобность, устанавливающие связь между экологией и религией, выявлены в трудах В. А. Лося и А. Д. Урсула, посвященных современным проблемам устойчивого развития.

Противоположные по своему значению термины: экофильность и экофобность многоаспектны и многогранны. С диалектической точки зрения они подобны полюсам «магнита экологии» – «взаимодействия человека с живым и со средой жизни». Если первая сторона этимологически раскрывается как любовная, то вторая – как враждебная по отношению ко всему окружающему.

Философский взгляд на проблему соотношения двух анализируемых противоположных тенденций представляется как в обыденном, так и в научном познании.

В обыденной жизни мы ассоциируем с «хорошей» экологией чистую и безопасную для здоровья среду жизни, а также ощущение психологического комфорта и уюта. У многих людей чистый воздух ассоциируется с поездкой за город, на дачу, подальше от шумных, загазованных проспектов. Возможность сблизиться с природой на берегу реки, в березовой роще, сосновом бору у костра. Под соловьиные трели, вдыхая цветочные ароматы, действительно можно забыть о людской суете и насущных проблемах.

Каждый человек испытывает экофобные чувства страха перед «плохой» экологией: озоновыми дырами, кислотными дождями, смогом, радиацией. Эти чувства естественны и объясняются инстинктом самосохранения. И для того чтобы разобраться, насколько наши фобии оправданы, нужно обратиться к детализации этого знания в философско-экологическом анализе.

Философы и ученые раскрывают экологическую картину мира, структурируя ее через различные элементы в виде понятий и категорий. Природа является одним из важнейших философских понятий. Человек – это фундаментальная категория в современной философии. Связь между ними устанавливается с самых ранних философских учений и продолжает интерпретироваться в наши дни.

Философский анализ обозначенной проблемы обращает нас к истокам человеческого мировоззрения – мифологии. Опираясь на исследования В. Н. Мангасарян, мы обнаруживаем искомые противоположности экологической направленности еще на стадии мифологии. «При этом проявляются, по крайней мере, две тенденции в отношении людей к природе, отражающиеся в мифологическом сознании. Одна из них консервативная, экофильная, направленная на равновесное сосуществование человека с природой, а другая – разрушительная, экофобная, направленная на покорение природы. Обе тенденции в той или иной мере проявляются в мифологии разных народов» [4, с. 12].

Как мифология и религия повлияли на ход развития цивилизации в связи с взаимодействием человека и природы и предстоит проанализировать.

Религия как «форма общественного сознания оказывает решающее воздействие на выработку стереотипов социума, диктует нормы и характер взаимоотношений с окружающим миром» [3, с. 34].

В. А. Лось и А. Д. Урсул указывают на регрессивную трансформацию религиозных учений: «от экофильности политеизма к экофобности монотеизма» [3, с. 34]. Из тезиса следует, что любовно-творческое отношение к природе меняется и утрачивает свою значимость в ряде крупнейших монотеистических религий. И в силу столь значительного влияния религиозных установок на человеческую жизнь делаются выводы о том, что в отмеченном метаморфозе и заключается одна из причин глобального экологического кризиса. Тем не менее экофобность авраамических религий интерпретируется многими авторами достаточно однобоко, без учета любовно-творческих принципов, составляющих основу этих ведущих религиозных систем мира.

Не вызывают нареканий у большинства исследователей рассматриваемой проблемы лишь отдельные получившие значительное распространение и влияние религии. «Характерно, что первые формы монотеизма, сформировавшиеся на Востоке в I тыс. до н.э., имеют четко выраженную экофильную направленность, проповедуя принципы гармонии человека и окружающего мира, уважения природных ценностей» [3, с. 35]. Авторы обнаруживают экофильную мудрость в таких религиозных направлениях, как буддизм, джайнизм, даосизм, конфуцианство, синтоизм.

Сакрализация природы является основным принципом, определяющим

экофильную выраженность ранних форм религии, а также древнеиндийских, китайских и японских восточных культов. Сама природа представлялась в этих религиозных традициях как божественное начало. Человек в экофильных религиях и поклонялся природе и ее стихиям, и накладывал многочисленные табу на деструктивное поведение по отношению к среде жизни и ко всему живому.

Психоаналитики заняты этой проблемой в связи с трактовкой бессознательного начала в человеке. Рассуждая о человеке как о «жизни, осознающей себя», Эрих Фромм приходит к заключению о мотивации человека и его неразрывной связи с природой. Он утверждает, что «для существования человека особенно важен тот факт, что он ушел из животного царства, из мира инстинктивной адаптации, перешел границу природы – хотя он при этом никогда ее не покидает; он часть природы, но, все же, однажды оторвавшись от нее, он уже не может к ней вернуться» [6, с. 14].

Фромм обнаруживает экофильное начало на ранней стадии человеческого развития. Позиция философа сводится к тому, что «человеческий род в младенческую пору своего развития еще ощущает себя единым с природой. Земля, животные, растения еще составляют мир человека» [6, с. 20]. Через преодоление собственного одиночества, в поисках любви человек сакрализует природу.

Психоаналитическое понимание любви позволяет раскрыть многогранную сущность экофильности: «любить – значит, прежде всего, давать, а не получать» [6, с. 40]. Если бы современное общество действовало согласно этому принципу, экологическая проблема

тогда точно бы «самоликвидировалась». Поступая таким образом, человек мог бы посадить и вырастить несколько деревьев, и тогда он имел бы моральное право одно из них использовать для своих нужд, но такой идеал любви в практической жизни встречается крайне редко.

Дух потребительского отношения к природе, к сожалению, довольно «популярен» и состоит в извлечении выгоды из сделки с природой. В этой связи известен лозунг советских времен И. В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее – наша задача». При этом обычно упускалась экофильная часть цитаты: «Но к природе необходимо относиться уважительно и бережно и по возможности сохранять ее в первоизданном виде» [5]. Если соединить все высказывание, то общий смысл значительно меняется.

Также имеет место распространенная в обществе «рыночная» психология – отдать, чтобы непременно что-то получить. Обычно в вопросах выбора между охраной природы и выгодой все решают деньги. Промышленники выступают за минимальные природоохранные расходы и максимальное продвижение собственных экономических интересов. Политики в своих пиар-кампаниях закладывают природоохранные мероприятия, так как это может повлиять на результаты выборов.

Продолжая развивать мысль о психологии любви, Фромм выделяет важнейшие составляющие любви, присущие всем ее формам. Ими являются: забота, ответственность, уважение и знание. Итак, любовь – это, прежде всего, забота и благожелательность. «Любовь есть деятельная озабоченность, заинтересо-

ванность в жизни и благополучии того, кого мы любим» [6, с. 47]. Забота о природе как об объекте любовного отношения – существенный компонент экофильной деятельности. Ценностные ориентации, касающиеся охраны природы, составляют фундаментальные основы этнопсихологии отдельных народов. В истории развития любого этноса можно выявить экофильные черты взаимодействия с природой, но некоторые из этих этносов благодаря наличию выделенной ранее религиозной экофильности, образу жизни, специфике хозяйственной деятельности всячески поддерживали устойчивые связи с природой. В частности, коренные народы Дальнего Востока – нивхи, нанайцы, ульчи и другие сохранили экофильные традиции бережного отношения к природе. Многовековая культура природопользования, содержащая грамотную систему норм и правил, опирающихся на богатый экофильный опыт познания природы, позволяет поддерживать баланс сохранения и воспроизводства популяций живых организмов и прумножения утилитарной составляющей их хозяйственного использования [4, с. 44].

Еще один из компонентов любовно-творческого подхода к природе – это ответственность. Подлинная ответственность не отождествляется с навязанной извне обязанностью, а состоит в добровольном творческом акте, направленном на поддержание целостности природного объекта, удовлетворение жизненных нужд живых организмов. Особое внимание в применении экофильного подхода уделяется ответственному отношению к наиболее уникальным локальным зо-

нам планеты – экосистемам заповедных территорий.

Экологическая культура направлена на формирование в обществе чуткого и ответственного понимания природы, которое позволяет людям сохранять трепетное отношение к заповедным и охраняемым местам, заботливо относиться к особям исчезающих и редких видов. Тем самым на основе поиска паритетных отношений с природой сдерживаются экофобные тенденции общества. Важно отметить, что полноценное экологическое образование и формирование экофильного мышления складываются не только из эколого-технической составляющей, но и гуманитарной, включая как распространённые экономические и правовые знания, так и социальную экологию, экологическую этику и эстетику. К сожалению, в экологическом образовании чаще всего ограничиваются раскрытием негативных последствий хозяйственной деятельности человека и призывом к сокращению такой деятельности, используя те или иные технические средства. При этом не учитываются глубинные психологические характеристики, позволяющие развить экофильное сознание каждому жителю нашей планеты.

Еще одна важная составляющая любовного отношения – уважение – особенно подчеркивает отказ от подавления свободы, самоценность объекта любви. Уважение как экофильный компонент ориентировано на бескорыстие к природным объектам, осознание их этического и эстетического наполнения. Утверждение великого моралиста двадцатого столетия Альберта Швейцера: «благоговение перед жизнью» представляется наиболее точным. Максимальное уважение ко

всем формам жизни, не только к человеческой, но и любому развитому живому организму, согласно экологической этике должно сопровождать человеческое существование.

Потребность в эстетическом созерцании природы, особенно дикой первозданной природы, определяет одну из ценностных характеристик экофильности сознания человека. Известный американский мыслитель, ценитель и защитник дикой природы Олдо Леопольд указывает на ошибочность экофобного отношения человека к природе. Он утверждает, что мы рассматриваем природу как принадлежащее нам имущество, и потому не бережем ее. «Когда нам станет ясно, что она – сообщество, к которому принадлежим и мы сами, возможно, мы начнем пользоваться ею с любовью и уважением. Только при этом условии Земля сможет выдержать натиск механизированного человека, и только при этом условии мы сможем пожать тот эстетический урожай, который она благодаря науке способна приносить, обогащая нашу культуру» [2, с. 14].

Знание об объекте экофильного отношения также является одной из сторон любви наряду с заботой, ответственностью и уважением. Человек должен знать тайны и секреты природы для того, чтобы лучше заботиться о ней, проявлять ответственность и уважать все природное бытие.

В противоположность рассмотренным проявлениям любви к природе экофобность в развитии современной цивилизации определяется следующими показателями: «количество ресурсов убывает и по некоторым позициям стремится к нулю; количество

отходов самого разного вида неуклонно растет и накапливается во всех основных средах – воздухе, воде и почве; ухудшается здоровье населения» [1, с. 53]. Что касается большинства невозобновляемых ресурсов, то в экологическом смысле мы живем в кредит перед будущими поколениями людей. Сколько мы им оставим угля, нефти и газа, руды? Через несколько десятков лет все месторождения полезных ископаемых будут исчерпаны. И что еще, кроме пустых недр, мы оставим нашим потомкам: горы отходов, некоторые из которых радиоактивны, а также еще большую загрязненность оболочек Земли.

С. В. Криницин рассуждает об усугублении экофобных проявлений в современном человеческом обществе. Двадцатый век «усилил старые негативные тенденции: войны стали мировыми и более жестокими, терроризм – международным, потребительская лихорадка – всеобщей» [1, с. 53]. С этим нельзя не согласиться, и подобные пессимистические доводы добавляют остроты в решения экологической проблемы. Возможность проанализировать общие черты экофильности позволяет нам самим приблизиться, стать соучастными к глобальным изменениям биосферы.

Во взаимодействии с природой человеку до недавнего времени казалось, что он волен не заботиться об экологических условиях своего существования. Только сегодня нам дано оценить все пагубные последствия потребительского отношения к окружающей среде. Конечно, стремление к «райской жизни» у современного человека коренится как в его подсознании, так и в сознательном состоянии,

но вопрос в том, какой ценой оно оборачивается и к каким результатам приводит. Психоаналитический подход к любви приближает нас к раскрытию сути экофильности, ибо «любить – значит принять на себя обязательства, не требуя гарантий, без остатка отдаться надежде». И наоборот, отсутствие веры, надежды и любви порождает в нас дисгармонию с природой и отторжение от нее. «Любовь – это акт веры, и кто слабо верит, тот слабо любит» [6, с. 213].

В результате обращения к проблеме корреляции экофильности и экофобности можно выделить следующие ее характерные особенности. Во-первых, очевидна разница между этими противоположными подходами. В современных условиях нет вариантов выбора, кроме экофильности – любовно-творческого отношения к природе, экофобность недопустима, но ее невозможно искоренить сразу, ее необходимо хотя бы лимитировать.

Поэтому задача современного человека – минимизировать свою экофобность и максимально усилить свои позиции экофильности. Во-вторых, исторический анализ проблемы позволяет судить обо всей сложности и неоднозначности процессов развития взаимодействия человека и природы. Какая из рассмотренных тенденций преобладает в настоящее время? Если в 60-х годах XX века остро обозначилась экологическая проблема, и она до сих пор не решена, значит, деструктивное влияние на биосферу остается очень значительным. Более того, пожалуй, по всему ряду показателей продолжается ухудшение экологической ситуации на планете. В-третьих, положительный человеческий опыт экофильного существования в прошлом позволяет учесть и переосмыслить все достоинства, связанных с этим религиозных и нравственных установок.

Библиографические ссылки

1. Криницин С. В. Между двух экологий. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. 108 с. ISBN 978-5-7851-0724-3.
2. Леопольд О. Календарь песчаного графства : пер. с англ. М. : Мир, 1980. 210 с.
3. Лось В. А., Урсул А. Д. Устойчивое развитие. М. : Агар, 2000. 254 с. ISBN 5-89218-090-5.
4. Мангасарян В. Н. Экологическая культура общества / Балт. гос. техн. ун-т. СПб., 2009. 112 с. ISBN 978-5-85546-444-3.
5. Человек и природа: все познается по плодам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blog.foilrussia.ru/blog/%D0%AD%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F/apple/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 10.09.2014).
6. Фромм Э. Искусство любить : пер. с англ. М. : АСТ, 2012. 223 с. ISBN 978-5-17-055459-1.

**CORRELATION OF ECOPHILIA AND ECOPHOBIA
IN ENVIRONMENTAL PHILOSOPHY**

The article analyzes the relationship ecophilia and ecophobia environmental philosophy. Diametrically opposite approaches attitude to nature, life, man is revealed in connection with the global changes in the biosphere.

Keywords: ecophilia, ecophobia, people, life, nature.

УДК 159.947.2

С. Ю. Соколова

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

Статья посвящена вопросам формирования национального самосознания Италии в эпоху Пострисорджименто. Особое внимание уделяется вопросам влияния философских концепций на интеллектуальное пространство страны в начале XX века. В статье анализируется также взаимодействие итальянской литературы и политической философии.

Ключевые слова: Рисорджименто, Пострисорджименто, позитивизм, гегельянство, футуризм, нация, сила, интеллектуалы.

Процесс объединения Италии (Рисорджименто) в 1860 – 1870 гг. послужил мощным толчком для развития страны, складывания национального рынка. К концу XIX века в Италии уже в общем виде сложилась монополистическая система хозяйства, возникла финансовая олигархия. Уже к первой мировой войне страна вошла в первую десятку ведущих стран мира [6, с. 13 – 33].

Однако Италия, подобно России, вступила в монополистическую стадию развития со значительным грузом феодальных пережитков. Развитие новых общественных отношений также осложнилось значительной неравномерностью в развитии отдельных регионов страны. В ходе реформ, проис-

ходивших в итальянском национальном хозяйстве в период Пострисорджименто, крупная дворянская и феодальная собственность Средней и Южной Италии оказалась почти не затронутой. В итальянской деревне ярко проявилось социальное расслоение. Как отмечает З. П. Яхимович, «главной фигурой итальянской деревни уже в начале XX в. являлся либо испольщик, либо батрак, что определяло особую остроту социальных противоречий, размах эмиграции из страны, особенно из ее южных районов» [6, с. 20]. Так возникла мучительная для Италии проблема Севера и Юга.

Другой стороной Рисорджименто является изменение политического облика страны. Объединение заверши-

лось созданием единого национального государства на основе конституционной монархии. В качестве конституции, регламентирующей жизнь нового итальянского государства, был использован Статут Сардинского королевства, введенный Карлом Альбертом в начале революции 1848 – 1849 гг. Согласно Статуту король являлся верховным главой государства и делил законодательные полномочия с парламентом, состоявшим из сената и палаты депутатов [3, с. 142]. Количество потенциальных избирателей составляло 2 % населения страны. Были сохранены дворянские титулы, объявлена неприкосновенность собственности и жилища, провозглашено равенство всех перед законом, личная свобода и свобода печати. Однако среди существенных ограничений Статута были также регламентация печати (в целом пресса свободна, но закон будет карать ее за злоупотребления) и передача свободы собраний в компетенцию полицейского законодательства. Необходимо подчеркнуть, что Статут отражал противоречия, которые возникли в ходе формирования итальянского национального государства, и тем самым предопределил последующие катаклизмы.

По идейным установкам Рисорджименто представляло собой весьма пеструю картину, связующим началом которой была идея нации. Интеллектуалы, находившиеся в центре этого движения, способствовали его идеализации, но зато и первыми ощутили то, что реальность совсем не такая, какой они ее хотели увидеть [17, с. 628]. Традиционный идеализм теряет доминирующую роль. И тогда на короткое время популярность приобретает позитивизм – течение, основателем ко-

торого был французский социолог Огюст Конт. Классический позитивизм представляет собой попытку найти «третий путь» в философии – ни материализм, ни идеализм. Сделав вывод о том, что Гегель своей системой завершил позитивное изучение сущности явлений, О. Конт решил, что пора заняться фактами и явлениями как таковыми [7, с. 145 – 148]. Впервые к науке об обществе было предъявлено требование изучать законы наблюдаемых явлений, основывая достоверность своих выводов на фактах и их связях, а не заниматься поиском трансцендентных причин явлений и философскими интерпретациями смысла истории.

Позитивизм пришел в Италию с большим опозданием и вначале появился в революционно-демократическом крыле объединительного движения (К. Каттанео и Д. Феррари), но значительного влияния на интеллектуальную жизнь страны не оказал, был неоднородным и пестрым. Однако под влиянием позитивизма оказался один из лидеров и теоретиков Итальянской социалистической партии начала XX века Энрико Ферри. В его интерпретации поиск позитивных ценностей сочетался с биологизаторским подходом к обществу и государству и закономерностям его развития. В рамках этой концепции формы развития природы и общества тождественны, их три: эволюция, бунт и индивидуальное насилие [5, с. 18 – 20]. В силу своей слабости и неопределенности позитивизм недолго занимал умы итальянцев и, по оценке крупнейшего итальянского исследователя истории философии Э. Гарэна, это философское направление почти угасает уже в течение первого десятилетия XX века [1, с. 20].

В это же время в интеллектуальной палитре страны появляется прагматизм в двух вариантах, которые восходят к классикам этого направления Ч. Пирсу и У. Джеймсу. В качестве основных носителей прагматических идей в Италии выступили Д. Вайлати и М. Кальдерони (инструменталистское понимание закономерностей развития общества – вопрос об истине возможен только с точки зрения предстоящего опыта) и Д. Папини и Д. Преццолини (уничтожение прежней философии и создание новой философии действия, способной преобразовать мир, причем теория и убеждения могут меняться из соображений выгоды). Прагматизм не пользовался большой популярностью в Италии, но являлся необходимой составляющей интеллектуального климата эпохи. Интерес к этому направлению появится позднее, уже после Второй мировой войны.

Но и итальянский философский идеализм не собирался сдавать позиции. Центром этого направления был Неаполь с его сильной, хотя и неоднородной, неогегельянской школой. Самыми яркими ее представителями были Ф. Де Санктис и Б. Спавента. «Если характеризовать Де Санктиса и Спавенту, исходя из принятых классификаций, то и тот, и другой окажутся в орбите критического обновительного движения в гегельянстве» [1, с. 21]. Главным философским принципом, по мнению Ф. Де Санктиса, должен быть реализм. Б. Спавента разделяет идею, что, хотя дух и природа существуют, но дух обладает активным, все определяющим началом; мысль и бытие соединяются в акте мысли (позднее эта идея воскреснет в творчестве Дж. Джентиле).

В Италии на рубеже XIX – XX вв. марксизм был представлен в разных трактовках, но в нашей он прочно ассоциируется только с именем Антонио Лабриолы, первого профессора, читавшего в университете лекции по марксизму и социализму. К марксизму он пришел уже в зрелом возрасте, в результате более чем двадцатипятилетней эволюции, проделав практически тот же путь, который прошли основатели этой теории [4, с. 15 – 17]. Вот так оценил эволюцию своих взглядов сам А. Лабриола: «Возможно, впрочем, нет, действительно, я стал коммунистом вследствие моего (строжайше) гегелевского воспитания» [11, с. 142].

Интеллектуальная картина была бы не полной и не дала представления о действительных пружинах развития итальянской политической мысли в начале XX века, если бы были обойдены вниманием родоначальники теорий элиты Г. Моска и В. Парето.

Гаэтано Моска (1856 – 1941) в своих политических размышлениях исходил из признания незыблемости социального расслоения общества, разделения его на два класса: управляющий, или «политический класс», осуществляющий государственное управление и пользующийся связанными с этим привилегиями, и управляемый класс, или неорганизованное большинство. Моска негативно относился к идее народного представительства, считая, что она является мифом, прикрывающим деятельность «политического класса». Все идеи демократии и равенства рассматривались итальянским теоретиком как утопии, не совместимые с природой общества и государства. Вместе с тем Моска отмечает, что главной опасностью для «полити-

ческого класса» является его тенденция к превращению в замкнутую наследственную группу, что ведет к ее вырождению. Однако самой большой опасностью для правящего класса Моска считает предоставление политических прав народу, всеобщее избирательное право и парламентаризм. Вместе с тем в обществе всегда есть силы, готовые заменить господствующий класс и взять на себя его функции (контр-элита). Включение элементов контр-элиты в правящий класс является основой стабильности в обществе. Развитие «политического класса» при его взаимодействии с контр-элитой может проходить в трех направлениях: «увековечивание» без обновления; «увековечивание» с обновлением; обновление без «увековечивания». Естественно, что Моска в качестве оптимального направления развития правящего класса считает «увековечивание» правящего класса с периодическим обновлением [12; 13; 14].

В целом теоретические построения Моски были отражением стремления правящих кругов сохранить стабильность общественной системы в условиях кризиса, не прибегая к крайним мерам. Объективно же концепция «политического класса» сыграла на руку реакционным силам и тем самым косвенно подготовила почву для будущего тоталитарного режима.

Вильфредо Парето (1848 – 1923) по своим взглядам принадлежал к позитивистскому течению и считал, что наука об обществе должна основываться на изучении фактов и зависимостей между ними. Исходным посылом теорий Парето является нелогическое, иррациональное действие, совершаемое на основе внутренних импульсов, «остатков». «Остатки» делят-

ся на шесть классов: 1) инстинкт комбинаций как основа всех социальных изменений; 2) постоянство агрегатов как стремление сохранить сформировавшиеся связи; 3) стремление проявить свои чувства в поступках и действиях; 4) чувство социальности; 5) чувство собственности; 7) половой инстинкт. Подчеркивая роль неосознанных элементов человеческого сознания, Парето решает проблему соотношения разума и чувств в пользу чувств. Под таким углом зрения Парето рассматривал роль идеологии в обществе, считая ее лишь мистификацией для сокрытия подлинных целей. Парето ввел в обиход термин «элита», он считал, что общество делится на элиту и неэлиту. Причем круговорот элит является движущей силой общественного развития и причиной исторических событий. Под круговоротом элит Парето понимал смену форм правления, связанную с тем, что в обществе есть люди, имеющие способность манипулировать массами с помощью хитрости и обмана («лисы»), и те, кто владеет способностью применять насилие («львы»). Использование терминов «львы» и «лисы» было обусловлено работой Н. Макиавелли «Государь». Исчерпывание способности приводит к упадку правящей элиты и ее смене. Единственный способ избежать упадка – включать в элиту новых членов из низших классов [15; 16].

Как и концепция «политического класса» Моски, теория элиты Парето отражала стремление сохранить установившийся демократический порядок, но объективно способствовала его разрушению.

В конце XIX века на итальянском интеллектуальном небосклоне появились две величины, одной из которых

было суждено основать новое литературное и эстетическое движение – футуризм, кстати, получивший некоторую популярность и у нас в России, а второй – сыграть значительную роль в политической жизни Италии первой трети XX века. Речь идет о поэтах Ф.Т. Маринетти и Г. Д'Аннунцио.

Официально футуризм родился 22 февраля 1909 г., когда Ф. Маринетти (1876 – 1942) опубликовал во французской газете «Фигаро» «Манифест футуризма», который содержал не только новую эстетическую концепцию, но и представлял собой идеологическую доктрину – предвестницу фашизма: «Мы хотим воспеть любовь к опасности, привычку к дерзновенности. Хотим восславить агрессивность, лихорадочную бессонницу и кулачный бой... Мы утверждаем новую красоту скорости... Рычащий автомобиль, мчащийся словно под обстрелом, прекраснее Самофракийской Победы... Хотим уничтожить библиотеки, музеи и академии... Хотим освободить Италию от злобной гангрены профессоров, археологов и антиквариетов... До сих пор литература восхваляла задумчивое бездействие и сон... Воспоем же толпы, захваченные трудом или восстанием; воспоем цеха и стройки, освещенные электрическими лунами, заводы, подвешенные к небу дымами своих труб, мосты словно акробаты, шагающие через реки, широкогрудые локомотивы, пожирающие пространства, головокружительный лет аэропланов...» [Цит. по: 2, 177]. «Манифест» ярко демонстрирует противоречия общественного сознания кануна фашистской диктатуры: с одной стороны, пропаганда насилия, агрессии и войны, а с другой – потребность в художественных образах и средствах.

Человеку требовалось новое самознание, соответствующее быстротекущей жизни. Важным моментом является смещение акцента в сторону действия: вечная проблема соотношения слова и дела в данном случае была решена в пользу последнего. А это еще один кирпич в стену грядущего тоталитарного порядка. Да и сам Маринетти сразу принял фашистское движение, в 1929 г. стал академиком, а футуризм сделался привилегированным литературным течением.

Габриэле Д'Аннунцио (1868 – 1939) был выходцем из дворянской семьи, рано начал печататься и, будучи еще в молодом возрасте, стал модным поэтом. В конце 1880-х гг. он знакомится с работами Ф. Ницше, в которых поэта привлек сенсуализм вместе с принципом полной свободы действия сверхчеловека, культ красоты и миф о творческой силе искусства. Ницшеанский сверхчеловек стал мечтой и проклятием Д'Аннунцио. Может быть, этим объясняются и поступки поэта: в годы Первой мировой войны он стал бесшабашным летчиком, в 1929 г. вместе с отрядом добровольцев захватил и удерживал в течение пятнадцати месяцев далматинский город Риека (в итальянском варианте – Фиуме). Фиумская экспедиция принесла Д'Аннунцио славу национального героя и огромную популярность среди националистически настроенной молодежи. Одно время поэт даже конкурировал с Б. Муссолини, но потом признал фашистскую доктрину и ее вдохновителя считал вождем нации. Получив официальные академические почести, поэт доживал свой век в одиночестве на вилле «Витториале».

Увлечение ницшеанством отразилось и в его литературном творчестве.

Наиболее ярко проявилось это в романе «Девы скал» (*Le Vergine delle rocce*), написанном в 1896 г. Д'Аннунцио здесь обосновал основные постулаты своей доктрины: идею героя-сверхчеловека и его роль в мире. «Мир есть выражение чувственности и мышления немногих сверхлюдей, которые его создали, а значит со временем расширили и украсили и будут все более расширять и украшать его в будущем» [8, с. 101]. Общество предстает у него как строго иерархизированная система, в которой представлены два класса: сверхлюди и плебеи. Причем плебеи навсегда останутся рабами в силу природной потребности подчиняться, им также неведомо чувство свободы. Соответственно свободными могут быть только Герои, которые появляются в кризисные моменты развития общества. Д'Аннунцио защищает привилегированное положение своих «суперлюдей», выступая против идей экономического и политического равенства: «под эгидой экономического и политического равенства, о котором мечтает демократия, вы образуете новую олигархию, новое проявление силы» [8, с. 105]. Г. Д'Аннунцио был убежден, что необходимость Героев как движущей силы развития общества объясняется тем, что главным законом природы является сила. В этом поэт оказался близок апологии скорости и насилия у Маринетти. Но для Д'Аннунцио это не слепая, иррациональная сила, внезапный порыв. Сила не может быть иной, нежели закаленной долгой дисциплиной. «Дисциплина является высшей добродетелью свободного человека» [8, с. 104]. Так дисциплина объединяет противоположные величины – силу и свободу.

Идея силы как приоритета в общественной жизни использовалась разными теоретиками и была, вероятно, реакцией на слабость итальянского либерального государства и его неспособность справиться с кризисными явлениями. Поэтому Д'Аннунцио ждал Героя, которому можно было бы доверить судьбу Родины: «Я думаю, что эти Герои, эти новые Короли земли должны будут возвыситься из нашей расы и с сегодняшнего дня все наши энергии нужно направить на ближайший или отдаленный их приход. Вот моя вера» [8, с. 107]. Идея нации являлась связующим звеном Рисорджименто, но в трактовке Д'Аннунцио она приобрела новый ракурс: поэт связал идею нации с идеей силы.

В 1901 году поэт пишет «Поздравительную песнь избранной нации» (*Canto augurale per nazione eletta*), где сталкивает вновь силу и свободу, которые он объединяет в идее нации:

На берегу родной реки, под мирным небом

Свободный человек растит свой хлеб.

При виде палки быков смирилась злая сила.

Велик в работе человек, брат доблестных героев,

Стоящий в плодородной борозде.
Италия! Италия! [9].

Националистические мотивы в творчестве Д'Аннунцио усиливаются в годы Первой мировой войны и достигают кульминации в 1919 г., в период «фиумской авантюры». 16 сентября 1919 г. поэт пишет Б. Муссолини: «Но Фиуме есть не что иное, как блестящая вершина героизма, когда сладостно будет умереть, получив по-

следний глоток ее воды» [8, с. 208]. (Игра слов: Fiume – итальянское название далматинского города Риека, fiume – река).

Мысли об избранности исторического пути Италии имели благодатную почву. Страна оказалась победенной в стане победителей в Первой мировой войне, территориальные амбиции были не удовлетворены. Бывшие фронтовики, не нашедшие применения в мирной жизни, быстро превращались во взрывоопасную силу. Ни одна политическая партия в стране не обратила на них внимания, а Д'Аннунцио сумел их объединить и позднее они станут опорой фашистской диктатуры. Эти люди пошли за Г. Д'Аннунцио потому, что очень красиво и притягательно звучали слова: «Не я живу, но Родина живет во мне» [10, с. 235].

Политические претензии и страсти увели поэта от литературы. Последний роман был написан им в 1910 г. и назывался «Быть может – да, быть может – нет» (Forse che si, forse che no). Здесь Д'Аннунцио воспеваеет сверхчеловека в крайнем проявлении его силы – на войне. Поэт с удовольствием описывал «красоту» торпедной атаки, воспевал технику, скорость и, может быть, неожиданно для себя самого оказался близок технофилии Маринетти.

В последние годы жизни Д'Аннунцио пришлось испытать горечь забвения, ощущение безысходности и собственной ненужности. Сила, которую он так воспевал, сокрушила его самого: «Мавр сделал свое дело – мавр должен уйти».

Библиографические ссылки

1. Гарэн Э. Хроника итальянской философии XX века. М., 1965. С. 20.
2. История итальянской литературы XIX – XX веков. М., 1990. С. 177.
3. Конституции буржуазных стран. М. – Л., 1935. Т. 1. С. 142.
4. Никитич Л. А. Лабриола. М., 1980. С. 15 – 17.
5. Эфиоров С. А. Итальянская буржуазная философия XX века. М., 1968. С. 18 – 20.
6. Яхимович З. П. Рабочий класс Италии против империализма и милитаризма. Конец XIX – начало XX века. М., 1986. С. 13 – 33.
7. Comte A. Course de philosophie positive. Paris, 1908. V. 4. P. 145 – 148.
8. D'Annunzio G. Scritti politici di Gabriele D'Annunzio. Milano, 1980. С. 101.
9. D'Annunzio G. Viva-l'Italia! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://augustomovimento.blogspot.ru/2011/03/viva-litalia-la-semprerinascente.html>, свободный. Яз. итал. (дата обращения: 17.09.2014).
10. D'Annunzio G. Per l'Italia degli italiani. Milano, 1923. P. 235.
11. Labriola A. Lettere ad Engels. Roma, 1949. P. 142.
12. Mosca G. Elementi di scienza politica. Bari, 1953. 251 p.
13. Mosca G. La classe politica. Bari, 1966. 261 p.
14. Mosca G. Scritti politici. Torino, 1982. Vol. 1. 541 p.
15. Pareto V. Forma ed equilibrio sociale. Bologna, 1959. 341 p.
16. Pareto V. Oeuvres completes. Geneva, 1966. Vol. 5. 279 p.
17. Storia d'Italia. Torino, 1975. Vol. 4. P. 628.

THE POLITICAL MOOD OF THE ITALIAN INTELLECTUAL ELITE IN THE FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY

The article is devoted to the issues of formation of the national identity of Italy in the era of *Postrisorgimento*. The author's special attention is paid to the issues of influence of the philosophical concepts on the intellectual space of the country in the early twentieth century. The article analyzes the interaction of Italian literature and political philosophy.

Keywords: *Risorgimento*, *Postrisorgimento*, positivism, Hegelianism, futurism, nation, power, intellectuals.

УДК 291.1

Ж. В. Латышева

ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЕ КАК ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ

В статье анализируется диалогическая парадигма трансцендирования. Подчеркивается единство социального и индивидуального аспектов такого рода трансцензуса. Делается вывод о том, что именно через диалог с Другим происходит прикосновение к Абсолютному.

Ключевые слова: трансцендентное, трансцендирование, я, ты, Другой, диалогическое отношение, Бог, Богочеловечество.

В осмыслении феномена трансцендирования можно выделить три основные парадигмы – трансценденталистскую, экзистенциалистскую и диалогическую. Трансцендентальный уровень трансцендирования нами понимается как основополагающий, так как, в этом мы согласны с Н. А. Сурковой, именно «трансцендентальность духа как собранность и открытость душевного мира человека выступает в качестве онтологической характеристики, в качестве такого свойства бытия человека, которое обосновано его сверхчувственной сложностью» [15, с. 157]. Экзистенциалистская парадигма эксплицирует трансцендирование к индивидуально-неповторимым, лишь

частично вербализуемым и уходящим в потаенные глубины, основаниям духа в модусе трансцендентального сознания, и именно термин «экзистенция» характеризует эту потаенность и глубину.

Уровень диалога в структуре трансцендирования предстает мостом, соединяющим посредством внутренней диалогичности экзистенциальность и трансцендентальность субъекта. Через внутренний и внешний диалог, через речь, общение, язык происходит обращение к Другому как в его экзистенциальной ипостаси, так и в трансцендентальной. В данной статье сосредоточим внимание на анализе диалогической парадигмы трансцендирования.

Диалогичность трансцензусов человека раскрывается, в первую очередь, в философии М. Бубера, Ф. Розенцвейга, Э. Левинаса, С. Л. Франка и близкой к ней философии Б. П. Вышеславцева. Одной из стержневых в философии диалога является идея о том, что «Я» обретает свою аутентичность в *устремленности* к «не-Я».

Диалог предполагает «межсубъектное общение, единение сознаний на метафизическом уровне взамен гносеологической структуры “субъект – объект”» [13, с. 3]. Диалогичность, в данном контексте, – это, прежде всего, *экзистенциальное отношение к Другому не как к безличному «Оно», а как к значимому, неповторимому «Ты»*. Именно это отношение является особой средой, в которой рождается и развёртывается подлинное человеческое бытие.

Одна из самых основательных экспликаций важнейших аспектов «диалогического» трансцендирования, а также прояснение глубинных религиозно-социальных начал трансцендирования содержится, на наш взгляд, в теории русского религиозного мыслителя конца XIX – первой половины XX века Семёна Людвиговича Франка. Поэтому анализ в статье будет строиться вокруг именно его теории.

Франка, как справедливо замечает В. В. Зеньковский, «без колебания можно назвать самым выдающимся русским философом вообще, – не только среди близких ему по идеям» [10, с. 158]. Крупнейший представитель философии Серебряного века развёртывает целостную философскую систему, органично интегрирующую исследования в областях метафизики, гносеологии, этики, антропологии, религиозной и социальной фи-

лософии. Истоком его рефлексии, как отмечает сам мыслитель, выступает вечная философия (*philosophia perennis*) платонизма, красной нитью проходящая через всю историю европейских философских исканий. Для стиля отечественного философа характерна «классическая строгость мысли и метода, склонность проводить тончайшие умозрительные различия» [20, с. 10]. Близкое духу кантовского идеализма созидание концепции металогического единства, развитие интуитивистской апофатической методологии выводят его на ясное и последовательное изложение проблематики трансцендирования.

Онтологическим основанием возникновения трансцендирования, по Франку, является существование *духовного бытия, безусловного, непостижимого*, единственно возможным способом выхода к которому и является трансцензус. При этом Франк так же, как ранее него и Б. П. Вышеславцев, утверждает не только реальность существования непознаваемого, но и изначальную погруженность в него человека, причем человеческое «я» в такой же степени непостижимо и иррационально [8, с. 133; 19, с. 131].

Источником (трансцендентальным основанием) трансцендирующей устремленности выступает непосредственное самобытие как «отдельное всеединство» (Франк), которое в силу своей условно-всеединой специфики испытывает потребность в превосхождении собственных границ, в глубинной обращенности к «ты», в диалоге с «ты». Вначале психическое бытие трансцендирует из своей «непосредственности» в «самость», с помощью чего конституирует – устанавливает и «выковывает» самоё себя. Од-

нако дальнейшее трансцендирование, состоящее во внутреннем движении к Богу как к своей «родине», характеризуется нивелированием самости, отказом от собственного индивидуально-автономного статуса. И тогда «самость» становится не обособленно-закрытым фрагментом бытия, а корневищем, «через который в меня проникают питательные соки первоосновы (des Urgrundes)» [20, с. 340].

Трансцендирование, соединенное с интеллектуальной интуицией и напряженным творческим вниманием, предстает в философии Франка особым методом трансцендентального, потенцированного мышления, приближения к рубежам глубинного непостижимого. В этом плане трансцендирование может проявлять себя, по нашему мнению, как часть семантического поля *христианской активности*, рассматриваемой Франком в его последней работе «Свет во тьме». Христианская активность показывает себя как истинная, сущая активность, которая, «истекая из активности внутренней, *духовной*, есть всегда активность *зрячая*, отдающая себе отчет в составе той реальности, на которую она направлена» [22, с. 252].

Пространством, в котором разворачивается трансцендирование во всех его формах и направлениях, выступает, по Франку, трансцендирование в «*познавательной интенции*», так как именно познавательно-идеальная нацеленность непосредственного самобытия является непременным условием его осуществления.

Религиозный мыслитель выделяет два типа истинного трансцендирования: трансцендирование «*во-вне*» и трансцендирование «*во-внутри*». Первый – это трансцендирование, в кото-

ром осуществляется связь «*я-ты*», реализуется стремление к родственному иному «*я*», иной «*самости*». Второй – это переход в «*чистую объективность*» (Франк), трансцендирование в подлинную, самодостаточную и актуальную духовную реальность, фундаментальную непосредственное самобытие.

Именно в трансцендировании «*я-ты*» раскрывается, как мы считаем, социальный характер рассматриваемого процесса, представляющего как способ межличностной коммуникации. Такого рода трансцендирование кроме этого обнаруживает свой антиномистически-монодуалистический характер: социальность всегда оказывается нераздельно связанной с индивидуально-личностной стороной. Интересно, что как для С. Л. Франка, так и, например, для К. Ясперса, М. Бубера, Э. Левинаса, реальность подлинного человеческого бытия сопряжена с возможностью коммуникации. Причем у всех этих философов коммуникация, общение являются способом не только своего личностного раскрытия, но и личностного раскрытия второй коммуницирующей стороны.

Следует подчеркнуть близость воззрений Франка некоторым идеям Бубера. Последний, в частности, считает единственной сферой осуществления подлинного бытия сферу Я-Ты как сферу «*Между*» – главную и верховную инстанцию бытия. Т. П. Лифинцева в данной связи отмечает, что «в философии Бубера термины «*Я*» и «*Ты*» не имеют иного значения, кроме как по отношению друг к другу. Нет «*Я в себе*» и «*Ты в себе*». А истина бытия как раз *между* ними, между «*Я*» и «*Ты*» [13, с. 50]. При этом «*вечным Ты*» и сердцевиной взаимоотно-

шения Я-Ты, что также созвучно подходу отечественного мыслителя, у Бубера предстаёт любящий Бог.

Позиция Франка, кроме того, перекликается с теми рассуждениями Бубера, в которых любовь расценивается как неотъемлемая составляющая отношения Я-Ты. Согласно Франку любовь суть «...актуализированное, завершённое трансцендирование к «ты» как подлинной, я-подобной, по себе и для себя сущей *реальности*, открытие и усмотрение «ты» как такого рода реальности и обретение в нем *онтологической опорной точки для меня*» [19, с. 257]. Для Бубера любовь, прежде всего, ответственность, взятая Я за Ты, ответственность как нужда друг в друге, интенциональная сосредоточенность в Ты.

Но в то же время в трактовке Франком и Бубером отношения Я-Ты есть расхождения. Например, как уже говорилось, Бубер не рассматривает Я «само по себе» (обособленное бытие) как подлинное, ибо для философа изначально *отношение, встреча*; Я не существует без своих коррелятов – Ты и Оно [2, с. 6 – 24]. Франк же, напротив, видит в «я» – непосредственном самобытии – определенную автономность, считает его видом непостижимого, особой бытийственной формой, которая одновременно показывает и не показывает себя абсолютной реальностью. Будучи безграничным по содержанию, непосредственное самобытие в то же время предстает пограничем, переходом от небытия к бытию: оно есть «начало, промежуточное между временным потоком эмпирического телесно-предметного мира и актуальной сверхвременностью духовного бытия и в силу этой промежуточности соучаствующее в той и дру-

гой сфере бытия» [18, с. 632]. Отсюда ясно, что это начало не в силах сполна проявить себя без того, чтобы постоянно выходить за собственные рубежи, устремляясь к *подлинной, духовной реальности* как единственному основанию своего раскрытия. Тем самым, расходясь с Бубером в определении онтологических оснований, генезиса Я, Франк в то же время оказывается близким ему (а не Хайдеггеру и Сартру) в том, что признавая антиномистическую монодуалистичность внутренней реальности, не отгораживает её от Другого, «ты».

Расхождения между Франком и Бубером обнаруживаются также в вопросе связи Я и Ты. Бубер для обозначения этой связи использует семантически насыщенный термин «Между». «Между» означает, что подлинное отношение двух людей не опосредовано, беспредпосылочно, не утилитарно, беспрепятственно; «между» Я и Ты живет любовь, «между» ними, как воздух, присутствует дух [2, с. 11, 13, 20, 23, 26, 47, 49, 51 – 52, 53, 56, 64 – 65, 71 и др.]. Г. Марсель, чья диалогическая философия родственна Буберу, считает, что своей категорией «между» иудео-христианский мыслитель открывает целую область философии – философию intersубъективности. «Между» подчеркивает не изначальное единство Я и Ты, а, напротив, первично существующую их неидентичность, «разность», то пространство между ними, в котором они и протягивают друг другу нити единения.

У Франка ситуация несколько иная. Принципиально важной выступает для него идея о том, что внутренним проявлением связи «я»-«ты» выступает бытие «мы» как глубинно-внутреннее откровение бытия, пер-

вичное по отношению к формам «я есмь» или «ты еси». В бытии «мы» «я» обнаруживает свое бытие как со-присутствующее в ином бытии – в бытии «ты еси». Отсюда «мы», как бы внешне оно ни проявлялось, – в виде личного общения или в виде общественной жизни, – всегда содержит в себе исконное внутреннее «мы».

Можно согласиться, исходя из этого, с мнением Франка относительно того, что только на фундаменте подобного понимания бытия «мы» возможно построение адекватной социальной философии. Действительно, отношением «я»-«ты» могут быть объединены не только двое, но и большее количество людей, и из этого, казалось бы, двустороннего отношения вырастает некий третий элемент, – «целое, состоящее из «я» и «ты», которое как будто обладает неким бытием для себя, *наряду* с двумя единичными человеческими существами, входящими в его состав» [19, с. 226]. И в этот момент человек взаимосвязан не столько с единичным «ты», сколько с этим социальным целым, с «мы».

Примечательно и утверждение Франка о том, что социальное «мы» не сливается с «я» в гармонии, а «сгущается в «оно» (Франк), вырастает в объективную по отношению к «я» реальность, захватывающую затем «я» всей своей мощью. (Примером подобной силы социального «мы» являются (согласно религиозному мыслителю) государственная власть, законы, общественное мнение и т.д.). Данное утверждение в плане противопоставления личностного «я» и общественного «оно» оказывается близким позициям М. Хайдеггера, К. Ясперса, М. Бубера, Г. Марселя, идее реификации П. Бергера и Т. Лукмана, позициям некоторых других философов XX века.

Ясперс, например, полагает, что человек в современном обществе массового существования, массовых производства и потребления ведет «разложенную на функции» жизнь, сам становится той или иной функцией, утрачивая саму суть, подлинность бытия. Иными словами, именно общество как «господство массы» грозит (согласно немецкому мыслителю) уничтожению экзистенциального бытия [24, с. 311].

У Бубера отношение Я-Оно – это отношение тотального отчуждения, когда мир природы, человека, общества и даже Бог в восприятии субъекта являют собой что-то вещное, обезличенное, существующее только для обладания, манипуляций, практических нужд.

Для Франка же данное отношение обнаруживается в модусе «*сущего-для-меня*», т.е. тайного, вызывающего страх и является необходимым моментом подлинного трансцендирования. Отечественный философ усматривает в социальном «Оно» (социальном «мы») в первую очередь трансрациональную мистико-космическую могущественность, его огромную власть над судьбами людей. Однако в отличие от Ясперса, Хайдеггера и Бубера, которые в основном придают «Оно» негативное звучание, Франк склоняется, как мы считаем, к позитивной его оценке (хотя и различает в нём положительный и отрицательный аспекты) [подробнее см.: 19, с. 269 – 270].

Необходимо отметить, что в рамках анализируемой парадигмы происходит отчетливое осознание необходимости смены ракурса рассмотрения связи Я и Другого с онтологического на этический. Такая трансформация наблюдается у Бубера, Франка, Мар-

селя (понятия любви, ответственности и др.), но наиболее последовательно и аргументировано проявляется у Э. Левинаса. Французский философ, вслед за Ф. Розенцвейгом, предложившим принцип диалогического отношения как подлинной связи с чем-то или кем-то Иным, выступает с критикой западноевропейской онтологии (в лице, например, Сократа, Беркли, классического идеализма, Гуссерля, Хайдеггера), познающей единичное человеческое бытие не в его уникальности, а в его всеобщности (тотальности). Установка на постижение нивелированного *бытия* сущего, а не самого *сущего* приводит субъекта к доминированию над последним, обладанию им. Иными словами, формируется «философия несправедливости» и «насилия», в которой господствует свободный, самотождественный, идентифицирующий себя в- или вне пространства Другого субъект. Другой же лишается своей принципиальной инаковости. Только радикальное изменение отношения господства («отношения познания») на этическое отношение с Другим как не сводимым к Я, «оспаривающим» Я сущим, может положить конец философии насилия и насилию в обществе.

Левинас считает, что этическое отношение к Другому как независимому от Я, трансцендентному ему, является основополагающим опытом, переживаемым человеком до всякой онтологии. Это отношение – трансценденция, трансцендирование – развертывается в ситуации лицом-к-лицу посредством говорения. Ситуация лицом-к-лицу представляет собой такую общность Я-Ты, которая образуется без какого-либо третьего посредствующего члена. При этом непохожесть Ты, Другого не утрачивается, а наобо-

рот, предстает во всей своей аутентичности: «Он – то, что не есть Я: он слабый, если Я – сильный; он бедный, он “вдова и сирота”» [11, с. 60]. Уже в этот момент представления лицом, «живым присутствием», Другой говорит, и его говорение – это не что иное, как выражение себя как смысла, означивание [12, с. 100 – 101].

Трансцендирование (согласно Левинасу) – метафизическое движение к «метафизически желаемому Иному» (Левинас) как к далёкому Другому, победа в этом движении над собственным эгоизмом и фокусирование внимания именно на Другом. Как точно замечает З. А. Сокулер, «метафизическое желание – это желание того, чем я никогда не смогу обладать, что невозможно “ассимилировать”. Здесь отделенность от меня, дистанция входят в сам способ существования желаемого» [14, с. 230 – 231]. Но в то же время в трансцендировании реализуется не только связь с «отделенной» и отдаленной реальностью, но и особая экзистенциальная диалектика далекого и близкого: «...отдаленность не разрушает отношения, а отношение не разрушает отдаленности, как это происходило бы при сугубо внутренних отношениях Самотождественного; это отношение не становится проникновением в Иное и смешением с ним, оно не наносит ущерба идентичности Тождественного, его самости, не заставляет умолкнуть апологию и не превращается ни в отступничество, ни в исступление» [12, с. 80]. Иными словами, в диалогическом трансцендировании Самотождественного и Другого всегда сохраняется *трансцендентность* как *бесконечность*, как *высь*, как *то, что превосходит бытие*.

В сравнении с французским философом, который в отношении Я-Ты не усматривает достижения их единства, тотальности, Франк интерпретирует взаимодействие «я»-«ты» как *целостность* всегда присутствующих вместе раздельности и взаимопроникновения (внутреннего единства). В этой целостности Франк усматривает истинную сущность связи «я»-«ты» как *рождения особого бытия* «я»-«ты» и подчеркивает, что единство противоположностей «внутри» и «вне» подчиняется принципу антиномистического монодуализма. Именно эти специфические черты позволяют философу расценить бытие, творимое трансцендированием «я» в «ты», как *откровение реальности в её внутреннем устройстве*, понять его как «...подлинное конкретное всеединство в его трансрациональном непостижимом существе, именно в качестве живого бытия» [19, с. 254] и как *подлинную самореализацию* непосредственного самобытия в облике «я».

Несмотря на то что С. Л. Франк размышляет о трансцендировании в эксплицитном религиозно-социальном контексте, а Э. Левинас ориентирован, как уже говорилось, на раскрытие трансцендирования как этического отношения, оба мыслителя выходят на проблему ответственности.

По Левинасу, отношение к Другому, реализующееся во встрече с ним, изначально основано на ответственности как «любви без Эроса», порождающей справедливость; «милосердия», способности любить своего Иного. Причем данное отношение как Встреча с нуждающимся во «мне», уязвимым в своем непосредственном присутствии «Ты», ассиметрично: ответственность может исходить только

от «Я», который не вправе призывать к взаимной ответственности *абсолютно чуждого ближнего*.

По Франку, беспредельное трансцендирование, создающее конституирующее «я» [21, с. 177], приводит не только к обретению Бога, но и обнаружению глубинных религиозных основ высших ценностей, таких как «бескорыстная и самоотверженная любовь», добро, кротость и смирение, самоотречение, самопожертвование. Именно с идеей самопожертвования выдающийся мыслитель связывает понятия индивидуальной, чужой и коллективной ответственностей как ответственностей за личную, чужую или коллективную греховность, понимая жертву при этом как искупление греха страданием [23, с. 644].

В трансцендировании «во-вне», за исключением отношения любви, не происходит, как считает Франк, «вращения» субъективности в объективную реальность. Выход к этой объективности и укоренение в ней осуществляются посредством трансцендирования «во-внутри». Оно возможно благодаря тому, что «душа» не замкнута в себе, а открыта к «духовной реальности». Трансцендирование «во-внутри» поэтому – это интимное движение непосредственного самобытия к духовному основанию, связь с которым сообщает «душе» незыблемость, подлинность, объективность, духовность. Важно отметить, что своим «трансцендированием “во-внутри”» Франк, говоря словами Б. П. Вышеславцева, «твердо держится за основную религиозную антиномию, за переживание и имманентности, и трансцендентности» [7, с. 260], не впадает в крайность предпочтения только трансцендентного (как это происходит в восточной

философии) или только имманентного (как это имеет место в западной философии) начала. Сам Вышеславцев, стоит добавить, также придерживается этой коренящейся в христианских мистических учениях антиномии.

Так же, как и Франк, говорит о духовных началах Левинас. Он понимает этическую связь Я и Другого именно как духовную, считая её «духовным видением», основой метафизики и теологии [12, с. 110]. Согласно и Марселю открытость личности Другому, диалог с ним, свидетельствуют о Боге, приводят к Нему как к абсолютному Ты.

Франк утверждает, что проводником духа к безусловной реальности выступает личность, которая образует изначальное субстанциальное единство психической жизни и реализуется в трансцендировании через внутреннюю душевность. В этом погружении вглубь своего имманентного существования личностное «я» прорывается к духовному бытию, становится ему сопричастным. В то же время личность, будучи высшей ступенью *непосредственного самобытия*, остается все-таки только «представителем» подлинной реальности, и, не обладая самодостаточностью и безгрешностью, несет перед ней ответственность. При этом последовательное трансцендирование «во-внутрь» всегда увенчивается откровением Божества как исконного всеединства и рождением, в нераздельной связи психического бытия и Божества, Бога.

У Левинаса открытие Бога тоже совершается с помощью Лица человека. Однако данное открытие имеет место в условиях справедливости – социальной ситуации лицом-к-лицу, так как явление Божественного возможно только в «близости ближнего». «Дру-

гой является местом нахождения метафизической истины, необходимой для моего отношения к Богу. Другой отнюдь не играет роли посредника. Другой не является также и воплощением Бога; но именно его лицо, развоплощенное, являет нам высоту, где открывается Бог» [12, с. 111].

Описание связи «я» и «Бога» в теории Франка является заключительным этапом раскрытия им отношения «я»-«ты». «Бог» как «ты» выступает родственной, открывающейся трансцендирующему «я» реальностью. В то же время Божество не может быть просто частным «ты», так как не является составной частью какого-либо рода бытия. Бог показывает себя как изначальный «ты»-образец, «ты»-эйдос.

Целостное трансцендирование к Богу осуществляется посредством *любви* как устремленности к другому в форме самоотдачи, отношения к «ты» как абсолютной ценности. И именно такой ценностью выступает для человека личностное «ты» Божества, не только творчески создающее человека, но и дарующее себя ему. «Душа» рождается, живет и обретает бессмертие исключительно благодаря обращенному на неё взгляду Божества, благодаря достижению внутреннего *двуединства* «я» и Бога.

Для *двуединства*, проявляющегося в отношении «я» и Бога, характерно *единство*, в котором открывается изначальная целокупность двух природ, помещенных в «я», и составляющая такой глубочайший уровень бытия, как «Бог-во-мне» или «я-в-Боге». Тем самым посредством трансцендирования возникает *богочеловеческое бытие*, известное в восточно-христианской мистике как *обожение (тейосис)*, в котором раскры-

вается несомненность укорененности «я» в Боге.

В осмыслении богочеловеческого бытия естественным образом приходит откровение Богочеловечества. Б. П. Вышеславцев отмечал, что именно подъем к Богочеловечеству представляет собой «предельный трансцензус», «абсолютный транс», выхождение за границы «всего бытия и нас самих, вплетенных в это бытие» [8, с. 126] по направлению к Абсолютному. Именно этот, высший этап трансцендирования раскрывается Плотинном, Дионисием Ареопагитом, Кузанским, Фихте [см. об этом, например, 9, с. 240 – 242], именно о нем размышляют представители русской религиозной философии. Так, Е. Н. Трубецкой говорил о Богочеловечестве как о *мосте*, соединяющем жизнь человека с божественным бытием [17, с. 288]. С. Н. Булгаков считал, что «Богочеловечество есть догматический зов как к духовной аскезе, так и к творчеству, как к спасению от мира, так и к спасению мира» [5, с. 270]; утверждал, что человек изначально имеет возможность стать богочеловеком, но реализуется эта возможность при единении его творчества («Софией Тварной») с благодатью («Софией Божественной») [3, с. 180 – 239, см. также 4, 6]. Н. А. Бердяев полагал, что в идее Богочеловечества содержится «утверждение активности человека, высшего его достоинства, божественного в человеке» [1].

Богочеловечество (согласно Франку) – это основополагающая форма бытия, уходящая своими корнями в изначальную целостность действительности Бога и бытия «я есть» («мы есмы»). Отметим также, что откровение Богочеловечества выступает, как мы считаем, *новым*, раскрывающимся на основе достижения обожения, *ас-*

пектом единства социальной и индивидуальной форм религиозного трансцендирования.

Неотъемлемой стороной Богочеловечности, наряду со *свободным служением*, выступает для Франка *святость* как «абсолютная ценность человеческой личности» [19, с. 599]. Святость – это еще и атрибут Божества, а человек – «сосуд Божества» и тело его – «храм Божий». Однако осуществление Богочеловечности через святость может состояться только как *самопреодоление, самотрансцендирование* в процессе служения Богу.

Интересно, что самобытный современный отечественный мыслитель, религиовед, этнограф, культуролог Н. М. Теребихин обращает внимание на то, что представления о святости как о фундаменте психологии русского человека воплотились в двух взаимосвязанных, но совершенно разных образах жизни – «скитальца» и «строителя». Н. М. Теребихин подчеркивает, что оба этих образа жизни содержат в себе идею Нового Иерусалима как культурного архетипа России. Но «строитель» воплощает эту идею через труд, переустройство, преобразование земной жизни по образцу божественного мира, а «скиталец» стремится найти эту идею уже в конкретной реализованной форме [16, с. 14]. По справедливому мнению ученого, именно святой-«строитель», воплощающий «труженичество во Христе», представляет собой не только гармоничное согласие, казалось бы, не вполне совместимых направлений деятельности (религиозного и светского), но и предстает наиболее сложным способом воплощения образа Нового Иерусалима, свершающимся на пограничьи двух миров – человеческого (активно-деятельностного, предметно-

го, социально-вовлеченного) и Божественного (духовного, невещественного, монашески-созерцательного). Именно прохождение такой «тесной» подвижнической стезей индицирует, как мы считаем, один из ярчайших образов религиозного трансцендирования – трансцендирования не «*страннического*» – *плавно-превосходящего*, но сильнейшего по энергетике *активно-преодолевающего, преобразующего и преображающего*.

Целостность социального и индивидуального аспектов трансцендирования, развертывающегося в аспекте Богочеловечности, проявляется, по Франку, как «связь между Богом и соборным единством человечества» [23, с. 687]. Личность может состояться как таковая не в самоизоляции, а только осознавая себя частицей этого соборного единства, этого целокупного природно-социального организма.

Подобная связь личности и других личностей реализуется посредством церкви, выступающей воплощением соборного «мы», «зачатком совершенного богочеловечества» (Франк). При этом существенно то, что в церкви Франк усматривает два неделимых и в то же время отдельных начала – «сущностно-мистическое» как «...её богочеловеческое основание, ... в котором её жизнь есть органическое развитие семени, заложенного Христом...» [23, с. 692] и «эмпирически-реальное» как сугубо человеческое предприятие, управляемое человеком структурой.

Единство социального и индивидуального в трансцендировании достигается, как мы считаем, посредством и «сущностно-мистической», и «эмпирически-реальной» сфер церкви. В этих сферах трансцендирование обнаруживает себя, на наш взгляд, в нескончаемом внутреннем сражении

божественного начала против несовершенной человеческой природы. Подобное трансцендирование при этом всегда обуславливается стремлением к недостижимым, с точки зрения рассудка, высотам и идеалам, к тому, что доступно только Богу.

Особый способ социального трансцендирования выявляется в *христианском богослужении*. Посредством последнего церковь (согласно Франку) предоставляет возможность осуществления одной из истинных форм общения с Богом (наряду с интимной молитвой) – «...объединенной, общей, солидарной молитвы, общественного богослужения или общего «всенародного делания»...» [23, с. 673]. Ведь религиозная жизнь, как справедливо отмечает С. Л. Франк, имеет как интимно-личностную, так и общинную составляющие, она, по сути, *социоморфична*, т.е. осуществляется в общении и «духовном единении».

Именно в литургических пространствах и времени незримо и вместе с тем символически-зримо – в предметах и в самом ходе службы – присутствует Бог как единая для всех действительность. Ощущению Его присутствия активно способствует религиозное искусство – церковная архитектура, иконопись, песнопения и т.д. «Символизированная реальность» Бога проявляется в *таинстве* как высшей точке литургии, как приливе через чувства человека божественной энергии. Общая молитва во время богослужения поэтому имеет принципиальное значение – она «...есть живая встреча через чувственные символы с реальностью Бога и слияние человеческих душ через совместное, солидарное приобщение к этой реальности» [23, с. 678]. Отметим здесь, что тема *встречи* чрезвычайно значима в фило-

софии Новейшего времени, в частности, в работах Левинаса, Бубера, Марселя и др.

И еще одним результатом последовательного трансцендирования в перспективе «я» – Бог выступает, в философии Франка, выявление подлинной сущности мира, которая состоит в безличном характере его бытия, раскрывается как «Оно», как средоточие всего фактического. Возникая как третья сторона связи «я» и Бога, мир вносит только неясность, трагически затемняет, усложняет постижение человеком и самого себя, и Бога, и подлинной реальности. В то же время *инаковость* мира происходит из Бога и как раз *инаковость* является тем объединяющим началом, которое свидетельствует о высшей, трансрациональной целостности, о *всеединстве*. Иными словами, антиномистическая монодуалистичность связи Бога и мира выявляют «*богомирность*», т.е. схождение в Божестве непосредственного самобытия и мира. Обнажается «*солидарное внутреннее единство*» (Франк) в Боге всего созданного, ко-

гда «...все творение становится великим, священным «мы», «тварным» всеединством, которое все сплошь есть *для-себя-сущее-всеединство*» [19, с. 467].

Таким образом, в анализируемой парадигме трансцендентное преломляется в Другом, предстающем как новое неизвестное измерение бытия; именно в диалоге с «Ты», через духовное отношение, через любовь, просвечивает Абсолютное. Только став на позицию полного принятия самоценности иного Ты, возможно трансцендирование не только как преодоление собственного эгоистического Я и собственной самости, но и как преобразование человеческого бытия, как изумленное прикосновение к Божественному Иному. Так, социальное пространство и время, личностное общение, соборное единение, охватывающее не только религиозное, но и этическое, политическое, экономическое начала общественной жизни, становятся локусом и априори трансцензуса в самом высшем его проявлении – восхождении к Абсолюту.

Библиографические ссылки

1. Бердяев Н. А. Русская идея. [Электронный ресурс]. URL: [http:// philologos.narod.ru/73erdyayev/berd-rusidea.htm#par1](http://philologos.narod.ru/73erdyayev/berd-rusidea.htm#par1) (дата обращения 14.08. 2014).
2. Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. Ю. С. Терентьева, Н. Файнгольда, послесл. П. С. Гуревича. – М. : Высш. шк., 1993. С. 5 – 72. (Библиотека философа).
3. Булгаков С. Н. Агнец Божий. О Богочеловечестве. Ч.1. Париж : YMCA-PRESS, 1933. 468 с.
4. Булгаков С. Н. Невеста Агнца. О Богочеловечестве. Ч. 3. Париж : YMCA-PRESS, 1945. 621 с.
5. Булгаков С. Н. Тихие думы. М. : Республика, 1996. 510 с.
6. Булгаков С. Н. Утешитель. О Богочеловечестве. Ч. 2. Париж : YMCA-PRESS, 1936. 447 с.
7. Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // Этика преображенного Эроса / вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. М. : Республика, 1994. С. 154 – 324.

8. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса / вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. М. : Республика, 1994. С. 14 – 152.
9. Вышеславцев Б. П. Этика Фихте : Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М. : Печ. А. Снегиревой, 1914. XIX. 437 с.
10. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. // Философское наследие России. Л. [М.] : Эго : Ленингр. отд-ние ; Союзбланкоиздат, 1991. Т. 2. Ч. 2. 268 с.
11. Левинас Э. От существования к существующему // Избранное. Тотальность и Бесконечное. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. С. 7 – 65. (Книга света).
12. Левинас Э. Тотальность и Бесконечное // Избранное. Тотальность и Бесконечное. М. : СПб. : Университетская книга, 2000. С. 66 – 291. (Книга света).
13. Лифинцева Т. П. Философия диалога Мартина Бубера. М. : ИФРАН, 1999. 133 с.
14. Сокулер З. А. Герман Коген и философия диалога. М. : Прогресс-Традиция, 2008. 312 с.
15. Суркова Н. А. Гносеологическая и экзистенциальная функции понятия «трансцендентальный субъект» : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01 / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2003. 305 с.
16. Терехихин Н. М. Лукоморье (очерки религиозной географии и маринистики Северной России). Архангельск : Изд-во Пом. гос. ун-та, 1999. 207 с.
17. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2011. 656 с.
18. Франк С. Л. Душа человека : Опыт введения в философскую психологию // Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания; Душа человека: Опыт введения в философскую психологию / вступ. ст. И. И. Евлампиева. СПб. : Наука ; С.-Петербур. изд. фирма, 1995. С. 419 – 632. (Слово о сущем).
19. Франк С. Л. Непостижимое : Онтологическое введение в философию религии. М. : АСТ ; АСТ МОСКВА ; ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 506 с.
20. Франк С. Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М. : Моск. шк. полит. исслед., 2001. 592 с.
21. Франк С. Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия // С.Л. Франк. С нами Бог. М. : АСТ, 2003. С. 133 – 436. (Philosophy).
22. Франк С. Л. Свет во тьме. М. : Факториал, 1998. 256 с.
23. Франк С. Л. С нами Бог / сост. и предисл. А. С. Филоненко. М. : АСТ, 2003. С. 438 – 744 (Philosophy).
24. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории : пер. с нем. М. : Политиздат, 1991. С. 287 – 418. (Мыслители XX в.)

Zh. V. Latysheva

TRANSTSENDING AS DIALOGICAL RELATION

The article analyzes the dialogical paradigm of transcendence. It emphasizes the unity of the social and individual aspects of this kind of transcendence. The conclusion is that it is through the dialogue with the Other that the Absolute is touched upon.

Keywords: transcendent, transcending, me, you, Other, dialogical relationship, God.

ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА В АНАРХО-РЕФОРМИСТСКИХ ВЗГЛЯДАХ П. А. КРОПОТКИНА

Сформировавшаяся у Петра Алексеевича анархо-реформистская позиция, выраженная в поддержке им таких демократических государственных институтов, как парламент, да и в поддержке в I Мировой войне самих демократических государств, являющихся, по Кропоткину, переходной стадией на пути построения анархического общества, оценивалась многими анархистами как «политическая смерть» Кропоткина. Нам же она представляется как начало тенденции сближения П. А. Кропоткина с принципами демократического социализма.

Ключевые слова: Петр Кропоткин, анархизм, реформизм, демократический социализм, анархо-реформизм, демократическое государство, анархическое общество, общественно-политические взгляды.

До недавнего времени Кропоткина рассматривали лишь как теоретика анархо-коммунизма [44, с. 5]. А между тем взгляды его в поздний период жизни и деятельности носили двойственный характер, соединяя во многом казалось бы несоединимое: анархизм и реформизм внутри единой системы общественно-политических взглядов. Хотя и среди других социалистических учений есть революционные и реформистские [48, с. 4].

Анархическая теория П. А. Кропоткина в сильной степени отражает своеобразие личности ее автора и его общественно-политических взглядов. Прежде всего надо подчеркнуть, что Петр Алексеевич Кропоткин был в высшей степени интеллигент [41, с. 110] с обостренным чувством справедливости. Как утверждает выдающийся российский исследователь анархизма П. А. Кропоткина Н. М. Пирумова, член основанного в 1884 г. в Лондоне «Фабианского общества» сторонников эволюционного перехода

к социализму (одного из первых обществ демократического социализма) Бернард Шоу назвал Кропоткина «одним из святых столетия» [37, с. 38].

И это не было случайностью. Демократический социализм – это концепция сочетания социалистического устройства общества с демократическими формами политической жизни. Демократический социализм провозглашает свободу, равенство, социальную справедливость и солидарность [22]. Такая концепция сближает демократический социализм с современным анархизмом, который в настоящее время рассматривается порою не как ультра-левое течение в социализме, а как разновидность реформизма в духе либерального народничества и теории «малых дел» [20].

Концепция демократического социализма очень близка и общественно-политическим взглядам П. А. Кропоткина, сформировавшимся в поздний период его жизни и деятельности как анархиста, который можно определить

как «анархо-реформизм» [39, с. 30]. Анархо-реформизм Кропоткина представляет собой политическое направление мысли, соединяющее в себе черты и анархизма, и реформизма, стремящееся к установлению безгосударственного общественного устройства при помощи не только серии революций, но и политики реформ в рамках существующего государства, являющегося переходным этапом на пути к анархизму [40, с. 48].

Как полагает современный исследователь анархизма П.А. Кропоткина С.Ф. Ударцев, Кропоткин был далек от отрицания власти вообще. В признании им двойственности государства и законодательства – шаг вперед анархизма в теоретическом познании неоднозначных общественных явлений. С этой особенностью взглядов Кропоткина, а также с некоторой их противоречивостью связаны и его суждения о возможности использования государственной организации в интересах общества в период революции, о реальной федерации независимых государств в России вместо дореволюционной империи, о мелких государствах как политической форме, предшествующей анархическому строю [46, с. 53].

Идеализируя общинный строй варваров и городов Средневековой Европы, П. А. Кропоткин подмечал в основном такие стороны, как, например то, что по уставу Фердинанда I существовал и поддерживался 8-часовой рабочий день, что в субботу зачастую работали не более чем до полудня и т. п. При этом Кропоткин подчеркивал, что рабочим в современном ему обществе приходится еще только бороться за подобные достижения. Здесь

Кропоткин подошел достаточно близко к тому, чтобы признать за государством, хотя бы в некоторых случаях, стремление или даже простую возможность действовать во благо всего общества.

В конце XIX – начале XX века П. А. Кропоткин начал постепенно отходить от радикального анархизма на более реалистические позиции. Рубежом в его общественно-политических взглядах, обозначившим разрыв с анархо-радикализмом и переходом на анархо-реформистские позиции, можно условно считать статью «О современном состоянии России» (1897 г.), в которой П. А. Кропоткиным была позитивно рассмотрена проблема создания парламента в России [4, с. 9].

Вместо критики парламентаризма П. А. Кропоткин начинает искать более прогрессивные и эффективные формы представительной демократии. Допуская существование парламента, Петр Алексеевич считал возможным перейти к представительству по профессиональному признаку как более эффективной форме демократии. Притом, что Кропоткин не выступал против политических прав в демократическом государстве, первоначально он призывал не просить их у парламента, а завоевывать их для себя [18, с. 8].

Когда парламентаризму грозила опасность справа, П. А. Кропоткин всегда выступал в его защиту и включался в политическую борьбу. Так в 1904 г., когда многие анархисты в России в своем отрицании «буржуазного парламентаризма» считали нужным относиться враждебно к политической агитации русских либералов за замену самодержавия конституционным строем, Кропоткин выступил про-

тив такой точки зрения: «Пусть либералы, – говорил он, – ведут свою работу, мы не можем быть против нее; наше дело – не бороться с ними, а вносить в существующее революционное брожение свою идею» [47, с. 299].

По этой же причине наряду со многими передовыми людьми в Европе, в том числе Э. Золя и Ж. Жоресом, русский анархист решительно выступил на стороне демократических сил в борьбе, связанной с делом о шпионаже французского офицера А. Дрейфуса, несправедливое обвинение которого послужило исходной точкой в наступлении сил реакции против республиканского режима и демократических свобод во Франции.

В 1902 г. в статье «Российские школы и Святейший Синод» П. А. Кропоткин писал: «Когда я говорю о будущей конституции, это не значит, что я в ней вижу панацею. Мои собственные идеалы простираются значительно выше ее. Но, нравится нам это или нет, она будет принята» [45, с. 249].

Полный разрыв П. А. Кропоткина с анархо-радикализмом и окончательный переход на позиции анархо-реформизма отчетливо проявился в отношении Кропоткина к I Мировой войне. Однако уже и во время русско-японской войны 1904 – 1905 гг. П. А. Кропоткин «был ярким «русским патриотом», хотя в те дни не только социалисты всех направлений, но даже многие либералы были противниками этой войны и вели борьбу против царского правительства» [47, с. 301].

Во время I Мировой войны интернационалист П. А. Кропоткин с немногими анархистами выступая в поддержку Антанты, оказался в лагере

оборонцев. Одной из причин оборончества Кропоткина во время I Мировой войны была его вера в авангардную роль Франции в мировом революционном процессе, в особую революционную миссию Франции в Европе, если не во всем мире. Спасти Францию для Кропоткина означало спасти европейский прогресс и будущую анархистскую революцию [31, с. 58], а следовательно, и будущее человечества [30, с. 10].

В письме с обращением «Милостивая государыня» П. А. Кропоткин утверждал, что «Россия, да и весь образованный мир, кроме Германии, т. е. Англия, Франция, Италия, США, вступили с этой войной в полосу глубокой социальной перестройки. Везде вопрос труда и капитала, личного и общественного владения землей, производства и потребления встал во весь рост в последние 3 года» [8, с. 1]. Однако реализации этих социальных процессов в западноевропейских странах, по мнению П. А. Кропоткина, могло помешать вмешательство милитаристской Германии [14, с. 25].

Сближение и союз с Англией и Францией для России Петр Алексеевич считал жизненно важным. Кропоткин даже обратился с письмом к офицерам русского генштаба, в котором призвал их не допускать на фронте братаний русских солдат с немцами: «Как возможны такие братания после того, как Россия вступила в союз... с великой демократией Франции, 100 лет назад провозгласившей свободу, равенство и братство, с английской демократией, сумевшей даже при королевской власти создать такие учреждения, которых Германии не видеть еще 40 – 50 лет, и, наверное, с амери-

канской демократией, которая первая провозгласила 140 лет назад права человека» [5, с. 3].

Таким образом, признание П. А. Кропоткиным прогрессивности парламентской системы как государственной структуры, а равно и признание прогрессивности демократических государств, их поддержку в войне против авторитарных режимов, означали полный разрыв Кропоткина с анархо-радикализмом и окончательный переход на позиции анархо-реформизма.

Между тем сформировавшаяся у Петра Алексеевича анархо-реформистская позиция, выраженная в поддержке им таких демократических государственных институтов, как парламент, да и к поддержке в I Мировой войне самих демократических государств, являющихся, по Кропоткину, переходной стадией на пути построения анархического общества, оценивалась многими анархистами как «политическая смерть» П. А. Кропоткина [21, с. 67]. Нам же такое изменение в общественно-политических взглядах Кропоткина представляется как начало тенденции его сближения с принципами демократического социализма.

Вернувшись после февральской революции 1917 г. в Россию, П. А. Кропоткин принял участие в Обществе сближения с Англией, для которого он писал статьи [1, с. 18] и специальную работу о целях создания этого общества [1, с. 19], а в 1918 г. под его редакцией вышел «Вестник» Общества. Одна из работ Кропоткина называлась «Правда об Англии» [2, с. 20]. Петр Алексеевич настойчиво призывал своих соотечественников вернуться в Антанту и встать в ряды борющихся демократий [15, с. 3].

В записке П. А. Кропоткина, хранящейся в фонде Половцевых в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Петр Алексеевич, выражая свое отношение к I Мировой войне, заявил, что «всякий искренний человек чувствует сам – именно, что борьба в Европе идет теперь между двумя противоположными началами: народным, демократическим началом и началами реакции, на защиту которых ополчился Союз Трех Императоров. Один из этих трех заговорщиков уже свергнут с престола. Остается свергнуть и двух остальных. И именно этот вопрос решается теперь на фронтах» [36, с. 157].

«Основатели нашего Общества, близко знакомые с новейшей умственной жизнью в Англии за последнюю четверть века, хорошо понимали необходимость ознакомления широких кругов России с развитием политической и социальной мысли в Великобритании, – писал П. А. Кропоткин. – Они знали, что прогресс человечества состоит не столько в выработке культуры, т. е. – внешних бытовых форм жизни, сколько в прогрессивном развитии цивилизации, – в пробуждении среди народных форм жизни, соответствующих современным понятиям о свободе, равенстве и братстве всех граждан внутри данной страны, и всех народов в семье цивилизованных наций. И они знали, что в этом отношении Англия и Франция стоят далеко впереди Германии и Австрии» [15, с. 6].

Отражение позиции П. А. Кропоткина о войне с Германией мы находим в его рукописях: «О войне» [3, с. 8], «Письма о войне» [3, с. 7], «Германские декларации о войне» [3, с. 217], в Воен-

ном бюллетене «Как английский солдат смотрит на войну» [3, с. 219], а также о войне с Германией, о земледедии и промышленности в США и Англии – в «Письмах о текущих событиях»: «При данных условиях всякий, кто чувствует в себе силы что-нибудь делать и кому дорого то, что было лучшего в европейской цивилизации, и то, за что боролся рабочий Интернационал, может делать только одно – помогать Европе раздавить врага самых дорогих нам заветов: немецкий милитаризм и немецкий завоевательный империализм» [17, с. 3].

А в своем письме от 17 июня 1917 г. к личному составу Семеновского полка с благодарностью за встречу, оказанную ему при возвращении в Петроград после эмиграции, П. А. Кропоткин говорит о правах человека и политических правах как о высшем идеале [11, с. 2].

Таким образом, выступая за войну до победного конца на стороне стран Антанты, которые воплощали для анархо-реформиста Кропоткина начала западной демократии, Петр Алексеевич явно поставил принцип демократии и демократические ценности как безусловно прогрессивные в развитии человечества. Более того, демократическое устройство государства, являющееся базовым принципом демократического социализма, напрямую увязывается Кропоткиным с борьбой Интернационала, а значит и с его пониманием идей построения анархического общества.

Уже на рубеже XIX – XX столетий резкая грань между признанием революционных, классовых методов борьбы и реформизмом, служившая едва ли не главным водоразделом

между либерализмом и социализмом, начала размываться под воздействием социальных и политических трансформаций. Предметом напряженных дискуссий «ортодоксов» (революционизма – С. С.) и поборников правого и левого «ревизионизма» (реформизма – С. С.) были такие фундаментальные для судеб социалистической идеи вопросы, как мера зрелости капитализма и его способность выступать в новых условиях в роли прогрессивной динамичной силы, соотношение революций и реформ, роль в общественной эволюции объективных и субъективных факторов (спор о детерминизме и волюнтаризме), взаимоотношения демократии и социализма, парламентских и внепарламентских форм борьбы, значение идеалов, веры, убежденности масс и лидеров и само понимание прогресса [49, с. 302].

В 1907 г. А. Мильеран, утверждавший, что «социализм может и даже должен носить революционный характер, так как исчезновение наемничества в самом деле будет самой настоящей и глубокой революцией», тем не менее признавал, что «если мы считаем насилие вещью дурной и бесполезной, если законодательная реформа кажется нам одновременно и непосредственным предметом, и единственным практическим способом приблизиться к далекой цели, будем достаточно смелы, да это и не так трудно, чтобы назваться своим именем и говорить, что мы – реформисты, раз мы и так ими являемся» [29, с. 10].

В конце XIX в. под давлением международного рабочего движения государство начало постепенно эволюционировать в сторону социального. Если ранее оно выражало интере-

сы, прежде всего, господствующего класса, то теперь, стремясь расширить свою социальную базу, пытаюсь сбить накал рабочего движения, оно предприняло шаги для устранения классовых антагонизмов. Эти изменения позволили П. А. Кропоткину отказаться от своих лозунгов, направленных на уничтожение государства, ограничившись критикой в адрес централизованного и монополистического государства [33, с. 90].

В конце XIX века в ряде стран были приняты законы, предусматривающие ответственность предпринимателей за производственный травматизм рабочих [25, с. 155]. В начале XX века в Англии [25, с. 153] и в 1918 – 1920 гг. во Франции, Германии, Италии и других странах были приняты законы о 8-часовом рабочем дне [25, с. 264]. В 1911 г. в Англии был принят закон, предусматривающий социальное страхование на случай болезни, инвалидности, родов и безработицы [25, с. 153]. В 1919 г. во Франции и Германии законодательно были закреплены права профсоюзов на заключение коллективных договоров с предпринимателями [25, с. 262]. В 1914 г. в США было усилено антимонопольное законодательство. В соответствии с законом Клейтона запрещалось приобретение акций компаний, в результате чего могло произойти снижение конкуренции, а также запрещались какие-либо ограничения торговли в любой части страны или тенденции к установлению монополии в какой-либо сфере торговли [38, с. 14].

Еще в 1903 г. в своей работе «Современная наука и анархия» П. А. Кропоткин утверждал, что государство, будь оно основано на крепостном праве или же на коллективизме и коммуниз-

ме, роковым образом должно быть принудительным. Иначе оно перестает быть государством. Но задача революции, по П. А. Кропоткину, – не разрушение, как считал Бакунин, – а созидание, «построительная работа». Следовательно, не отчаяние угнетенных и обездоленных людей побуждает их к революционным действиям, а надежда на коренные изменения в обществе. И не борьба одного класса с другим за господствующее положение в обществе является двигателем общественного прогресса, а наибольшее объединение [42].

Поскольку одновременно с усилением государства шло и создание гражданского общества и правового государства, ликвидация государства могла происходить как революционным, так и эволюционным путем, который представлялся как отказ государства от неэффективного вмешательства в экономику и общественную жизнь и развитие различных форм самоуправления. Петр Алексеевич ссылается на примеры из жизни в странах Западной Европы: «Так уже работают теперь сообща железнодорожные компании или же почтовые учреждения различных стран, не имея центрального железнодорожного или почтового департамента, хотя первые руководствуются исключительно эгоистическими целями, а вторые принадлежат различным и часто враждебным государствам. Так же действуют метеорологические учреждения, горные клубы, английские спасательные станции, кружки велосипедистов, преподавателей, литераторов и так далее, соединяющиеся для всякого рода общей работы, а то и попросту, для удовольствия» [42].

И Петр Алексеевич сам идет навстречу этой тенденции. В конспекте его речи, подготовленной к Государственному совещанию 12 августа 1917 г., были такие слова: «Широкое развитие за последние 20 лет муниципального коммунизма в Италии, во Франции и в Англии и развитие кооперативов в корне изменяют ходячие понятия о капитале и труде среди европейского общества» [6, с. 66].

П. А. Кропоткин по своим анархо-коммунистическим убеждениям был противником частной собственности. Он предлагал повсеместно ввести «местное городское и земское самоуправление, которое должно быть устроено так, чтобы все отдельные самоуправляющиеся единицы, вплоть до самых мелких, были возможно более свободными и пользовались возможно большими правами» [35, с. 52].

Основной принцип синдикализма – создание независимых организаций рабочего класса, которые должны бороться за освобождение трудящихся и от ига капитала, и от ига государства с целью реорганизации жизни на основе либертарного коммунизма. Эта позиция сближает взгляды Кропоткина и движения «гильдейских социалистов», являющегося одним из направлений внутри «демократического социализма».

П. А. Кропоткин в поздний период его жизни и деятельности исходил в конкретных своих действиях из некоей программы-минимум, активно участвуя в борьбе за демократию как в Западной Европе, так и в России. Главное место в этой программе занимали местное самоуправление и кооперация в рамках Федеративной Республики. Именно проблемы местного самоуправления (политического, общественного и экономического) име-

ли, по мнению Кропоткина, для будущего анархического общества перво-степенное значение. Затем по значимости шли демократические свободы и государственное насилие и лишь на третьем месте стояли проблемы политического устройства.

Раньше Петр Алексеевич видел в эволюции государства процесс отрицания взаимопомощи, разрушения человеческой солидарности, ее общественных учреждений [34, с. 96]. Теперь же, в послереволюционный период, он окончательно пересмотрел свои взгляды на такой принципиальный для любого анархиста вопрос, как государство [32, с. 125].

В соответствии с реформистскими анархическими взглядами П. А. Кропоткина «общество... зиждется на сознании – хотя бы инстинктивном – человеческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно зиждется на бессознательном и полусознательном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех» [13, с. 7].

Как анархо-реформист Петр Алексеевич Кропоткин определял будущее анархическое общество как «общество, которое ищет гармонии в постоянно изменчивом равновесии между множеством разнообразных сил и влияний, из которых каждое следует своему пути и которые все вместе, именно благодаря этой возможности, свободно проявляются и взаимно уравниваются и служат лучшим залогом прогресса, давая людям возможность проявлять свою энергию в этом направлении. Это общество – самоорганизующееся, саморегулирующееся, самоуправляющееся. Это об-

щество народоправства», основанное, прежде всего, на свободе. Где сама свобода выступает как «наиболее верное средство против временных неудобств, проистекающих из свободы» [12, с. 29].

Еще в 1902 г. в полемике с обер-прокурором Святейшего Синода Российской империи К. П. Победоносцевым П. А. Кропоткин, логически продолжив свое первое выступление в 1901 г., подвел его к закономерному выводу «о необходимости» в условиях кризиса «скорейшего переустройства России в направлении демократизации всей общественной жизни» [45, с. 249]. Кропоткин отмечает, «что среди культурных наций (т. е. среди стран Западной Европы – С. С.) зарождается новая форма общества на смену старой: общество равных между собой» [45, с. 249].

Перейдя на анархо-реформистские позиции, П. А. Кропоткин полагал, что необходимым условием, позволяющим добиваться становления анархического общества, являются общедемократические свободы, основанные на традициях в обществе: «Мы действовали, в сущности, согласно старому правилу, гласящему, что свобода – наиболее верное средство против временных неудобств, проистекающих из свободы. Действительно, в человечестве есть ядро общественных привычек, доставшееся ему по наследству от прежних времен и недостаточно еще оцененное. Не по принуждению держатся эти привычки в обществе, так как они выше и древнее всякого принуждения. Но на них основан весь прогресс человечества, и до тех пор, покада человечество не начнет вырождаться физически и умственно, эти

привычки не могут быть уничтожены ни критикой людей, отрицающих ходячую нравственность, ни временным возмущением против них»... Поэтому, «проповедуя преобразование в обоих направлениях, мы будем идти с прогрессом, а не против него» [42].

При этом Петр Алексеевич Кропоткин предлагал не заменять государство обществом, а изменять общественные отношения и условия труда внутри государства. И хотя этот идеал нельзя достигнуть без сильных потрясений (революций), они, возможно не целиком, а частично, но дадут лозунг следующему веку – веку эволюции, и «анархический коммунизм станет точкой прицела эволюции двадцатого столетия» [12, с. 30]. Преобразованное государство в этом случае, по мысли Кропоткина, станет федерацией. Переходной стадией к этому состоянию общества может быть федеративное государство или союз государств – конфедерация.

Для П. А. Кропоткина федерация – это способ объединения общества, при котором наиболее полное выражение получают отстаиваемые им демократические ценности. Поэтому в 1918 г. в своей статье «Федерация – путь к объединению» Кропоткин снова выступил с призывом к созданию в России федеральной республики по образцу США и Англии [9, с. 4]. В подтверждение своего продолжения в этом вопросе анархической традиции П. А. Кропоткин ссылается на авторитет М. А. Бакунина и объявляет целью создания такого государства – объединение всей Европы в один государственный союз. «Лучшие люди второй половины XIX века (в том числе М. А. Бакунин) проповедовали рес-

публиканскую федерацию, т. е. Балканские Соединенные Штаты как зачаток Соединенных Штатов Европы», – утверждал он [16, с. 173].

Из стенограммы выступления П. А. Кропоткина на Всероссийском Государственном совещании видно, что великий анархист открыто выступил за сохранение в России государства: «Мне кажется, нам, в этом Собрании русской земли, следовало бы уже объявить наше твердое желание, чтобы Россия гласно и открыто признала себя республикой. При этом, граждане, республикой федеративной!... Если бы в России, на несчастье, различные народности разбились бы на мелкие государства: кавказское, украинское, финское, литовское и т. д., то это была бы такая катавасия, которую мы видим на Балканском полуострове... Нет, не такая федерация государств нам нужна, а федерация, которую мы видим в Соединенных Штатах, где хотя каждый штат имеет свой парламент и этот парламент заведует внутренними всеми делами, но во всех делах, где требуется согласие нескольких штатов, там они выступают как тесный союз, как действительная федерация» [23, с. 229].

Мысль о федерализме проходит и через все творчество П. А. Кропоткина. Взгляды Петра Алексеевича по этому вопросу также претерпели определенную эволюцию, о чем свидетельствуют его работы последнего периода жизни. Идеи федерализма разрабатывались им как теоретически в статьях «К вопросу о федерации», «Федерация», так и практически – созданием в 1917 г. Лиги Федерации в Москве.

Вот что писал о деятельности П. А. Кропоткина в этом направлении

член Временного Совета С. П. Мельгунов: «Мысль многих в это время обращалась на периферию, где, казалось, было более здоровое национальное чувство. Там по областям может создаться крепкое государственное начало. Федерация – путь к объединению и спасению России и ликвидации большевистской авантюры. Для пропаганды этой идеи в Москве по инициативе П. Кропоткина была создана Лига Федерации, председателем которой он был избран,... где собирались люди, в сущности, очень разных политических взглядов, осталось радужное впечатление от того времени. Удивительный старик. С рвением юноши выполнял он свою редакторскую работу. Много душевных разговоров было у нас в то время. И старый анархист всегда говорил, что он ближе всего себя чувствует к позиции народных социалистов. С нашей точки зрения, он был государственный в лучшем смысле слова» [28, с. 7].

Большое внимание в начале XX века и особенно в послереволюционный период П. А. Кропоткин уделял изучению демократического самоуправления и федеративного устройства США, Канады, Швейцарии и других стран. Эти разработки, о чем свидетельствует статья «Федеральный строй Канады», служили материалом для обсуждения вопросов о федеральной конституции России на заседаниях Лиги Федерации [10, с. 15].

В рукописи «К вопросу о федерации» он утверждает: «Демократия – не что иное, как широко развитое самоуправление. А самоуправление может сохраниться только тогда, когда соединение мелких единиц в одно более общее целое происходит на федеративных началах» [42].

Федеративная республика, по мнению Кропоткина, имеет неоспоримые преимущества перед другими формами государственной власти, так как она исключает централизацию, представляя собой «тесный союз... свободных областей и народов». Но главное: 1) она содержит в себе элементы будущего безгосударственного устройства, 2) учит самоуправлению, 3) доказывает, что, как уже упоминалось, «участие рядового гражданина в общих делах» не должно «сводиться лишь к выборам правителей и посещению митингов и собраний», а наоборот, «все должны иметь возможность действительного участия в общественных делах», 4) эту возможность дает «местное городское и земское самоуправление, которое должно быть устроено так, чтобы 5) все отдельные самоуправляющиеся единицы, вплоть до самых мелких, были возможно более свободными и пользовались возможно большими правами» [35, с. 52].

В итоге длительного пути развития своих общественно-политических взглядов П. А. Кропоткин, отстаивая по-прежнему анархические принципы построения нового общества (федеративное устройство свободных самоуправляющихся общин), вместе с тем добавил и демократические ценности, присущие социально ориентированному государству, построенному на принципах демократического социализма.

Таким образом, П. А. Кропоткин, оставаясь на позиции коммунистического общественного идеала, пришел к выводу о необходимости институтов государственности на переходный период. Этим государством, основанным

на идеях свободы и равенства, по мнению Петра Алексеевича, должна быть Федеративная демократическая республика [27, с. 57]. Об этом он говорил и в своей речи «О современном положении России»: «единственно возможный в России строй – это строй, дающий обширное самоуправление волости, городу, области, краю, строй республиканский и федеративный» [7, с. 95].

Отсюда всемерная поддержка П. А. Кропоткиным демократических государственных институтов, прав и свобод. И отсюда же вначале критическое отношение, а затем и полное отрицание построенного большевиками авторитарного государства. Он не принял Октябрьскую революцию и диктатуру большевиков, поскольку они исказили идею Советов как всенародного представительного органа, отвергли (вначале) принцип федерализма в построении государства и общества, преследовали кооперативное движение – основу, по Кропоткину, строительства будущего анархического общества, установили диктатуру и насаждали террор.

При большевиках стали невозможны демократические свободы и соблюдение прав человека. Все это шло в разрез с анархо-реформистскими общественно-политическими взглядами Кропоткина. Но большевики использовали многие идеи П. А. Кропоткина, в том числе и идеи федерализма при провозглашении своего государства федеративной республикой [19, с. 60]. Хотя на практике никакой автономии и самостоятельности эти республики в составе СССР не имели.

Также использовали большевики и столь горячо поддерживаемую П. А. Кропоткиным идею всенарод-

ных Советов, контролирующих политическую и экономическую жизнь в демократическом государстве. Но в условиях партийной диктатуры в СССР, где страной правила коммунистическая партия, Советы не имели большого значения. Хотя надо отметить, что все же на уровне не Верховного Совета, который через съезды Советов проводил в жизнь указания КПСС, а на уровне местных районных и сельских Советов рабочих и крестьянских депутатов шла определенная реальная работа с населением и помощь ему.

Использовали большевики и поддерживаемую П. А. Кропоткиным идею кооперации как ячейку будущего анархического общества. В. И. Ленин вначале стал активно бороться с кооперацией, но вернулся к ней при НЭПе. Затем вновь кооперацию задушил И. В. Сталин. В СССР возродить кооперативы начал лишь М. С. Горбачев.

Нельзя также сказать, что в Советском Союзе полностью не было и самоуправления. Самоуправление рабочих на предприятиях ввел еще Ленин. Правда, ненадолго. Затем к нему вернулись уже при Л. И. Брежнев, но очень скоро опять свернули. И только М. С. Горбачев пошел в этом вопросе до конца, поддержав Общеввропейскую концепцию «демократического социализма».

Отличительными чертами такого «свободного социализма» являются: контроль общества за производством и потреблением, участие рабочих в управлении предприятиями и в получении прибыли, национализация отдельных отраслей промышленности, активная социальная политика государства, широко развитое самоуправление. В какой-то степени эта система

похожа на ту, которую предлагал А. И. Солженицын в работе «Как нам обустроить Россию? Посильные соображения» [43, с. 49].

После крушения СССР вышеприведенные идеи П. А. Кропоткина, казалось бы, наконец, должны восторжествовать в новой демократической России. Однако объявленные при Б. Н. Ельцине демократические свободы, начиная с 1993 г., постепенно стали меняться на авторитарные методы управления страной. Ни подлинного федерализма, ни ответственного перед народом парламента, ни сильного среднего класса из числа малых и средних предпринимателей, ни реального самоуправления населения на местах больше нет.

И хотя в историческом развитии современной России все еще не определен вектор выбора пути: возврат ли к тоталитарному или авторитарному государству, движение ли вслед за странами западной демократии или попытка скопировать китайскую модель государства, остается надежда, что общественно-политические взгляды П. А. Кропоткина будут востребованы на его родине в их анархо-реформистском варианте.

За пределами России кропоткинские идеи анархизма первоначально наиболее яркое воплощение получили в виде израильских киббуцев. А его анархо-реформистские общественно-политические взгляды нашли свое продолжение и развитие в государствах Западной Европы и странах Евросоюза. Прежде всего, это относится к фундаментальным идеям П. А. Кропоткина – идеям взаимопомощи и расширения федеративного и демократического начал в рамках республиканского устройства государств.

Логическим продолжением этих процессов является и Общевропейская концепция «демократического социализма», сформулированная во Франкфуртской декларации Социнтерна в 1951 г. Еще раньше НРП (норвежская рабочая партия), победив в 1935 г. на парламентских выборах, ставила своей целью построение социализма, но без революции, а с помощью быстрых реформ («радикальный реформизм»). Правда, позже НРП перешла к «умеренному реформизму», чему способствовало «появление антисоветских страхов у населения в связи с событиями в Чехословакии в феврале 1948 года» [26, с. 70]. Но северные страны Европы до сих пор остаются образцом социально ориентированных государств с наиболее развитыми институтами гражданского общества [50, с. 83].

Аналогичные процессы встречались и в более позднее время. Например, в 1970 – 1990-е гг. XX в. обострились проблемы, с которыми британское общество столкнулось при переходе от индустриального к постиндустриальному типу развития. Популярность завоевали идеи раскрепощения человеческой личности, освобождения институтов гражданского общества от государственного контроля, расширения сферы деятельности свободных сил. Правые политические силы выступили с лозунгом возрождения «либеральной Англии», принципов добровольности, индивидуальной свободы, самопомощи. Они требовали свести функции государства к минимуму, создать условия для «спонтанного развития общества». Были выработаны концепции развития свободного рынка и пересмотра функций государств [24, с. 5].

В настоящее время многие элементы кропоткинской модели свободного социализма, осуществить которые он считал возможным в демократическом государстве, уже получили определенное развитие на практике в некоторых странах Западной Европы в начале XX в. и особенно усилились в период Первой мировой войны. В России проявление подобных идей П. А. Кропоткин усматривал в полной мере лишь в Февральской революции 1917 г., носившей демократический характер и выступавшей прогрессивным последовательным звеном на пути построения анархического общества. Прерванный путь их развития в советской России продолжился в других странах.

П. А. Кропоткин в поздний период его жизни и деятельности исходил в конкретных своих действиях из некоей программы-минимум, активно участвуя в борьбе за демократию как в Западной Европе, так и в России. Следует особо подчеркнуть, что он рассматривал анархизм в качестве своеобразного логического итога либеральных политических учений, в основу которых был заложен принцип предельной минимизации функций государства и расширения свободы и автономии нравственной личности [34, с. 19].

Вместе с тем П. А. Кропоткин особо подчеркивал важность таких идей, как самоуправление, синдикализм и федерализм, без которых невозможна истинная демократия. Это имело для Петра Алексеевича принципиальное значение, поскольку именно капиталистические страны западной демократии воплощали для него прогрессивное развитие как государства, так и общества в государстве.

Политическая и социальная концепции П. А. Кропоткина были, с одной стороны, нацелены на неизбежность установления анархического общества как итога прогрессивного развития человечества, с другой стороны, ориентированы на построение и поддержку демократического государства, гарантирующего права и свободы личности и общественных организаций.

Таким образом, «анархо-реформистские» идеи П. А. Кропоткина, а вместе с тем и тенденции «демократического социализма» нашли свое продолжение как в российском, так и в международном социалистическом движении. Эти идеи повлияли на формирование социально-ориентированных госу-

дарств, на нивелирование классовых борьбы, развитие взаимной помощи между предпринимателями, рабочими и другими социальными слоями, которая выразилась в привлечении рабочих к управлению производством и участию их в получении прибыли [33, с. 147].

Сущность обозначенных нами тенденций «демократического социализма» П. А. Кропоткина проявляется, прежде всего, в его политической и социальной концепции «анархо-реформизма», нашедшей свое отражение в его общественно-политических взглядах. Между тем динамика анархо-реформизма и его значение наиболее ярко проявились в международном социалистическом движении в Европе.

Библиографические ссылки

1. Архив Дмитровского музея-заповедника «Дмитровский Кремль». Ф. 22/5152. Оп. 1. Д. 18, 21.
2. Архив Дмитровского музея-заповедника «Дмитровский Кремль». Ф. 22/5152. Оп. 1. Д. 20.
3. Архив Дмитровского музея-заповедника «Дмитровский Кремль». Ф. 22/5152. Оп. 1. Д. 8.
4. ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Ед. хр. 490. Л. 9.
5. ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Ед. хр. 723. Л. 3.
6. ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Ед. хр. 735. Л. 66 – 69.
7. ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Ед. хр. 735(2). Л. 95 – 98.
8. ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Ед. хр. 765. Л. 1.
9. ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Ед. хр. 766. Л. 4 – 6.
10. ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Ед. хр. 777. Л. 15.
11. НИОР РГБ. Ф. 410. Картон 3. Ед. хр. 34. Л. 2.
12. Кропоткин П. А. Анархия и ее место в социалистической эволюции. М., 1917. С. 29.
13. Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. СПб., 1907. С. 7.
14. Кропоткин П. А. О войне. М., 1916. С. 25.
15. Кропоткин П. А. О современной Англии // Вестник Общества сближения с Англией. М., 1918. С. 3 – 6.
16. Кропоткин П. А. Обращение к украинскому народу / публ. И. В. Петушковой // Труды комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. Вып. 1. М., 1992. С. 173.

17. Кропоткин П. А. Письма о текущих событиях. М., 1917. С. 3. (Впервые опубликованы в сентябре и октябре 1914 г. в «Русских Ведомостях»).
18. Кропоткин П. А. Политические права. Петроград, 1917. С. 8.
19. Алешков И. В. Советский опыт образования федеративного государства // Конституционализм и федерализм в России (XIX – XX вв.). Барнаул, 2004. С. 60 – 63.
20. Анархо-реформизм : стенограф. отчет. URL: <http://www.cabet.livejournal.com/118120.html> (дата обращения: 10.09.2014).
21. Бубенко О. Н. Федерализм как основа будущего общественного устройства в теории П. А. Кропоткина // Конституционализм и федерализм в России (XIX – XX вв.). Барнаул, 2004. С. 67.
22. Демократический социализм / Глоссарий.ру : [сайт]. URL: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RElsuqwguyo,lxqop!xu.ogrons. (дата обращения: 10.09.2014).
23. Государственное совещание. М. ; Л., 1930. С. 229 – 232.
24. Громько А. А. Политический реформизм в Великобритании (1970 – 1990 годы). М., 2001. С. 5.
25. Жидков О. А., Крашенинникова Н. А. История государства и права зарубежных стран. М., 1991. С. 155.
26. Зайков К. С. Норвежская рабочая партия в 1945 – 1953 гг.: от радикализма к умеренному реформизму // Баренц-журнал. Архангельск, 2007. № 1(5). С. 70, 74.
27. Лебедева А. П. Идеи П. А. Кропоткина и современное анархическое движение // Труды междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина. Москва, Дмитров, С.-Петербург. 9 – 15 дек. 1992 г. Вып. 3. П. А. Кропоткин и революционное движение. М., 1995. С. 57 – 58.
28. Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Париж, 1964. С. 7 – 8.
29. Мильеран А. Социализм = реформизм. СПб., [1907]. С. 10,11.
30. Мкртчян А. А. «Всякого угнетателя личности я ненавижу» // Труды комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. Вып. 2. М., 1992. С. 10.
31. Мкртчян А. А. П. А. Кропоткин и Западная Европа // Новая и новейшая история. М., 1991. № 2. С. 58.
32. Назаров А. А. Уроки реализма : П. А. Кропоткин в годы революции // Труды комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. Вып. 1. М., 1992. С. 125.
33. Назаров А. А. Эволюция социально-экономических воззрений П. А. Кропоткина: дис. ... канд. экон. наук. М., 1994. С. 90 – 91.
34. Никульченков Е. И. Проблема эволюции и революции в социально-политической теории П. А. Кропоткина (политико-этический аспект) : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 1993. С. 96.
35. Обращение Московской Лиги Федералистов о задачах Лиги // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 52.
36. П. А. Кропоткин в 1917 году: первые впечатления от революционной России / публ. А. В. Бирюкова, Н. К. Фигуровской ; ком. А. В. Бирюкова // Труды комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. Вып. 1. М., 1992. С. 157.

37. Пирумова Н. М. Гуманизм и революционность Петра Кропоткина // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 38.
38. Правовые основы перехода к рыночным отношениям : антимонопольное законодательство и приватизация. Ч. 2. М. : МП Экономика и право, 1991. С. 14.
39. Сайтанов С. В. Анархо-реформизм в общественно-политических взглядах П. А. Кропоткина (1897 – 1921 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2012. С. 30.
40. Сайтанов С. В. Анархо-реформизм П. А. Кропоткина: терминологический аспект // Наше Отечество. Страницы истории. Вып. X. М., 2012. С. 48.
41. Сайтанов С. В. Становление П. А. Кропоткина как русского ученого-интеллектуала в период доанархического реформизма (1842 – 1876 гг.) // Интеллигенция и мир. Иваново, 2011. № 3. С. 110.
42. Свобода, нравственность и самоорганизация. С точки зрения революционера (П. А. Кропоткин). URL: http://www.kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_18.htm. (дата обращения: 12.09.2014).
43. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения. Л., 1990. С. 49 – 59.
44. Старостин Е. В. Предисловие // Анархизм : сборник. М., 1999. С. 5.
45. Талеров П. И. Полемика П. А. Кропоткина и К. П. Победоносцева в американском журнале «The north american review» // Клио : журнал для ученых. 2004. № 2(25). С. 249.
46. Ударцев С. Ф. Власть и государство в теории анархизма в России (XIX – начало XX в.) // Анархия и власть. М., 1992. С. 53 – 54.
47. Шуб Д. Н. Политические деятели России (1850-х – 1920-х гг.). Нью-Йорк, 1969. С. 299.
48. Якушик В. М. Социал-реформизм в современном мире. Киев, 1990. С. 4.
49. Яхимович З. П. Метаморфозы революционаризма и реформизма в Европе XX столетия // Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность. М., 2003. С. 302 – 303.
50. Selle P., Tranvik T. Civil Society in Transition // Nordic Politics & Comparative Perspectives / Ed.: Heidar K. Oslo, 2004. P. 83.

S. V. Saytanov

TREND OF DEMOCRATIC SOCIALISM IN ANARCHO-REFORMIST VIEWS OF PETER KROPOTKIN

Kropotkin's formed anarcho-reformist position, consisting in support of the democratic state institutions, parliament, and in support during World War I democratic states themselves, which was, according to Kropotkin, a transitional stage on the way of building an anarchist society, was estimated by many anarchists as «a political death» of Kropotkin. To us it seems like the beginning of the trend of convergence of P.A. Kropotkin with the principles of democratic socialism.

Keywords: Peter Kropotkin, anarchism, reformism, democratic socialism, anarcho-reformism and democratic state, an anarchist society, social and political views.

**АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ СООТНОШЕНИЯ
ТОЛЕРАНТНОСТИ И КСЕНОФОБИИ В СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ
ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ**

В статье анализируются некоторые результаты исследования, проведенного в октябре – ноябре 2014 г. «Среднерусским консалтинговым Центром» совместно с «Академией профессионального образования» на тему «Социологический анализ факторов, способствующих снижению напряженности в сфере межнациональных отношений во Владимирской области». Рассматривается влияние личного опыта общения с людьми других национальностей на оценку отдельных аспектов межнациональных отношений.

Ключевые слова: межнациональные отношения, толерантность, ксенофобия.

В октябре – ноябре 2014 г. «Среднерусский консалтинговый Центр» совместно с «Академией профессионального образования» провел исследование на тему «Социологический анализ факторов, способствующих снижению напряженности в сфере межнациональных отношений во Владимирской области». Методом анкетирования по репрезентативной квотной выборке опрошен 571 житель Владимирской области. Для выявления динамики в оценках респондентов используются данные опроса 2012 г., проведенного «Среднерусским консалтинговым Центром» совместно с Владимирским филиалом Нижегородского лингвистического университета.

В настоящей статье представлены некоторые результаты данного исследования, раскрывающие влияние личного опыта общения с людьми других этносов на оценку отдельных аспектов межнациональных отношений.

В качестве таких аспектов выделены:

- отношение респондентов к тому, что Россия является многонациональной страной;

- отношение к межнациональным бракам;

- представление о том, как связан патриотизм с этнической принадлежностью.

Оценивая факт многонациональности России, относительное большинство – 43 % респондентов – отмечают, что в нем много положительно, но, однако, это может привести к межнациональным конфликтам.

Каждый четвертый (26 %) находит в многонациональности страны только положительное – разные народы обогащают друг друга; тогда как 16 % находят, наоборот, только отрицательное, считая, что одни народы живут за счет других. Наконец, 14 % затруднились ответить на данный вопрос.

Половина жителей области относится к многонациональным бракам вполне толерантно (49 %), не видя в них ничего плохого. Еще более трети

ответивших на вопрос допускают такие браки, однако предвидят серьезные проблемы для супругов (35 %). Наконец, 16 % считают, что брак следует заключать только с представителем своей национальности.

Таким образом, жители области делятся в отношении к межнациональным бракам практически пополам – первая половина их безоговорочно принимает, вторая половина либо полностью отвергает, либо допускает, но с большими оговорками. На фокус-группах участниками приводились примеры как счастливых межнациональных браков, так и не очень удачных (из-за труднопреодолимых различий в менталитете).

Отвечая на вопрос, кто может быть патриотом России, почти половина респондентов (47 %) выбирают вариант ответа «представители любых национальностей». В то же время весьма весомая доля – 38 % респондентов уверены, что патриотом России может быть только русский.

Результаты исследования подтвердили наличие у жителей области довольно богатого опыта общения с людьми других национальностей. Как и два года назад, три четверти респондентов указали, что в кругу их друзей и знакомых имеются представители других национальностей (диаграмма 1). Лишь каждый пятый из числа опрошенных выбирает противоположный вариант ответа.

Причем подобное распределение практически не зависит ни от пола, ни от возраста жителей области (табл. 1).

При этом лишь половина респондентов отметили, что они никогда не испытывают трудностей в общении

с представителями других этносов (диаграмма 2).

Другая половина с подобными трудностями сталкивается, правда, в основном иногда (22 %) или в зависимости от конкретной национальности того, с кем приходится общаться (15 %).

Крайне негативные варианты ответа – «Постоянно испытываю трудности» и «Стараюсь избегать общения с людьми других национальностей» – выбирает все же меньшинство опрошенных (соответственно 3 и 7 %). Но в сумме это все же десятая часть ответивших на вопрос, что не так уж и мало.

В качестве положительного факта отметим, что доля не испытывающих проблем в общении за 2 года несколько подросла, однако для того чтобы говорить о тенденции, необходимо продолжать наблюдения.

Показательно, что респонденты, имеющие многонациональный круг общения, чаще отмечают отсутствие трудностей в общении с представителями других этносов (57 %). Среди тех, кто не имеет знакомых других национальностей, лишь треть не испытывают никаких трудностей в общении с людьми других этносов (37 %). Зато четверть представителей этой группы стараются вообще избежать общения с ними (табл. 2).

В сущности, доля старающихся избежать общения с представителями других национальностей как раз и состоит в основном из тех, кто не имеет таковых среди своих друзей и знакомых (71 %). Во всех остальных группах, включая испытывающих как разовые, так и постоянные трудности, наоборот, преобладают респонденты, имеющие в своем ближнем круге общения людей других национальностей

(66 % среди испытывающих постоянные трудности и 80 % среди не испытывающих трудностей).

Гендерных отличий в оценке проблем общения практически не обнаруживается (табл. 3). Зато возраст оказывает некоторое влияние. Оно не принципиально, поскольку во всех возрастных группах наиболее заметными являются группы, не имеющие никаких проблем в общении с лицами других национальностей. Однако, если среди представителей старшего поколения проблем не имеют почти две трети опрошенных (62 %), то среди молодежи таких все же менее половины (46 %). Правда, и молодежь не проявляет какой-то особой нетерпимости, в основном избегая крайних вариантов ответа и чаще отмечая либо разовые трудности, либо связанные с конкретными национальностями.

В ходе исследования мы выяснили, в какой степени респонденты готовы работать вместе (диаграмма 3) и под руководством (диаграмма 4) людей других национальностей.

В обоих случаях распределение ответов мало отличается от результатов, полученных в 2012 г.

Вновь относительное большинство готово работать в многонациональных коллективах (40 %), но хотелось бы избежать работы под руководством представителей других этносов (45 %). Отметим, что обе доли увеличились.

На фокус-группах респонденты высказывали мнение о том, что готовность работать с людьми других национальностей зависит от их доли в коллективе. Если таких немного – то проблем не возникнет. «Это, смотря какой

национальности, и смотря, сколько их», – говорит одна женщина. «Если бы все, я бы, пожалуй, не стала», – вторит ей другая.

Высказали участники фокус-групп и сомнение в своей готовности работать под руководством лица другой национальности. Сошлись во мнении, что многое зависит от национальности руководителя и от того, как часто с ним придется контактировать.

Так или иначе, как и два года назад, мы видим практически зеркальное отражение готовых и не готовых работать вместе с людьми других национальностей и под их руководством.

Отметим также, что четверть жителей области уже работают в многонациональных коллективах. Причем среди респондентов, находящихся в наиболее экономически активном возрасте (31 – 50 лет), эта доля достигает 33 %.

К работе как вместе, так и под руководством лиц других национальностей женщины относятся более терпимо, чем мужчины (табл. 4 и 5).

Молодежь и здесь проявляет наибольшую настороженность, чаще других отмечая стремление избежать как работы вместе с лицами других национальностей (23 % против 19 % в среднем), так и под их руководством (52 % против 45 % в среднем).

Данные, приведенные в табл. 6 и 7, показывают, что респонденты с высшим образованием выделяются на общем фоне, проявляя бóльшую терпимость, особенно в вопросе работы под руководством представителей других национальностей (35 % против 27 % в среднем).

Влиятельным фактором оказывается и место жительства респондентов (табл. 8 и 9). Очевидно, что за пределами областного центра перспектива работать под руководством лиц другой национальности выглядит более пугающей (по 48 % в малых городах и в сельской местности против 42 % среди жителей Владимира). Причем среди жителей села четверть опрошенных хотели бы избежать и работы просто вместе с представителями другого этноса.

Наконец, как и следовало ожидать, на уровень терпимости респондентов по отношению к работе в многонациональном коллективе позитивно влияет наличие представителей других национальностей среди их друзей и знакомых (табл. 10 и 11).

Имеющие таких знакомых в два с половиной раза реже не имеющих опасаются сотрудников других национальностей (14 % против 37 %) и в два раза чаще выражают готовность работать под руководством лиц других национальностей (31 % против 13 % среди не имеющих). Тем не менее даже в группе жителей области, регулярно общающихся с людьми других национальностей, больше тех, кто хотел бы избежать такого руководителя (44 %).

Напомним, что 15 % жителей области ставят возникновение проблем в общении с людьми других этносов в зависимость от того, к какой национальности они принадлежат. Этот мотив явно звучал и в ходе фокус-групп.

Какие же народы владимирцы считают наиболее дружественными, а какие – наиболее враждебными по отношению к русским? Подобные во-

просы задавались в ходе исследования в открытой форме, и каждый респондент мог самостоятельно вписать несколько дружественных и несколько враждебных национальностей.

Среди дружественных национальностей явно выделяются две – белорусы (35,5 %) и армяне (27 %). На диаграмму вынесены национальностей, которые упомянуты более чем 1 % ответивших. Остальные, упомянутые, как правило, один-два раза, включены в группу «Другие».

Список «враждебных» национальностей оказался более плотным (диаграмма 6). Возглавляют его, что не удивительно в свете событий 2014 г., украинцы (21 %). Попали в первую пятерку и американцы (14 % – четвертое место), чье государство, по мнению половины жителей области, представляет основную угрозу для России в современном мире.

Остальные места в первой пятерке занимают представители Кавказа либо как некая общая группа (17 % просто вписали в анкету «кавказцы»), либо как часть конкретного этноса – дагестанцы (17,6 %) и чеченцы (13 %). Отметим, что если суммировать эти три варианта ответа, то украинцы все же переместятся на второе место.

Близки к первой пятерке «враждебных» народов и азербайджанцы (9,6 %).

Обратим внимание и на то, что прибалтийские народы, как и кавказцы, попали на диаграмму как общей группой (прибалты – 4 %), так и по отдельности (латыши – 2,3 %, эстонцы – 2,1 %, литовцы – 1,8 %). Это же касается и представителей Средней Азии: часть респондентов указывала кон-

кретные национальности (узбеки, таджики), часть просто писала – азиаты. Следует отметить, что и фокус-группы подтвердили слабую способность большинства опрошенных различать особенности отдельных национальностей, вследствие чего респондентам проще объединять народы в этно-географические группы.

Крайне важно, на наш взгляд, отметить, что оба списка как дружественных, так и враждебных народов, почти полностью состоят из представителей бывших республик СССР. Извне в них попали только китайцы, корейцы и сербы (дружественные), американцы (враждебные) и немцы (оба списка). Это, безусловно, является косвенным свидетельством сохранившегося представления россиян о пространстве бывшего Советского Союза как о жизненно важной для России территории.

Вернемся, однако, к вопросу о влиянии личного опыта общения с представителями других национальностей на оценку многонационального характера Российской Федерации.

Результаты показывают – это влияние очевидно. На диаграмме 7 хорошо видно, что наличие знакомых других национальностей положительно влияет на представление о том, что патриотом России может быть любой человек, а отнюдь не только русский (54 % против 27 %), а также на позитивное отношение к межнациональным бракам (52 % против 36 %).

То же самое мы можем видеть и на диаграмме 8. Те, кто не испытывают проблем в общении с людьми других национальностей, чаще других

признают право быть патриотом России за любым человеком, вне зависимости от его этнической принадлежности (57 % против 40 % испытывающих проблемы и 15 % старающихся вообще избежать общения), и чаще отказываются видеть какие-то проблемы в межнациональных браках (57 % против 42 % среди испытывающих проблемы и 25 % среди старающихся избежать общения).

Однако в случае с отношением к многонациональности России как таковой различия уже не так заметны, хотя и здесь те респонденты, в круг общения которых входят лица других национальностей, и те, кто не испытывают проблем в межнациональном общении, все же немного чаще отмечают позитивное влияние многонациональности на жизнь страны.

Таким образом, наличие опыта общения с людьми других национальностей, особенно опыта позитивного и беспроblemного, положительно влияет на уровень толерантного отношения к многонациональной социальной среде.

Жители области, в круг общения которых не входят люди других национальностей, как и те, кто испытывает проблемы в межнациональном общении, уже менее толерантны.

Наконец, высокий уровень ксенофобии тех, кто старается избежать любого общения с людьми других национальностей, проявляется и в ответах на приведенные выше вопросы. Среди них почти треть считает, что брак можно заключать только с представителем своей национальности (30 %), и почти две трети связывают патриотизм с этническим происхождением,

считая, что патриотом России могут быть только русские.

В то же время, что вполне естественно, сам по себе опыт общения с людьми других национальностей отнюдь еще не ведет к полному преодолению ксенофобии, поскольку и среди тех, кто не испытывает никаких про-

блем в общении с людьми других национальностей, более четверти считают патриотами только русских, каждый восьмой выступает против межнациональных браков и каждый десятый видит больше плохого в том, что Россия является многонациональной страной.

Диаграмма 1. Наличие среди друзей и знакомых респондентов лиц другой национальности, %

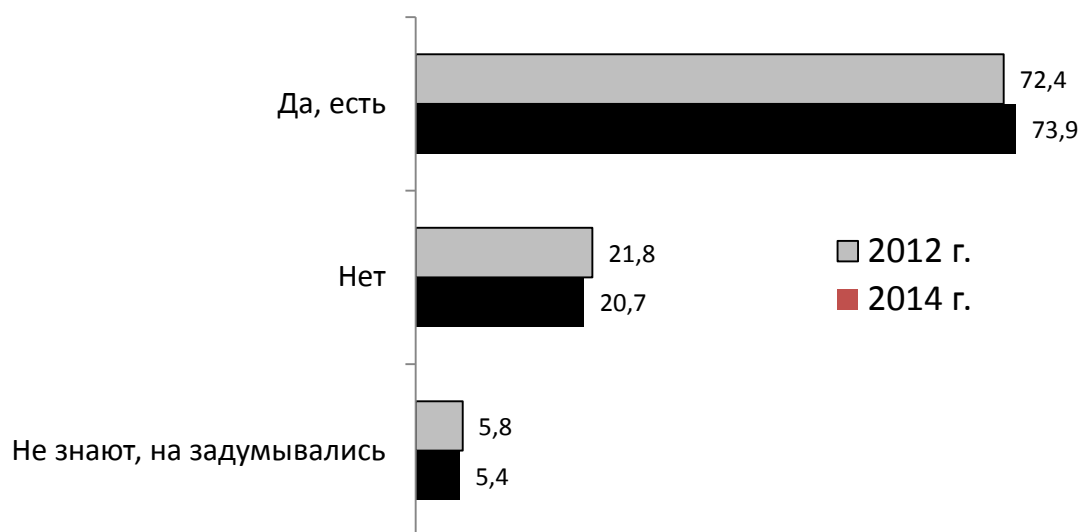

Таблица 1

Есть ли среди друзей и знакомых респондентов лица других национальностей, в зависимости от пола и возраста
(в процентах от общего числа ответивших на вопрос)

Вариант ответа на вопрос	В среднем по выборке	Пол		Возраст, лет		
		Муж.	Жен.	18 – 30	31 – 50	Старше 50
Да, есть	73,9	77,5	71,1	76,1	72,0	72,6
Нет	20,7	18,1	22,7	19,4	21,3	22,1
Не знают, не задумывались об этом	5,4	4,4	6,2	4,5	6,6	5,3
Ответили на вопрос, чел.	571	249	322	247	211	113

Диаграмма 2. Испытывают ли респонденты трудности в общении с людьми других национальностей, %

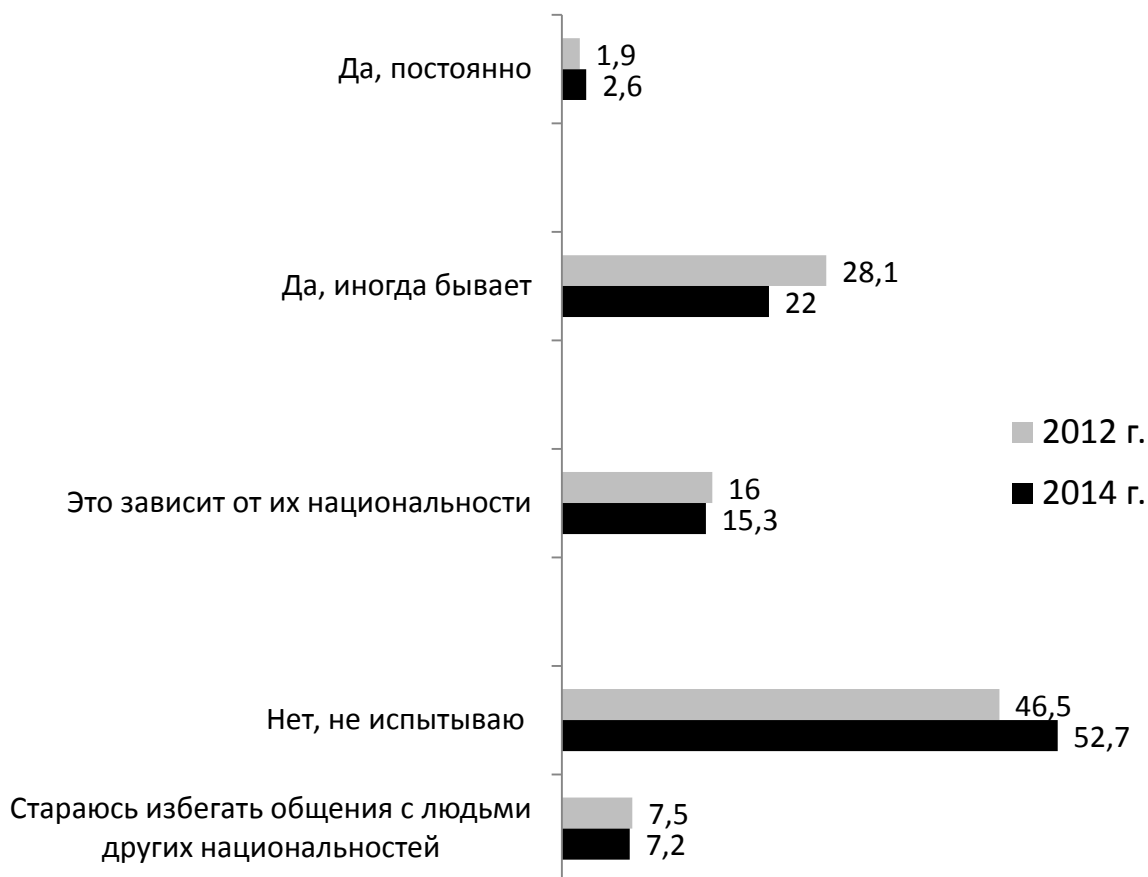

Таблица 2

Испытывают ли респонденты трудности в общении с людьми других национальностей, в зависимости от наличия знакомых (в процентах от общего числа ответивших на вопрос)

Степень испытываемых трудностей в общении с людьми других национальностей	В среднем по выборке	Имеющие знакомых других национальностей	Не имеющие знакомых других национальностей
Да, постоянно	2,6	2,4	4,2
Да, иногда бывает	22,0	23,5	18,6
Это зависит от их национальности	15,2	15,4	15,3
Нет, не испытывают	52,4	56,6	37,3
Стараются избегать общения с людьми других национальностей	7,2	2,1	24,6
Ответили на вопрос, чел.	567	422	118

Испытывают ли респонденты трудности в общении с людьми других национальностей, в зависимости от пола и возраста (в процентах от общего числа ответивших на вопрос)

Вариант ответа на вопрос	В среднем по выборке	Пол		Возраст, лет		
		Муж.	Жен.	18 – 30	31 – 50	Старше 50
Да, постоянно	2,6	3,6	1,9	2,9	3,3	0,9
Да, иногда бывает	22,0	19,8	23,8	25,8	21,3	15,2
Это зависит от их национальности	15,2	17,4	13,8	18,4	12,8	13,4
Нет, не испытывают	52,4	53,0	52,5	46,3	55,5	61,6
Стараются избегать общения с людьми других национальностей	7,2	6,1	8,1	6,6	7,1	8,9
Ответили на вопрос, чел.	567	247	320	244	211	112

Диаграмма 3. Готовы ли респонденты работать вместе с людьми других национальностей, %

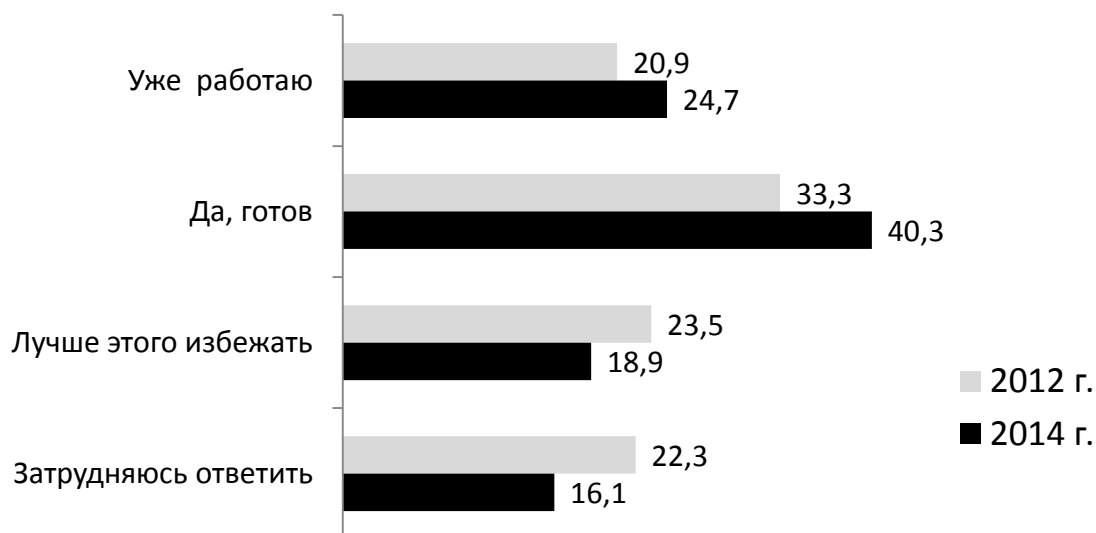

Диаграмма 4. Готовы ли респонденты работать под руководством людей других национальностей

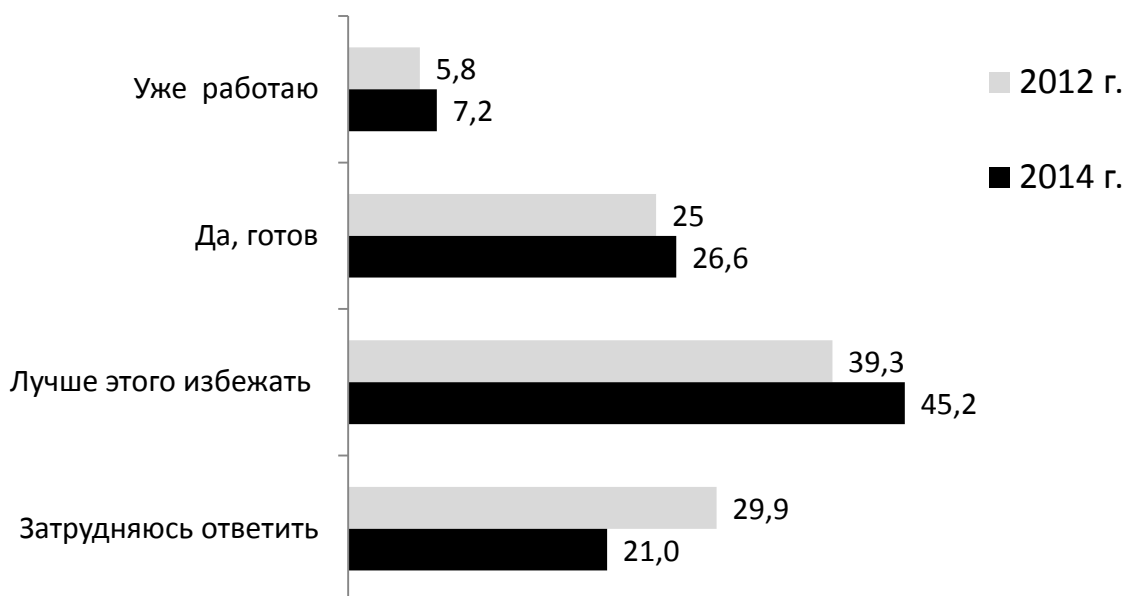

Таблица 4

Готовы ли респонденты работать вместе с представителями других национальностей, в зависимости от пола и возраста (в процентах от общего числа ответивших на вопрос)

Вариант ответа на вопрос	В среднем по выборке	Пол		Возраст, лет		
		Муж.	Жен.	18 – 30	31 – 50	Старше 50
Уже работают	24,7	26,9	23,0	16,6	33,2	26,5
Да, готовы	40,3	37,3	42,5	47,4	36,0	32,7
Лучше этого избежать	18,9	20,5	17,7	23,1	16,1	15,0
Затруднились ответить	16,1	15,3	16,8	13,0	14,7	25,7
Ответили на вопрос, чел.	571	249	322	247	211	113

Готовы ли респонденты работать под руководством представителей других национальностей, в зависимости от пола и возраста
(в процентах от общего числа ответивших на вопрос)

Вариант ответа на вопрос	В среднем по выборке	Пол		Возраст, лет		
		Муж.	Жен.	18 – 30	31 – 50	Старше 50
Уже работают	7,2	7,2	7,1	6,1	8,5	7,1
Да, готовы	26,6	25,3	27,6	23,1	28,4	31,0
Лучше этого избежать	45,2	50,6	41,0	51,8	42,7	35,4
Затруднились ответить	21,0	16,9	24,2	19,0	20,4	26,5
Ответили на вопрос, чел.	571	249	322	247	211	113

Таблица 6

Готовы ли респонденты работать вместе с представителями других национальностей, в зависимости от уровня образования
(в процентах от общего числа ответивших на вопрос)

Вариант ответа на вопрос	В среднем по выборке	Уровень образования			
		Среднее	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее
Уже работают	24,7	25,2	31,0	12,3	22,4
Да, готовы	40,3	37,4	33,0	55,6	44,1
Лучше этого избежать	18,9	21,7	18,5	18,5	18,0
Затруднились ответить	16,1	15,7	17,5	13,6	15,5
Ответили на вопрос, чел.	571	115	200	81	161

Готовы ли респонденты работать под руководством представителей других национальностей, в зависимости от уровня образования
(в процентах от общего числа ответивших на вопрос)

Вариант ответа на вопрос	В среднем по выборке	Уровень образования			
		Среднее	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее
Уже работают	7,2	6,1	9,5	2,5	6,8
Да, готовы	26,6	19,1	25,0	25,9	34,8
Лучше этого избежать	45,2	52,2	45,0	53,1	37,3
Затруднились ответить	21,0	22,6	20,5	18,5	21,1
Ответили на вопрос, чел.	571	115	200	81	161

Готовы ли респонденты работать вместе с представителями других национальностей, в зависимости от места жительства
(в процентах от общего числа ответивших на вопрос)

Вариант ответа на вопрос	В среднем по выборке	Место жительства		
		Владимир	Другой город области	Сельская местность
Уже работают	24,7	26,9	22,1	23,9
Да, готовы	40,3	38,4	45,1	35,2
Лучше этого избежать	18,9	17,2	18,6	25,0
Затруднились ответить	16,1	17,6	14,2	15,9
Ответили на вопрос, чел.	571	279	204	88

Готовы ли респонденты работать под руководством представителей других национальностей, в зависимости от места жительства
(в процентах от общего числа ответивших на вопрос)

Вариант ответа на вопрос	В среднем по выборке	Место жительства		
		Владимир	Другой город области	Сельская местность
Уже работают	7,2	6,5	9,3	4,5
Да, готовы	26,6	28,7	26,0	21,6
Лучше этого избежать	45,2	41,9	48,5	47,7
Затруднились ответить	21,0	22,9	16,2	26,1
Ответили на вопрос, чел.	571	279	204	88

Таблица 10

Готовы ли респонденты работать вместе с представителями других национальностей, в зависимости от наличия знакомых
(в процентах от общего числа ответивших на вопрос)

Степень готовности работать	В среднем по выборке	Имеющие знакомых других национальностей	Не имеющие знакомых других национальностей
Уже работают	24,7	28,7	12,7
Да, готовы	40,3	46,2	22,9
Лучше этого избежать	18,9	14,2	37,3
Затруднились ответить	16,1	10,9	27,1
Ответили на вопрос, чел.	571	422	118

Готовы ли респонденты работать под руководством представителей других национальностей, в зависимости от наличия знакомых
(в процентах от общего числа ответивших на вопрос)

Степень готовности работать	В среднем по выборке	Имеющие знакомых других национальностей	Не имеющие знакомых других национальностей
Уже работают	7,2	7,8	5,9
Да, готовы	26,6	30,8	13,6
Лучше этого избежать	45,2	43,8	55,9
Затруднились ответить	21,0	17,5	24,6
Ответили на вопрос, чел.	571	422	118

Диаграмма 5. Национальности, представители которых наиболее дружелюбно относятся к русским, %

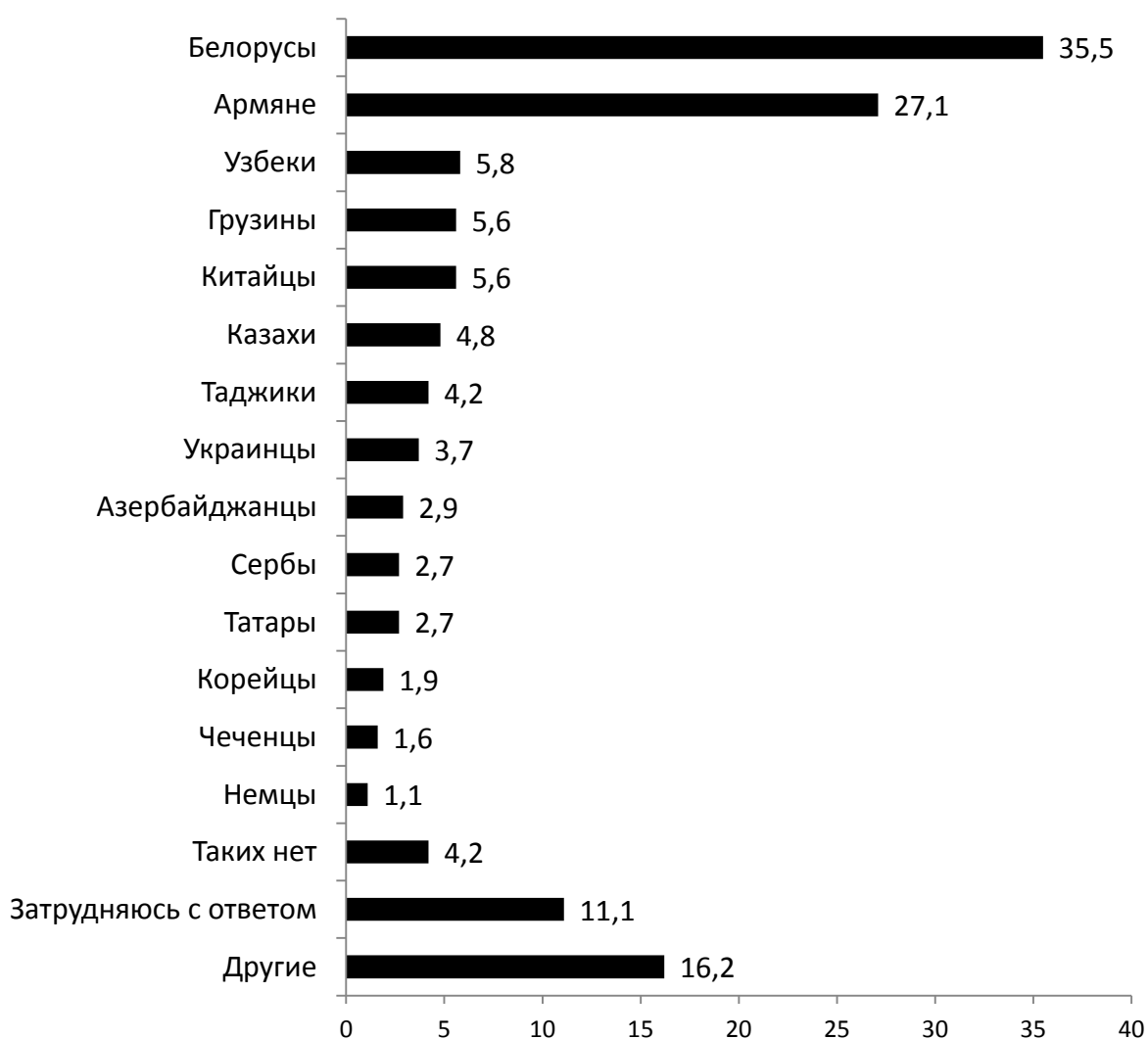
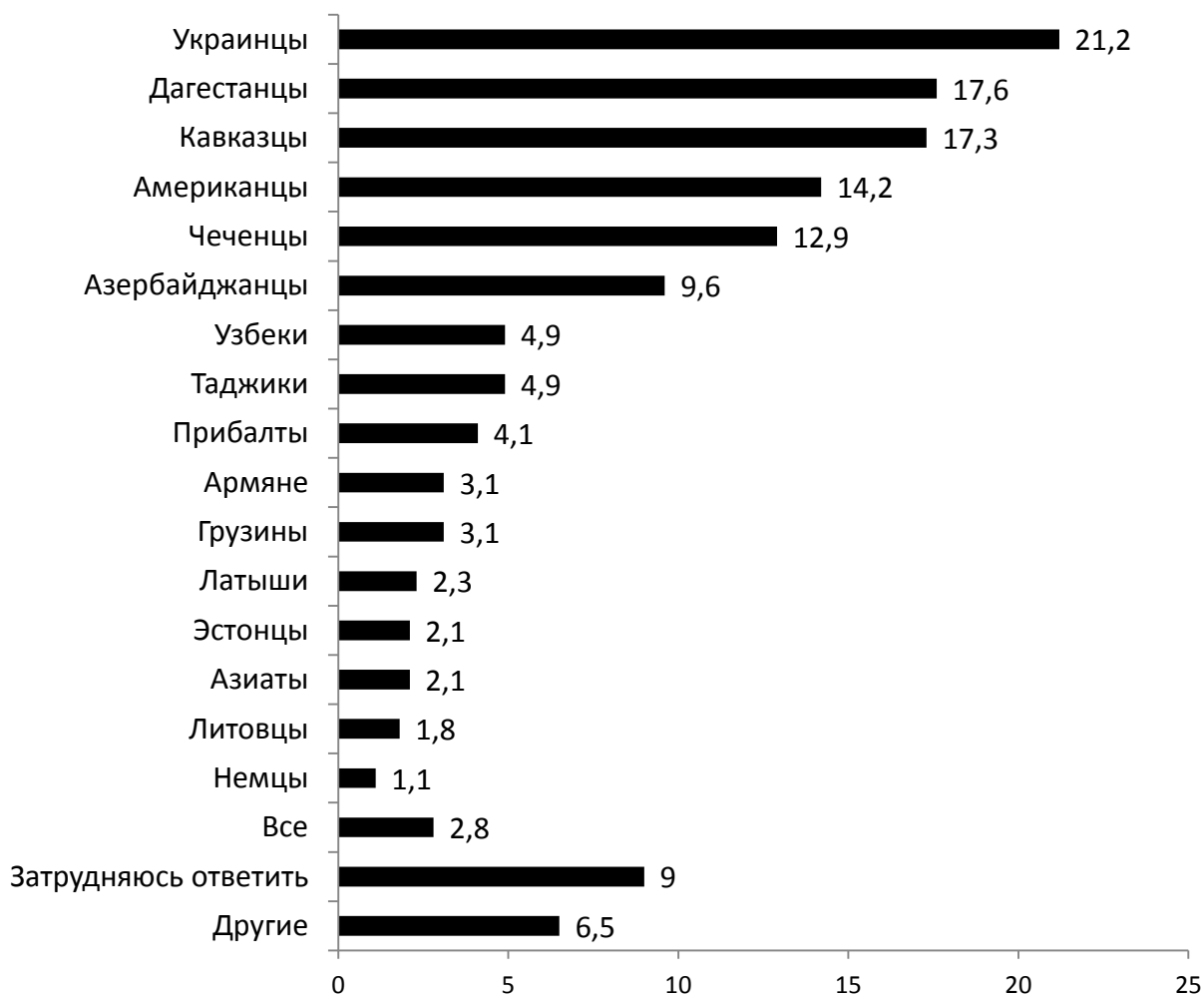

Диаграмма 6. Национальности, представители которых относятся к русским наиболее враждебно, %

**Диаграмма 7. Оценка разных аспектов многонациональности
в зависимости от наличия среди друзей и знакомых лиц других
национальностей, %**

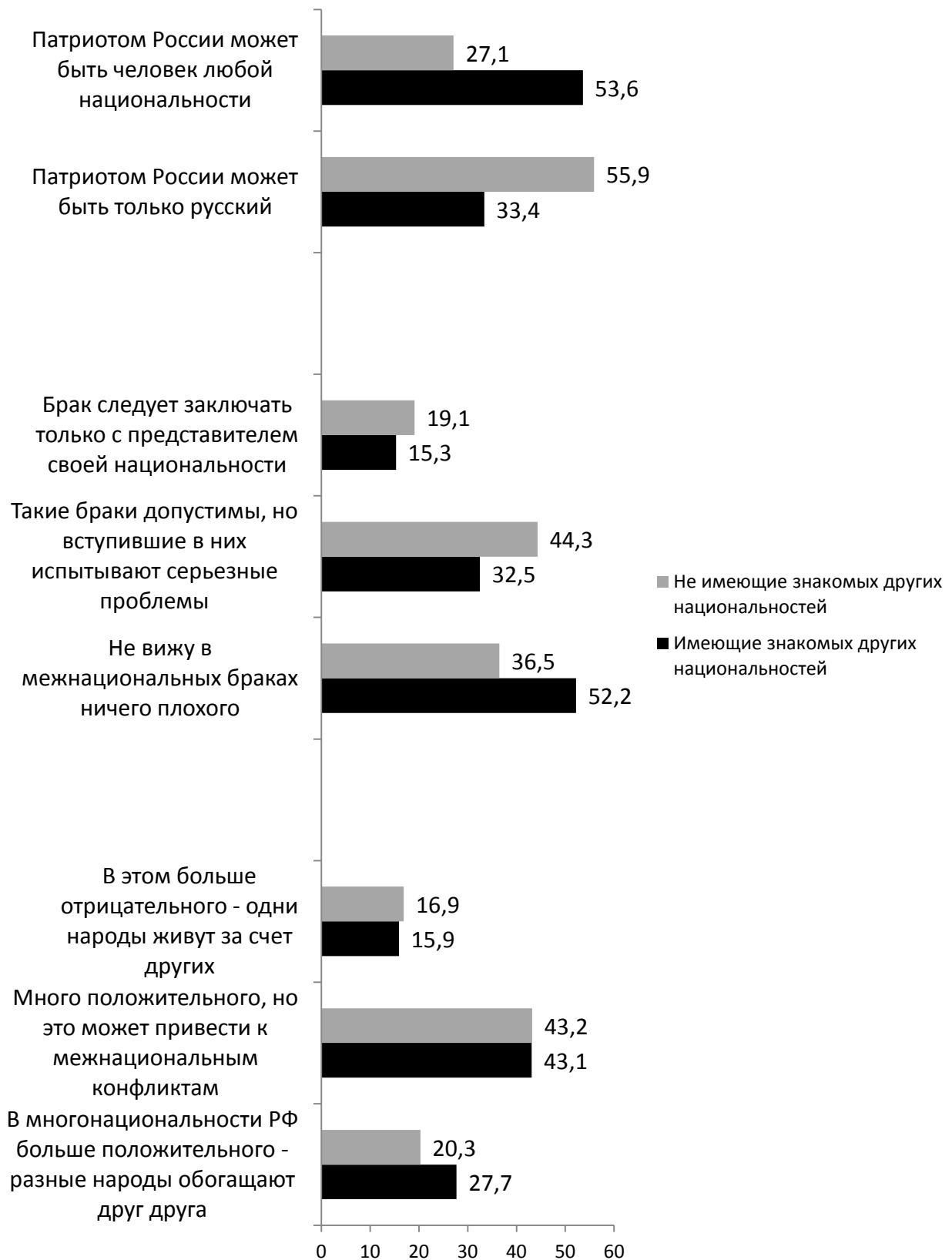
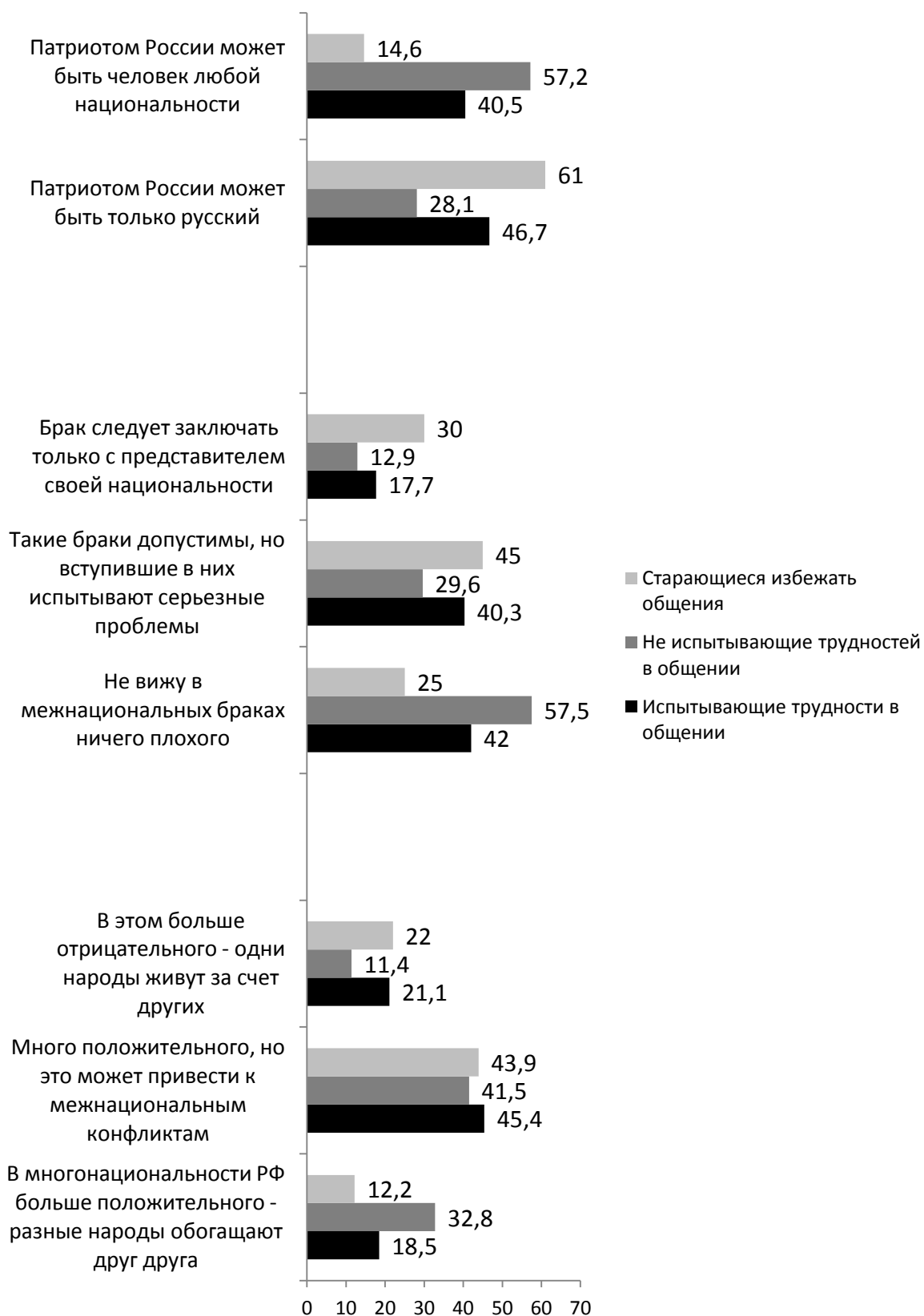

Диаграмма 8. Оценка различных аспектов многонациональности в зависимости от наличия или отсутствия проблем в общении с людьми других национальностей, %

THE INFLUENCE OF THE PERSONAL EXPERIENCE IN MULTINATIONAL COMMUNICATIONS OF THE CITIZENS OF VLADIMIR REGION ON THEIR LEVEL OF TOLERANCE VERSUS XENOPHOBIA

The article analyses a part of the results of the research “Sociological Factors of the Tension Reduction in Multinational Relations in Vladimir Region” held by The Mid – Russian Consulting Center in cooperation with The Academy Of The Professional Education in October – November 2014. The author describes the positive influence of the personal experience in multinational communications on the reduction of the xenophobia level.

Keywords: multinational relations, tolerance, xenophobia

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕКАСОВА Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Оренбургского государственного педагогического университета.
bekasova@mail.ru

ДЕМИДОВ Дмитрий Григорьевич – доктор филологических наук, доцент («ассоциированный профессор») факультета славянских языков и литератур Государственного университета Чжэнчжи, Department of Slavic Languages & Literatures, National Chengchi University.
demidoffs@rambler.ru

ЗУБКОВ Сергей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
kafedra-fir@mail.ru

КРАСНИЦКАЯ Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Ивановского государственного университета.
krasniz_t@mail.ru

ЛАТЫШЕВА Жанна Вячеславовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
joan_lat@mail.ru

МАКЕЕВ Дмитрий Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
lapshina.nni2012@yandex.ru

ПЕТРОСЯН Дмитрий Ильич – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Владимирского филиала РАНХиГС, доцент кафедры социологии Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых директор «Среднерусского консалтингового Центра».
ilyich87@yandex.ru

РОДРИГЕС Александр Мануэльевич – доктор исторических наук, профессор заведующий кафедрой новой и новейшей истории Московского государственного педагогического университета.
rodrigues@mail.mipt.ru

САЙТАНОВ Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Международного славянского института.
saitanov@mail.ru

СОКОЛОВА Светлана Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
kafedra-fir@mail.ru